ISSN 2542-2197

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1
выпуск (882)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

ISSN 2542-2197

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

1 Issue (882)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 1 (882)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК — **доктор филологических наук, профессор**

Зам. главного редактора
Е. И. КАРПЕНКО — **кандидат филологических наук**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (НИУ МЭИ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 1 (882)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
GALINA G. BONDARCHUK — **Doctor of Philology, Professor**

Deputy Chief Editor
ELENA I. KARPENKO — **PhD in Philology**

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A.P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V.V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K.V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU “Higher School of Economics” in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPEI)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ

О Риме, Пизе и муравьях: толкование 4-й строки лавдации на фасаде пизанского Дуомо
ВАЛЬКОВ Д. В. 9

Гастрономический дискурс: французские лингвокультуремы в диахроническом аспекте
ВИКУЛОВА Л. Г., РЯНСКАЯ Э. М. 17

Волшебник Мерлин и святой Мартин Турский в перспективе средневекового и современного воображаемого Франции
ГОЛЬДЕНБЕРГ Е. В. 24

Отглагольные дискурсивные маркеры французского языка в диахроническом аспекте
ЗУЕВА Е. С. 32

Пути репрезентации флористического кода культуры в ономастиконе Брестчины
ИЛЬИЧЕВА И. Л. 39

Специфика авторского повествования в старофранцузской «Хронике Ротелина» XIII века («Manuscript de Rothelin»)
МАНУХИНА А. О. 46

О фразеологическом статусе древнеанглийского сверхсловного кеннинга (на примере словосочетания *ýða ȝewealc*)
МУХИН С. В. 52

Заимствования из арабского языка во французском языке в XIX и XX веках
ПЫЛАКИНА В. В. 60

Диахроническое представление концептуальной структуры «opinion publique» во французском языке (начало XVII века – 1789 год)
ТУЛУБЕЕВА Е. В. 66

«La lenga d'oé» в оригинале и литературной имитации Умберто Эко
ШКОЛЬНИКОВА О. Ю. 73

Дискурс сонета в диахронии: лингвостилистические характеристики
ШПЕТНЫЙ К. И. 79

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Дискурсивные характеристики франкоязычной интернет-коммуникации
БЫКОВА О. А. 87

Особенности вокализма французского телевизионного ток-шоу
КОГАЛОВА Е. А. 93

СОДЕРЖАНИЕ

Этимологический и культурологический анализ латинской юридической фразеологии
МУРАВЬЕВА А. И. 99

Синтаксический и семантический анализ испанских фразеологизмов, содержащих гастрономический компонент
ТРОФИМОВА Е. А. 106

Категория лица в акте речи: сопоставление французского и русского языков
ТУНИЦКАЯ Е. Л. 113

Латинские выражения в дискурсе политиков Великобритании
ШЕХОВЦОВА Е. Е. 120

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Буддийские аспекты образа Льва Толстого
и идеи философии Махаяны в романе Виктора Пелевина «t»
ДУБАКОВ Л. В. 127

Римская литература и право: взаимосвязь и взаимопроникновение
МАРШАЛОК Н. В., УЛЬЯНОВА И. Л. 133

Лексические средства создания образа карлизма в «Сонатах» Р. М. дель Валье-Инклана
ТЕРЕЩУК А. А. 138

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Цифровизация культуры: токен-технологии как новая форма репрезентации искусства
КУПЦОВА И. А., ВАСИЛЬЕВА Ю. С. 145

Особенности мотива наказания грешников в европейской готической скульптуре
(за пределами Франции)
ТЁМКИН В. А. 151

LINGUISTICS

DIACHRONIC STUDIES FROM ANTIQUITY TO MODERN TIMES

About Rome, Pisa and Ants: Interpretation of the 4th Line of the laudatio on the Facade of the Pisa Duomo
VALKOV D. V. 9

Gastronomic discourse: French Linguoculturemes in a Diachronic Aspect
VIKULOVA L. G., RYANSKAYA E. M. 17

Merlin the Enchanter and Saint Martin of Tours in Medieval and Contemporary Imagination of France
GOLDENBERG E. V. 24

Verb-Based Discourse Markers of the French Language in a Diachronic Aspect
ZUEVA E. S. 32

Ways of Representation of the Floral Code of Culture in the Onomastikon of the Brest Region
ILYICHEVA I. L. 39

Specifics of the Author's Narrative in the Old French "Chronicle of Rothelin" of the 13th Century (*Manuscript de Rothelin*)
MANUHINA A. O. 46

On the Phraseological Status of Old English Collocational Kennings (examplified by the word-combination *yða ȝewealc*)
MUKHIN S. V. 52

Borrowings into French from Arabic in the 19th–20th Centuries
PYLAKINA V. V. 60

Diachronic Representation of the Conceptual Structure "Opinion Publique" in French (the beginning of the 17th century – 1789)
TULUBEYEVA E. V. 66

«La lenga d'oé» in the Original and in the Literary Imitation by Umberto Eco
SHKOLNIKOVA O. Yu. 73

Discourse of the Sonnet in Diachrony: Linguostylistic Features
SHPETNY C. I. 79

CURRENT RESEARCH OF ROMAN LANGUAGES IN THE MODERN WORLD

Discursive Features of French-Language Internet Communication
BYKOVA O. A. 87

Features of the French TV Talk-Show Vocalism
KOGALOVA E. A. 93

CONTENTS

Etymological and Cultural Analysis of Latin Legal Phraseology
MURAVYEVA A. I. 99

Syntactic and Semantic Analysis of Spanish Phraseological Units Containing a Gastronomic Component
TROFIMOVA E. A. 106

The Category of the Person in the Act of Speech: Comparison of French and Russian Languages
TUNITSKAYA E. L. 113

Latin Expressions in the Discourse of British Politicians
SHEKHOVTSOVA E. E. 120

LITERARY STUDIES

Buddhist Aspects of Leo Tolstoy's Image and Ideas of Mahayana Philosophy in Victor Pelevin's novel «t»
DUBAKOV L. V. 127

Roman Literature and Law: Interrelation and Interpenetration
MARSHALOK N. V., ULIANOVA I. L 132

Lexical Means of Creating the Image of Carlism in the "Sonatas" by R. M. Del Valle-Inclán
TERESHCHUK A. A. 138

CULTUROLOGY

Digitalization of Culture: Token Technologies as a New Form of Art Representation
KUPTSOVA I. A., VASILEVA Yu. S. 145

Features of the Motif of Punishment of Sinners in European Gothic Sculpture (outside France)
TYOMKIN V. A. 151

Научная статья
УДК 930

CC BY

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ

О Риме, Пизе и муравьях: толкование 4-й строки лавдации на фасаде пизанского Дуомо

Д. В. Вальков[1,2]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[2]*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия*
valkovdv@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается эпиграфическая лавдация военных свершений Пизы в Центральном Средиземноморье на протяжении XI века. Основным предметом исследования является 4-я строка лавдации как пример использования идеологемы «Urbs» в политическом дискурсе формирующейся коммуны. Словосочетанием *micas dicere* в 4-й строке пизанский политический дискурс одновременно констатирует единство образа действия лацийского прототипа и тосканского парагона, но также превосходство второго над первым при отсутствии в хронологическом континууме мифов его прошлого поражения и беглецов.

Ключевые слова: Пиза, коммуна, эпиграфика, лавдация, Центральное Средиземноморье, Северная Африка

Для цитирования: Вальков Д. В. О Риме, Пизе и муравьях: толкование 4-й строки лавдации на фасаде пизанского Дуомо // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 9–16.

Original article

About Rome, Pisa and Ants: Interpretation of the 4th Line of the laudatio on the Facade of the Pisa Duomo

Dmitri V. Valkov[1,2]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[2]*Moscow City University, Moscow, Russia*
valkovdv@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the epigraphic *laudatio* of the military achievements of Pisa in the Central Mediterranean during the 21st century. The main subject of the article is the 4th line of the *laudatio* as an example of the use of the ideologeme 'Urbs' in the political discourse of the emerging commune. With the word combination *micas dicere* in the 4th line, the Pisan political discourse states the superiority of the Tuscan paragon over the Lacian prototype, due to the absence of defeats and fugitives in the mythochronological continuum of the Tuscan paragon's past.

Keywords: Pisa, commune, epigraphy, laudatio, Central Mediterranean, North Africa

For citation: Valkov, D. V. (2024). About Rome, Pisa and ants: interpretation of the 4th line of the *laudatio* on the facade of the Pisa Duomo. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 9–16.

ВВЕДЕНИЕ

Насколько в Античности Рим является центром географии, совпадающим в своей власти, как это отмечает авторский текст, относящийся ко времени ранее кризиса III – начала IV века, с пределами создаваемого им административно-политического и культурного континуума (*Verg. Aen., VI, 783, 788–794, 851–853; Horat. od., III.3, 6, 14; IV.4, 14, 15; Carmen saeculare; Liv., praef., 7; Plin. Secund., panegyricus; Tac. hist., I; Namat. de red. suo, I, v. 47–66; Stob. Ant., III, c. 312, v. 1 – c. 313, v. 22*), настолько идеологеме «Urbs» не свойственна множественность аппликации: до IV века идеологема «Urbs» – идеологема Рима, Urbs есть Рим. На рубеже поздней Античности и раннего Средневековья, когда проявляется дихотомия Рима и идеального «Рима», идеологема «Urbs» обретает множественность аппликации, – оставаясь «римской», она прилагается к не-Риму. Так, со второй половины IV века в авторском тексте возникают константы парагонирования, полемизирования, соперничества, позднее, конфронтации, обозначающие усвоение и отстаивание не-Римом права быть новым и иным «Urbs», превосходящим прежний.

Открывая *Ordo urbium nobilium* упоминанием «Рима золотого, обители богов, меж градами первого»[1], в 7-й главе, в описании Медиолана, Авсоний отмечает относительно архитектурных красот города:

> Словно соперничая грандиозностью творения, возвышаются все (его) сооружения, и близкое сходство с Римом не умаляет (их) [Ausonio, 2000, cap. I, VII].

В метрической лавдации града Медиолана, составленной между 739 и 744 годами, к Медиолану приложимы едва ли не те же определения, какие тремя столетиями ранее служат Намациану для восхваления царственности умозримого им на пике славы «Рима»:

> Он – царица городов и мать отечества, именуемый возвышенным именем столицы, его восхваляют всего мира народы [Versum de Mediolano civitate, 1965, c. 375, v. 23–25].

В более поздней лавдации граду Вероне, относящейся к 790–810-м годам, городское пространство дохристианской Вероны представлено средоточием многочисленных и подробно перечисляемых языческих святилищ (при этом собственно в позднейшем христианском нарративе), нареченных различным богам, что призвано подчеркнуть сопоставимость его облика с обликом римского античного городского пространства [Versus de Verona, 1960, V].

В дальнейшем идеологема «Urbs» выступает точкой соприкосновения трех моделей авторского нарратива. Так, в Versus Romae, датированном около 878 года, будучи отнесенной к Риму, она утверждает значимую для авторского замысла дихотомию города – антигорода:

> Некогда был ты возведен славными властителями, ныне, увы, Рим, бесславно лежишь ты у ног рабов; цари твои давно оставили тебя, и к грекам перешли имя и величие твое; при тебе не осталось никого из славных правителей, и рожденные от свободных греческие пашни возделывают Квириты твои; сброд, рассеянный у окраин земли, рабы рабов ныне тебе господа; цветущий Константинополь зовется Новым Римом, ты, Рим старый, растлеваешься нравами, ветшаешь стенами [Versus Romae, 1896, с. 555–556].

Для Евгения Вульгария, автора последней трети IX – первой четверти X века, Рим не перестает быть мировой универсалией – *urbs super omnes*:

> Рим – глава мира, всему высшая власть, страх земель, молния, озаряющая земной круг, поклонение царей, пламенная в битвах доблесть, бессмертная лишь слава, град надо всеми [Eugenii Vulgarii, 1899, с. 440, v. 1–4].

В «Антаподосисе» (958–962) Лиутпранда Кремонского Павия соперничает с Римом, констатируя не только свою соравность, но и превосходство над ним во всем, кроме апостольской славы:

> К чему мне вообще говорить, когда блистательный сам и во всем мире знаменитейший Рим уступал бы ей, не имей он драгоценных тел святых апостолов [Liudprandi, 1839, с. 304].

На фоне парагонирования Рима со стороны не-Рима, нередко враждебного лацийскому центру, но одновременно претендующего быть иным, новым Римом, противопоставленным прежнему, старому, стремящегося к эксклюзивной аппликации идеологемы «Urbs», примечательной представляется идея преемства – *nominatio*, намечаемая текстом «О званиях града Павии» (предположительно, в авторстве Гизульфа Павийского), созданным в 1010–1020-х годах, и получающая распространение в ряде сочинений итальянского классического Средневековья. Согласно павийскому памятнику,

[1] Пер. В. Я. Брюсов.

«Рим дает имя Павии и называет своей дочерью. И, как Рим коронует императора в церкви Св. Петра с понтификом своим, так и Павия с епископом своим коронует короля в церкви Св. Михаила Архангела» [Instituta regalia, 1934, с. 1450]. Преемство реализуется также в добровольной передаче лацийским прототипом определенного «римского» текста, утверждающего не-Рим в качестве второго Рима. В «О чудесах града Милана» (1288) Бонвезин де ла Рива отмечает, что:

> …никогда он не читал и не слышал, что Медиолан когда-либо восставал на Рим, но был он наивернейшим союзником и сколь это возможно помощником. Отсюда и то, что с древности он был назван Второй Рим, отчего и римляне говорили: «Скажи, путник, в то время как ворот касаешься предела, – второй Рим, здравствуй, слава империи; досточтимый, обильный достоянием град, тебя страшатся народы, пред тобой гнут шеи могущественные, в войне Фивы, в разуме ты превосходишь Афины» [Bonvicini de Rippa, 1898, с. 153–154].

Преемство nominatio служит объяснением наименования Медиолана в изложении Гальвано Фьяммы (1330–134):

> Прежде всего, причина имени, а город некогда был назван вторым Римом, в том, что имя дали римские принцепсы. <…> Но в дальнейшем никогда не случалось, что какой-либо город, кроме как этот, был назван Римом, и это был знак благоволения римлян к нам, как царь при появлении первенца своего нарекает ему свое имя, и как сам Рим с нашим градом имел связь в имени, так и народ наш именовался римским, и сделались оба народа народом одним [Flamma Galvaneus, 1869, с. 484].

В сравнении с изложением Бонвезина де ла Ривы, «римский» текст, утверждающий Медиолан – не-Рим в статусе второго Рима, передаваемый от Рима прежнего, приобретает в изложении Гальвано Фьяммы «строгость» архитектурно-топографической привязки и «материальность» эпиграфической фиксации:

> Порта Романа называется на том основании, что сохраняет за собой былое имя града, который некогда именовался второй Рим. На этих воротах римляне некогда озаботились выбить в мраморе такие сложения: «Скажи, путник, в то время как ворот касаешься предела, – второй Рим, здравствуй, слава империи; досточтимый, обильный достоянием град, тебя страшатся народы, пред тобой гнут шеи могущественные в войне Фивы, в разуме ты превосходишь Афины» [Flamma Galvaneus, 1869, с. 474–475].

В 1330 году ‘римский’ текст Медиолана – не-Рима переносится Опичино де Канистрис в Павию – не-Рим, равно утверждая город в статусе второго Рима и приобретая в нем «осязаемость» архитектурно-топографической привязки:

> Что же? Слава их оружия широко известна по всей Италии… Отсюда и сложения эти начертаны на некоторых вратах града: «Всякий, кто ныне входит, в смирении да скажет, и кто почти проходит, достигнув предела ворот, произнеси – второй Рим, здравствуй, самодержавный властелин мира. Войной Фивы, разумом ты превосходишь Афины. Тебя страшатся народы, пред тобой гнут шеи могущественные» [Anonymi Ticinensis, 1903, с. 25].

Общим для Де ла Ривы и Фьяммы является также стремление обозначить последовательное пребывание высших оффиций и оффициалов в Риме прежнем и Риме втором, а одновременно с этим – отказ власти от Рима прежнего в пользу Рима второго и соравность их архитектурного ландшафта, связанного с пребыванием высших оффициалов. Так, Де ла Рива отмечает, что в Медиолане, «как во втором Риме, часто пребывала императорская резиденция» [Bonvicini de Rippa, 1898, с. 157]. Согласно Фьямме:

> …явственным образом, Медиолан стоит впереди всех городов, превосходя (их) совершенством облика сооружений, и вслед за Римом был этот город наделен великой почестью распоряжаться верховной властью, будучи долгое время местопребыванием империи (…и в этом втором Риме все общественные сооружения суть какие были в Риме); императоры, покинув Рим старый, обитали в этом втором Риме [Flamma Galvaneus, 1869, с. 462, 485].

Цель статьи – предложить трактовку 4-й строки лавдации военных свершений Пизанской коммуны во главе с группой феодальных семейств, предводительствуемой Орланди, против мусульманских государственно-территориальных образований в Центральном Средиземноморье и Северной Африке в первой половине XI века. В задачи статьи входит: на основе осуществленных автором в 2017–2020 годах полевых наблюдений уточнить чтение текста плиты; дать его полный перевод; представить замечания к более детальной датировке, а также к идентификации его автора.

ЛЕВАЯ ЧАСТЬ ФАСАДА ПИЗАНСКОГО ДУОМО

1 + ´EX MERI´TO LAV´DARE TV´O TE ´PISA LA´BORANS ´" ´NITIT(ur) ´E P(ro)PRI´A ´DEMERE ´LAVDE TU´A :
2 ´AD LAV´DES VRBS ´CLARA TV´AS LAVS ´SVFFICIT ´ILLA ' ´Q(uo)D TE ´P(ro) MERI´TO ´DICERE ´NEMO VA´LET
3 ´NON RE´RV(m) DVBI´VS SVC´CESSVS ´NA(m)Q(ue) S(e)´C(un)D(u)S ´SE TIBI ´PRE CVN´CTIS ´FECIT HA´BERE LO´CIS
4 ´[q]VARE ´TANTA MI´CAS Q(uo)D ´TE Q(ui) ´DICERE ´TEMPTAT ´" ´MAT(er)I´A PRES´S(us) ´DEFICI´ET SVBI´TO
5 ´VT TACE´A(m) RELI´QVA Q(ui)S ´DIGNV(m) ´DICERET ´ILLA ´T(em)P(o)RE ´PRETERI´TO ´QVE TIBI ´CONTI(n)GE´RINT
6 ANNO D(omi)NICE INCARNATIONIS·M·VI
7 ´MILIA ´SEX DECI´ES SICV´LV(m) P(ro)S´TRATA PO´TENTER ´" ´DV(m) SVP(e´r)ARE VO´L(un)T ´EXSVP(e´r)ATA CA´DVNT
8 ´NA(m)Q(ue) TV´V(m) SICV´LA CVPI´ENS GENS ´P(er)DERE ´NOMEN ´TE P[et]I´IT FI´NES ´DEPOPV´LATA TV´OS
9 ´VNDE DO´LENS NIMI´V(m) MODI´CV(m) DIS´FERRE NE´QVISTI · ´IN P(ro)PRI´OS FI´NES ´QVIN SEQ(ue)´RERIS E´OS
10 ´HOS IBI ´CONSPICI´ENS CVN´CTOS MES´SANA PE´RIRE ; ´CV(m) GEMI´TV QVA(m)´VIS ´HEC TVA ´FACTA RE´FERT
11 ANNO DOMINICE INCARNATIONIS ·M··XVI
12 ´HIS MA´IORA TI´BI POST ´HEC VR^{b}S ´CLARA DE´DISTI · ´VIRIB(us) ´EXIMI´IS ´CV(m) SVP(e´r)ATA TV´IS
13 ´GENS SARA´CENO´RV(m) PERI´IT SINE ´LAVD(e) SV´ORV(m) ´HINC TIBI ´SARDINI´A ´DEBITA ´SE(m)P(er) E´RIT ANNI D(omi)NI MXXXIIII
14 ´TERTIA ´PARS MVN´DI SEN´SIT TVA ´SIGNA TRI´VNPHI ´AFRICA ´DE CE´LIS ´P(re)SVLE ´REGE TI´BI
15 ´NA(m) IV´STA RATI´ONE PE´TENS VL´CISCIER ´INDE ´EST VI ´CAPTA TV´A ´VRBS SVP(e´r)ATA BO´NA'

По заслугам твоим прославлять тебя, Пиза, старающийся, силится вычесть из подлинной твоей славы;
для восхваления твоего, славный город, той славы достаточно,
ибо по заслугам тебя воспеть никто не может
(*для восхваления твоего, славный город, той славы достаточно, что по заслугам тебя воспеть никто не может*);
несомненное и немалое преуспеяние позволило тебе находиться пред остальными городами;
а потому, кто пробует говорить о тебе толику малого,
столь значительным естеством предмета подавленный отступится (изнеможет) тотчас же;
даже если я умолчу об остальном том, что удалось тебе в предшествующие времена, кто как подобает воспел бы
(*даже если я умолчу об остальном, кто как подобает воспел бы то, что удалось тебе в предшествующие времена*);
в год по Воплощении Господнем 1006;
шестьдесят тысяч сицилийцев было сокрушено могуче, желающие победить, побежденными пали;
ведь племя сицилийское, стремясь обречь славное имя твое (славу имени твоего)
и искоренить народ твой, напало на пределы твои;
из-за чего, страдая чрезвычайно, ты не смогла и малого времени промедлить,
чтобы не преследовать их в собственных пределах;
увидев тогда, что все они как есть погибли, Мессана с великим плачем возвещает эти твои деяния
(*увидев тогда, что все они погибли, Мессана, хотя с великим плачем, возвещает эти твои деяния*);
в год по Воплощении Господнем 1016;
затем, славный город, ты снискал себе большее,
когда, выдающимися теми твоими силами побежденное, племя сарацинское уступило бесславно,
с этого времени Сардиния тебе всегда будет обязана (*подвластна*);
(в) годы Господа 1034;
Африка, третья часть мира, изведала триумф твой, небесным царем тебе (данный)
[*Африка, третья часть мира, изведала знаки твоего триумфа, небесным царем тебе (отданная)*];
ведь на справедливом основании наносящая удар, ты покараешь,
поэтому захваченная силой твоей (*войском твоим*) покорена Бона.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК КОНЦА XI ВЕКА

Находящийся в центре нашего внимания эпиграфический памятник является мраморной плитой[1], размещенной на фасаде пизанского Дуомо (собор Санта-Мария Ассунта), в левой части фасада, слева от портала левого нефа, несущей упомянутую лавдацию. Лавдация выполнена элегическим дистихом без рифмовки концовок полустиший и стихов; разбита на четыре группы дистихов:

- строки 1–5 (интродукция);
- строки 7–10 (события под 1006 годом);
- строки 12–13 (события под 1016 годом);
- строки 14–15 (клаузула: события под 1034 годом);
- строки 6, 11, а также окончание 13-й строки заняты обозначением годов.

В каждом из трех случаев необходимо говорить о корреляции лексического и акустического свойства между указанием года и началом последующей группы дистихов[2]:

6 ANNO D(omi)NICE INCARNATIONIS·*M(illesimo)·VI(sexto)*
7 *´MILIA ´SEX* DECI´ES SICV´LV(m)
...
11 ANNO DOMINICE INCARNATIO*NIS* M(illesimo)·XVI (sexto decimo)
12 *´HIS* MA´IORA TI´BI...; ANNI D(omi)NI M(illesimi) XXX(*trincesimi)*IIII(quarti)
14 *´TERTIA ´*PARS MVN´DI...

4-я СТРОКА ЛАВДАЦИИ

В 4-й строке лавдации внимание привлекает словосочетание *micas dicere*, являющееся уникальным не только для апеннинского эпиграфического материала X–XIV веков, но и для античного латиноязычного корпуса авторских текстов. Постулируя величие военных свершений города, эпиграфический текст предрекает тому, кто пробует говорить о славе Пизы:

> толику малого (крупицу), отступление ввиду значительности естества предмета

4 [q]VARE TANTA MICAS Q(uo)D TE Q(ui) DICERE TEMPTAT '" MAT(er)IA PRESS(us) DEFICIET SVBITO ·

В комментариях сервиевой традиции к «Энеиде», весьма вероятно, известных автору пизанского эпиграфического текста, отмечается, что «в самом деле, муравей-формика по той причине есть, что во рту несет крупинки (крупицы)» [Servii Grammatici ... 1881, т. IV, с. 402]. Далее в изложении комментариев следует рассказ о жившей в Аттике девушке Мирмике, любимице Минервы из-за своей непорочности и искусности, но воспламенившей затем ненависть богини.

> Когда Минерва увидела, что Церера придумала посевы, желая показать жителям Аттики, посредством чего легче посевы являлись бы на свет, придумала она плуг. Когда же вела она его, и Мирмика находилась при ней, посмела та незаметно умыкнуть рукоять плуга и пред людьми хвалиться, что бесплоден дар Цереры, если только не будут пользоваться они ее изобретением, этим (или *посредством которого*) плугом обработанная земля легче явит плод. Когда Минерва с досадой обнаружила кражу, Мирмику она обратила в муравья-формику, чтобы та была тем, кому нельзя довериться, бедственным для зерен, всегда следующим по пятам и крадущим. Поскольку это вызвало сострадание Юпитера, то побудило его оказать муравью-формике некую честь. Так, поскольку Эак, его сын, воцарившись в Фессалии, видел, что поля испытывают недостаток в людях, повелел Юпитер муравьям-формикам собраться воедино, и превратил их в людей. Отчего они прозвались мирмидонянами [Servii Grammatici ... 1881].

С изменениями событийной и этимологической схемы миф зафиксирован также «Метаморфозами» (*VII 517–658*), Гигином (Псевдо-Гигином) (*LII Aegina*) [Hygini, 1872, с. 58], Первым ватиканским мифографом (*I.67*) [Scriptores, 1834, с. 23], также с максимальной долей вероятности известными автору пизанской лавдации.

Согласно Гигину, Эак – отец Пелея и Теламона (XIV, v. 20–21); Пелей – отец Ахилла (XCVI, v. 1); Ахилл, опознанный с помощью уловки Одиссея (Улисса), обещал аргивянам свою помощь и воинов-мирмидонцев (XCVI, v. 22–25). Ахилл и Эней (впрочем, как и Одиссей-Улисс) – рамочные герои противостояния в перспективе троянского сюжета. Одному, кому подчиняются мирмидонцы, суждено погибнуть на подступах к Трое, не дожив до ее взятия; двум другим – дожить до ее падения и пережить скитальческое удаление от ее стен. Троя уступила множеству, включавшему мирмидонцев Ахилла (чье происхождение упомянутая мифография связывает с «несущими толику малого, крупицы»); Рим одержал победу в противостоянии со множеством (ср.: *Liv., I, 9, 1*). Что не смогла сделать Троя в попытке отбросить врагов («несущих толику малого, крупицы»), военным дерзновением смог

[1] Размер плиты ~1,13 м(в)х2,1 м(ш); врезные буквы треугольного профиля ~2,5–5 см(в)х~2–3 см(ш) в 15 строках.
[2] De visu, 2020 год, метрическая разметка, за исключением интерпункции. – *Д. В.*

сделать Рим (идентичность праоснователей которого для автора лавдации определяется с максимальной долей вероятности троянским мифологическим субстратом)[1]. Эпиграфическая лавдация тосканского парагона Рима обрекает на отступление ввиду значительности естества предмета пробующего говорить о городе и его деяниях толику малого, – в этом тосканская коммуна постулирует свою идентичность Риму и несходство с Троей [ср.: не остается ничего и от самого Ахилла, лишь малая толика – et de tam magno restat Achille nescio quid, parvam quod non bene compleat urnam (*Ov. met., XII, v. 615–616*)]. В констатации идентичности Риму осуществляется и фиксация превосходства тосканского парагона над лацийским прототипом (Пиза – Urbs, но превосходящий Рим): победы и величие Рима предвосхищены троянскими поражением и бегством, созданию города предшествует разрушение; военным свершениям Пизанской коммуны, равно как и праоснователям тосканской Пизы, поражения изначально не предшествуют (ср.: *Verg. Aen., X, 179–180; Serv. Aen., X 179*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление в Пизе во второй половине XI века коммуны с консульским управлением, а также военные экспедиции города в Центральном Средиземноморье и Северной Африке способствовали оформлению пизанского политического дискурса, посредством которого Пиза одной из первых среди апеннинских городских центров обозначила интенцию быть парагоном Рима. Для вербализации дискурса и реализации интенции городу потребовалось в период с середины XI и до середины XII века решить три задачи: создать римское архитектурно-топографическое пространство-метаконтекст; обозначить соравность Пизы и Roma Urbs, а также констатировать превосходство пизанской городской истории над римской; выстроить текстовый массив собственного эпоса, закрепляющего использование ряда римских и равно библейских социально-политических, правовых и этических категорий для повествования о прошлом – настоящем города, управляемого консульской коммуной.

Так, в качестве наиболее эмблематичного элемента создаваемого римского архитектурно-топографического пространства город включает в кладку возводимого им собора фрагменты римских античных надписей разного типа [Banti, 1996], делая присутствие античного текста на своем ключевом архитектурном комплексе не только элементом декора, но и отправной точкой уподобления лацийскому прототипу, соперничества с ним и преодоления самого уподобления. Поверхностям стен ключевого архитектурного комплекса принадлежат эпиграфические тексты, восхваляющие военные свершения города в Центральном Средиземноморье и Северной Африке (рассмотренная лавдация), в Панорме (кампания, ставшая прологом к закладке Дуомо), а также – гений первого архитектора Дуомо Бускето. Обозначенные эпиграфическими текстами события выступают метаконтекстами, в которых тосканский город становится парагоном лацийского прототипа посредством возобновления римского пунического пути и победоносного противостояния множеству. Констатируя идентичность деяний и образа действия modo Пизы olim Рима, эпиграфические тексты преодолевают констатацию идентичности вербализацией победоносности и созидательности начал городской истории, а равно его праоснователей.

Примечательным образом, сходство в составе лексико-синтаксических рамок сближает эпиграфическую лавдацию с текстом «Liber Maiolichinus», создана между 1117 и 1125 годами, второй после «Carmen in victoriam Pisanorum», составлена между 1087 и 1090 годами, ключевой составляющей эпоса коммуны, повествующей о ее триумфе в составе коалиции союзников в Западном Средиземноморье и на Балеарах в 1113–1115 годах (необходимо отметить 10 случаев сходства лексико-синтаксических рамок в двух текстах).

Отмеченные сближения делают небезосновательным ряд замечаний относительно автора и времени составления эпиграфической лавдации. *Во-первых*, автор эпиграфической лавдации должен быть отнесен к кругу автора (авторов) «Liber Maiolichinus» или даже определен как лицо идентичное автору (одному из авторов). Лавдация и «Liber Maiolichinus» имеют сходный лексико-синтаксический инструментарий, принадлежат одной интеллектуальной среде (или даже одному автору), разделявшей лексико-синтаксический инструментарий и обладавшей сходным знанием элементов античного корпуса авторских текстов. *Во-вторых*, принимая во внимание наличие аллюзии к античному текстовому субстрату в эпиграфической лавдации, а равно и в Liber Maiolichinus, с большой долей вероятности необходимо говорить о принадлежности автора лавдации, как и автора (авторов) «Liber Maiolichinus», к интеллектуальной среде епископских школ, чья роль в медиации античного текстового наследия была подробно рассмотрена П. Расином. *В-третьих*, композиционные и палеографические особенности рассматриваемого эпиграфического

[1] Прорицание Анхиза (*Verg. Aen., VI, 678*), а также: *Verg. Aen., VI, 95–97*. Ср.: *Liv., I, 1–4*.

памятника очерчивают в качестве периода его создания и, очевидно, – составления лавдации, временной интервал от начала последней трети XI до конца первой четверти XII века. Сближения эпиграфической лавдации с текстом «Liber Maiolichinus» и одновременно неупоминание Балеарского триумфа лавдацией позволяют привнести двойственную хронологическую корректуру. В обоих случаях *terminus ad quem* должен выступать 1118 год, год освящения пизанского Дуомо папой римским Геласием II, на момент которого фасад должен был быть завершен или возведен в большей части. Первый *terminus a quo* составления лавдации, ее эпиграфической фиксации и размещения на фасаде Дуомо, имевшем уже достаточное конструктивное пространство может относиться к периоду от 1110 года до окончания Балеарской кампании в 1115 году. Успехи Пизанской коммуны и союзников в Балеарской кампании могли послужить непосредственным прологом к созданию лавдации (при становлении фасада Дуомо в качестве невербальной составляющей политического дискурса коммуны), не упоминающей о кампании в Махдии 1087 года, вероятно, из-за краткосрочности успеха и о победоносном завершении антисарацинского противостояния в Западном Средиземноморье в 1115 году вследствие того, что лавдация была составлена или ранее апреля 1115 года (до окончания Балеарской кампании), или начиная со второй половины 1115 – начала 1116 года, когда Балеары были вновь отвоеваны Альморавидами. При этом автор эпиграфической лавдации, вполне вероятно, мог быть участником Балеарской кампании.

Другим объяснением неупоминания лавдацией победоносных событий первой половины 1115 года и, соответственно, вторым *terminus a quo* может выступать факт составления текста (в рамках той же авторской среды) и его эпиграфической фиксации в десятилетие между 1100 и 1110 годами, одновременно и в следственной связи с оформлением архитектурного пространства фасада Дуомо не только в качестве самостоятельной единицы конструктивной системы, но и как невербальной составляющей политического дискурса коммуны, которую коммуна не замедлила дополнить вербализацией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ausonio Decimo Magno Ordo urbium nobilium / A cura di L. Di Salvo / Studi latini, 37. Napoli: Loffredo ed., 2000.
2. Versum de Mediolano civitate / Ed. F. Glorie // Itineraria et alia geographica. Turnhout: Brepols, 1965.
3. Versus de Verona. Versum de Mediolano civitate / Ed. critica e commento a cura di G. B. Pighi. Bologna: Zanichelli, 1960.
4. Versus Romae // Monumenta Germaniae Historica. Poetae latini aevi carolini. Vol. III. Berlin: Weidmannos, 1896. P. 555–556.
5. Eugenii Vulgarii Sylloga // Monumenta Germaniae Historica. Poetae latini aevi carolini. T. IV, fasc. I. Berlin: Weidmannos, 1899. P. 406–444.
6. Liudprandi Antapodoseos // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. III. Hannover: A. Hahnian, 1839. P. 273–339.
7. Instituta regalia et ministeria camerae regum longobardorum et honorantiae civitatis Papiae / Ed. A. Hofmeister // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. XXX. P. II. Leipzig: K. Hiersemann, 1934. P. 1444–1460.
8. Bonvicini de Rippa De magnalibus urbis Mediolani / A cura di F. Novati // Bullettino dell'Istituto storico italiano. N. c. № 20. Roma: sede dell'Istituto, 1898.
9. Flamma Galvaneus Chronicon extravagans et chronicon maius / Ed. ab A. Ceruti // Miscellanea di storia italiana. T. VII. Torino: stamperia reale, 1869. P. 439–784.
10. Anonymi Ticinensis Liber de laudibus civitatis ticinensis que dicitur Papia / A cura di R. Maiocchi e F. Quintavalle // Rerum Italicarum Scriptores. Raccolta degli storici italiani dal cinquecento al millecinquecento / Ordinata da L. A. Muratori. T. XI. Pt. I. Città di Castello: Tipi S. Lapi, 1903.
11. Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii / Rec. G. Thilo et H. Hagen. Vol. I: Aeneidos librorum I–V commentarii. Lipsiae: B. Teubner, 1881.
12. Hygini Fabulae / Ed. M. Schmidt. Jenae: H. Dufft, 1872.
13. Scriptores rerum mythicarum latini tres Romae nuper reperti / Ed. ac ill. G. H. Bode. Vol. I. Cellis: E. Schulze, 1834.
14. Banti O. Le epigrafi e le scritte obituarie del Duomo di Pisa / Biblioteca del «Bollettino storico pisano». Fonti, 5. Pisa; Ospedaletto: Pacini ed., 1996.

REFERENCES

1. Ausonio Decimo Magno. (2000). Ordo urbium nobilium. A cura di L. Di Salvo. Studi latini, 37. Napoli: Loffredo ed.

2. Versum de Mediolano civitate. (1965). Ed. F. Glorie. Itineraria et alia geographica. Turnhout: Brepols.
3. Versus de Verona. Versum de Mediolano civitate. (1960). Ed. critica e commento a cura di G. B. Pighi. Bologna: Zanichelli.
4. Versus Romae. (1896). Monumenta Germaniae Historica. Poetae latini aevi carolini. Vol. III. Berlin: Weidmannos, 555–556.
5. Eugenii Vulgarii. (1899). Sylloga. Monumenta Germaniae Historica. Poetae latini aevi carolini. T. IV. Fasc. I. Berlin: Weidmannos, 406–444.
6. Liudprandi. (1839). Antapodoseos. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. III. Hannover: A. Hahnian, 273–339.
7. Instituta regalia et ministeria camerae regum longobardorum et honorantiae civitatis Papiae. (1934). Ed. A. Hofmeister. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. XXX. P. II. Leipzig: K. Hiersemann, 1444–1460.
8. Bonvicini de Rippa. (1898). De magnalibus urbis Mediolani. A cura di F. Novati. Bullettino dell'Istituto storico italiano. N. c. № 20. Roma: sede dell'Istituto.
9. Flamma Galvaneus. (1869). Chronicon extravagans et chronicon maius. Ed. ab A. Ceruti. Miscellanea di storia italiana. T. VII. Torino: stamperia reale, 439–784.
10. Anonymi Ticinensis. (1903). Liber de laudibus civitatis ticinensis que dicitur Papia. A cura di R. Maiocchi e F. Quintavalle. Rerum Italicarum Scriptores. Raccolta degli storici italiani dal cinquecento al millecinquecento. Ordinata da L. A. Muratori. T. XI. Pt. I. Città di Castello: Tipi S. Lapi.
11. Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii. (1881). Rec. G. Thilo et H. Hagen. Vol. I. Aeneidos librorum I–V commentarii. Lipsiae: B. Teubner.
12. Hygini. (1872). Fabulae. Ed. M. Schmidt. Jenae: H. Dufft.
13. Scriptores rerum mythicarum latini tres Romae nuper reperti. (1834). Ed. ac ill. G. H. Bode. Vol. I. Cellis: E. Schulze.
14. Banti O. (1996). Le epigrafi e le scritte obituarie del Duomo di Pisa. Biblioteca del «Bollettino storico pisano». Fonti, 5. Pisa; Ospedaletto: Pacini ed.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вальков Дмитрий Вадимович

кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета
доцент кафедры романской филологии и лингводидактики Института иностранных языков
Московского городского педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valkov Dmitri Vadimovich

PhD (History), Associate Professor
Associate Professor at the Department of Phonetics and Grammar of the French language
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University
Associate Professor at the Department of Romance Philology and Linguodidactics
Institute of Foreign Languages, Moscow City University

Статья поступила в редакцию	05.12.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	28.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.133.1'42

Гастрономический дискурс: французские лингвокультуремы в диахроническом аспекте

Л. Г. Викулова[1], Э. М. Рянская[2]

[1]*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия*
[2]*Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия*
[1]*vikulovaLG@mgpu.ru*
[2]*elohka2210@yandex.ru*

Аннотация. В работе анализируются лингвокультурологические особенности гастрономической лексики французского языка в диахроническом аспекте. Материалом послужили лексемы, принадлежащие лингвокультурологическому полю «французская гастрономия», отобранные из художественных произведений и этимологических словарей. Выявлены ключевые лингвокультуремы исследуемого предметного поля, показана их эволюция. Использованы методы компонентного и контекстуального анализа, анализ словарных дефиниций как исследовательский прием.

Ключевые слова: культурный код, гастрономический дискурс, лингвокультурологическое поле, лингвокультурема, эволюция лексем

Для цитирования: Викулова Л. Г., Рянская Э. М. Гастрономический дискурс: французские лингвокультуремы в диахроническом аспекте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 17–23.

Original article

Gastronomic Discourse: French Linguoculturemes in a Diachronic Aspect

Larissa G. Vikulova[1], Elvira M. Ryanskaya[2]

[1]*Moscow City University, Moscow, Russia*
[2]*Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia*
[1]*vikulovaLG@mgpu.ru*
[2]*elohka2210@yandex.ru*

Abstract. The article aims to analyse linguoculturological features of French gastronomic vocabulary diachronically. The lexemes belonging to the linguocultural field "French gastronomy", selected from a number of works and etymological dictionaries, served as the material for the investigation. The analysis enabled to elicit several key linguoculturemes and make their evolution clear. The following methods were used to conduct the study: methods of component and contextual analysis, analysis of dictionary definitions.

Keywords: cultural code, gastronomic discourse, linguoculturological field, linguoculturema, evolution of lexemes

For citation: Vikulova, L. G., Ryanskaya, E. M. (2024). Gastronomic discourse: French linguoculturemes in a diachronic aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 17–23.

ВВЕДЕНИЕ

Во Франции гастрономия представляет собой важный культурологический пласт французского лексикона, поскольку французская гастрономия имеет мировое признание, являясь с 2010 года первым нематериальным объектом ЮНЕСКО, которая впервые за свою историю провозгласила объектом мирового культурного наследия гастрономическое искусство [Михайлова, 2019]. Обращение к исследованию лингвокультурологических характеристик французской лексики предметной сферы «французская гастрономия» в диахроническом аспекте представляется весьма актуальным, так как способствует формированию более полного представления об эволюции гастрономических традиций Франции.

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СФЕРА ИССЛЕДОВАНИЯ

В связи с тем, что процесс питания является жизненной необходимостью для человечества, а вкус воспринимается человеком как наслаждение духовное и телесное [Кириленко, 2002], уместно выделение *гастрономического дискурса* как особой системы, в структуру которой включены различные экстралингвистические (социокультурные и этнические) признаки. Более того, ввиду специфики сферы гастрономии изучение гастрономического дискурса представляет собой особый интерес в диахроническом аспекте. Плодотворной считаем идею о «языковом круге», образуемом соотношением динамических по своей природе сущностей – личностью, концептами, дискурсом [Карасик, 2002]. Такой подход открывает возможность обратиться к проблеме пересечения языковых кругов в коммуникативном пространстве разных периодов существования языка и его множественностью кодов как непременного условия существования культуры. Обращение к обозначенной предметной сфере позволяет проследить порождение на ее основе множественных кодов внутри лингвокультуры, выявить ее своеобразие на референциальном и аксиологическом уровнях, что расширяет понимание языка как динамической системы, проявляющей социально-историческую обусловленность [Язык: жизнь смыслов, 2023].

Отметим, что историки предлагают термин «алиментарная культура», соотносимый с культурой питания и производства пищи как базовой части этнической или национальной культуры, функционирующей в обществе через систему пищевых кодов [Якушенков, Палаткин, 2020]. Близко к этому термину понятие «le patrimoine alimentaire», используемое в современных франкофонных исследованиях.

Значимым представляется исследование А. В. Олянича, обратившегося к семиотической среде «глютонии» (пища, питание и культура питания). Ученый определил гастрономический дискурс как систему, отражающую особенности национальной культуры, субъективное вкусовое отношение, обладающую социальными и гендерными характеристиками. Ученый отметил ряд функций, характерных для гастрономического дискурса, в том числе *квалификативно-оценочную функцию* как характеристику социального отношения к процессу приготовления и потребления пищи, формирования культурных приоритетов [Олянич, 2004].

Французские ученые выделили гастрономический дискурс еще в 1998 году, в частности, он анализируется в труде французского историка П. Ори «Le discours gastronomique français – des origines à nos jours», который одним из первых обозначил актуальность гастрономического туризма как важного условия погружения в культуру страны [Ory, 1998]. Позднее канадский ученый Д. Латуш в работе «Voulez-vous manger avec moi?: pratiques interculturelles en France et au Québec» утверждает: «La gastronomie <…> occupe une sphère de discours autonome» [Latouche, 2003, с. 205].

Материалом для анализа, к которому обращаются исследователи предметной сферы *gastronomie*, как отмечает Ф. Келье, могут выступать тексты официального характера (счетоводческие и юридические манускрипты, тексты законов и административных постановлений), документы по продовольственным сделкам (marchés de pourvoierie) – закрепленные в письменной форме сделки, где указывался товар и его стоимость [Quellier, 2007].

В трудах отечественных ученых-романистов гастрономический дискурс рассматривается с позиций лингвокультурологического подхода и отмечается особое место гастрономии во французской культуре, международный авторитет которой сложился в XVII веке, а в XX веке она стала восприниматься как главная составная часть национальной идентичности [Верещагина, Черкашина, 2017]. Названия продуктов и блюд, связанных с характерным для каждого этноса подбором пищевых продуктов, с порядком их потребления, с обрядами и их символической значимостью, рассматривались как культурный трансфер на примере ресторанов и кафе с «французской кухней» в Москве XIX века [Афинская, Кулаженкова, 2019]. Гастрономические особенности средневековой Франции исследовались с лингвокультурных позиций С. М. Михайловой, которая анализировала как в XIII–XV веках «зарождается социальная практика и высокое мастерство совместного наслаждения пищей» [Михайлова, 2019, с. 283].

Существенным для выделения предметной сферы «французская гастрономия» является понимание французской национальной специфики, объясняемое особенностями французского языка, «накладывающего на отражаемый мир свою "лингвистическую сетку", через призму которой он и воспринимается» [Воробьев, 2008, с. 71].

Таким образом, в начале XXI века зарубежные и отечественные ученые выделяют гастрономический дискурс как автономную сферу для исследования. Благодаря своей многовековой истории и неотделимости от самосознания нации, гастрономия выступает во Франции в роли культурного кода, одной из ее национально-специфических культурогенных сфер [Ащенкова, 2013].

КЛЮЧЕВЫЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ ПРЕДМЕТНОЙ СФЕРЫ «ФРАНЦУЗСКАЯ ГАСТРОНОМИЯ» В ДИАХРОНИИ

С позиций лингвокультурного подхода обратимся к ряду ключевых лингвокультурем, входящих в предметную сферу *gastronomie*. Уточним, что лингвокультурема «рассматривается как единица, соединяющая в себе как собственно языковое содержание, так и тесно связанную с ним внеязыковую культурную среду» [Григорьева, Черкашина, 2019, с. 253]. Согласно мнению французского историка П. Желине, наиболее общим понятием для французской гастрономии является *nourriture* (*питание*) и синонимы слова – *alimentation* и *repas*. Обратимся в этой связи к диахроническому аспекту исследования этих лексем.

В 1112 году во французском языке фиксируется слово *repas*[1], которое до XVI века имело более широкое значение по сравнению с его современным пониманием и выступало синонимом слову *nourriture*:

> Signifait d'abord surtout "nourriture (en général)", sens encore attesté chez Marot, puis éliminé au profit du sens moderne à partir du XVIe s.[2]

Позднее появилась лексема *alimentation*, которую ввел во французский язык историк М. Фелибьен[3] в работе «Histoire de la ville de Paris».

Обратившись к тезаурусу французского языка, мы делаем вывод, что наиболее емкой является лексема *repas*, которая включает в свое поле все вышеприведенные лексемы (*viande, nourriture*, *nutrition* и *alimentation*), а также *gastronome* и *gourmand*[4]. *Таким образом, ядром лингвокультурологического поля «французская гастрономия» является слово repas.*

Однако семантика слова *repas* не включает в себя продукты питания (кроме *aliment*) и способы их приготовления, поэтому имеет смысл говорить о наличии второго ядра лингвокультурологического поля «французская гастрономия» – лексему *gastronomie*.

Ключевой термин для обозначенной сферы – *gastronomie* (от *греч.* γαστήρ – *желудок*, *nomos* – *закон*) вошел в обиход лишь в XIX веке. Возможно, лексема была впервые употреблена в кулинарном трактате греческого поэта Архестрата (*др.-греч.* Ἀρχέστρατος) в IV веке до н. э., но до наших дней дошли лишь косвенные свидетельства о его существовании. Дословно этот термин можно перевести как «искусство управления желудком» («l'art de rйgler l'estomac»)[5]. Во французском языке данный термин появляется в дидактической поэме Ж. Бершу (Joseph Berchoux, 1765–1839) «Gastronomie ou l'homme des champs à table»[6] (1801). Адвокат и писатель по профессии, Ж. Бершу ставил целью продолжить дидактическую поэму Ж. Делиля (Jacques Delille, 1738–1813) «Homme des champs ou Les géorgiques françaises» (1800), посвященную гастрономии и правилам вежливости за столом. Во введении данного термина в обиход сыграл важную роль французский философ и гастроном Ж. Брилья-Саварен (Jean Anthelme Brillat-Savarin, 1755–1826), автор работы «Physiologie du Goût», впервые изданной в 1826 году[7], и знаменитого афоризма: «Dis moi ce que tu manges, je te dirai qui tu es». Издание позиционировалось как теоретический, исторический и современный труд, который автор посвятил парижским гастрономам:

> ouvrage théorique, historique et à l'ordre du jour, dedié aux Gastronomes parisiens, par un Professeur, membre de plusieurs sociétés littéraires et savantes.

Французы стремятся сохранить свои гастрономические традиции, поскольку издавна их связь с социальной жизнью французов, с их религией и политикой была неразрывна. К примеру, историк П. Желинэ в своей монографии «2000 ans d'histoire gourmande» [Gélinet, 2010] показывает, как отдельные продукты играли и сохранили свою ключевую роль во французской культуре на примере такой лингвокультуремы, как *соль* (*le sel*), *белое золото королей* (*l'or blanc des rois*). Необходимая для

[1]Dauzat A, Dubois J., Mitterand H. Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris: Larousse, 1994. P. 661.
[2]Bloch O., Wartburg W. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris: Presses Universitaires de France, 1986. P. 547.
[3]URL: http://www.cnrtl.fr/definition/alimentation
[4]Thésaurus. Des idées aux mots, des mots aux idées… / Sous la direction de Daniel Péchoin. Paris: Larousse, 1994. P. 608.
[5]Dictionnaire historique de la langue française / sous la direction d'A. Rey. – En 3 t. Paris : Robert, 2006. P. 5514.
[6]URL: http://www.textesrares
[7]URL: https://archive.org/details/physiologiedugo01savgoog

жизни человека, долгое время она имела большую стоимость, становилась предметом спекуляций и фискальной политики государства.

Эволюция лексемы *repas* начинается в XII веке. Одни лексикографы указывают, что она была зафиксирована в 1112 году[1], другие – что в 1160–1174 годах[2], и существовала в форме *repast* вплоть до XV века. Лексемы *nourriture* и *repas* были синонимичными до XVI века. Однако в 1534 году слово получило значение «nourriture que l'on prend à des heures fixes»[3], т. е. современное значение – «принятие пищи в конкретное время».

Обращаясь к лексеме *repas*, находим в тезаурусе лексические единицы, обозначающие приемы пищи в зависимости от времени суток – *déjeuner, goûter, dîner, souper, rèveillon* и др.[4] Данные лексемы являются ключевыми понятиями алиментарных традиций Франции[5]. Они отражают особенность средневековой культуры питания, согласно которой регулярность приема пищи вела к долголетию. Об этом говорят средневековая поговорка, согласно которой можно прожить до 99 лет, если вставать в 6 утра, завтракать в 9 часов, ужинать в 6 вечера, а ложиться спать в 9:

> Lever a six, disner a neuf,
> Souper a six, coucher a neuf,
> Font vivre d'ans nonante neuf.

Рассмотрим этимологию данных лексем и хронологию их укрепления в узусе. Лексемы *desjuner* и *disner*, восходящие к слову *disjunare* («rompre le jeûne»), имели близкое значение в XII веке – *rompre le jeûne, manger, s'alimenter*, *se nourrir*. Глаголы *desjuner* et *disner* могли употребляться и в прономинальной форме со значением *se repaître*, *se rassasier*, *se régaler*, выражая ценность питания. Так, в XII веке в «Романе о Лисе»[6] главный герой Лис, напрасно искавший всё утро, чем накормить свою жену, жалуется Коту Тиберту, что не нашел для ужина ни хлеба, ни вина, ни мяса, ни соли:

> ne pain, ne vin, ne char, ne sel,
> dont ele se poïst *disner* (*Roman de Renart*).

Отмечается, что глаголы *desjuner* et *disner* и их субстантивные формы отличались тем, что соотносились с опредленным временем приема пищи. Так, глагол *desjuner* отсылал к этимологии слова (*après le «jeûne» de la nuit*) и обозначал первый прием пищи (*le premier repas*), предполагая скромную трапезу, для всех, кроме тех, кто работал физически:

> …le disner était le repas principal qui divisait la journée de travail et que les ouvriers foulons pouvaient aller prendre en dehors de la maison de leurs maîtres, où ils voulaient dans Paris. Mais l'heure de ce repas a varié au cours du Moyen-Age [Jacquin, 2016, c. 52].

В «Книге ремесел» (*Livre des Métiers*), составленной парижским прево Э. Буало (Etienne Boileau, prévôt de Paris)[7] как перечень регламентаций читаем, что хозяин должен на завтрак кормить слуг мясным (*en carnage* – перед Великим постом) в 6 часов утра (*à leur de prime*):

> li vallet foulon se doivent desjeuner en charnage ciez leur mestres a l'eure de prime, s'il desjeuner se voelent; et il pueent aller disner hors de l'ostel a leur mestres, ou il leur plaist, dedenz la vile de Paris ; et doivent venir après disner a l'oevre au plus tost que il porront (*E. Boileau. Le livre des métiers*).

Изначально эти лексемы, закрепленные в языке в XII веке как *disjunare* и *disnar*, были синонимичны и обозначали утренний прием пищи (современный *petit-déjeuner*). Со временем утренний прием пищи стал проходить позднее[8] и в языке за словом *déjeuner* закрепилось значение небольшой утренней трапезы, а словом *dîner* стали обозначать прием пищи в середине дня: «La langue a réservé *déjeuner* pour un petit repas au lever et *dîner* pour le repas du milieu du jour»[9].

В своем социолингвистическом исследовании Ж. Маторе уточняет, что в XII–XIII веках лексема *disner* означала прием пищи между 9 утра и полуднем (*l'heure de tierce*), скромный для простого люда и обильный для знати. Однако время приема пищи (завтрака) для королей постепенно сдвигалось. Так, в XIV веке Карл V завтракает (dîne) в 10 часов, а век спустя Людовик XI завтракает уже в 11 часов [Matoré, 1985]. Постепенно к XVII веку время завтрака сместилось на 11–12 часов, став особым ритуалом у богатых и знатных людей:

> L'heure du doner recula progressivement et se situa entre onze heures et midi au XVII-ème siècle» [Jacquin, 2016, c. 51].

[1]Dauzat A., Dubois J., Mitterand H. Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris: Larousse, 1994.
[2]Bloch O., Wartburg W. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris: Presses Universitaires de France, 1986.
[3]URL: http://www.cnrtl.fr/etymologie/repas
[4]Thésaurus. Des idées aux mots, des mots aux idées… / sous la direction de D. Péchoin. Paris: Larousse, 1994. P. 607.
[5]URL: www.dico-proverbes.com/proverbes.php?mot=Diner
[6]URL: https://archive.org/details/leromanderenart0000unse_p9h9
[7]URL: https://archive.org/details/lesmtiersetcor00boiluoft/page/420/mode/2up
[8] Bloch O., Wartburg W. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris: Presses Universitaires de France, 1986. P. 183.
[9] Bloch O., Wartburg W. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris: Presses Universitaires de France, 1986. P. 183.

К середине XVIII века глагол *dîner* стал употребляться в Париже, указывая на то, что ужин проходил между 5 и 7 часами вечера. Тогда как существительное *le dîner* стало узуальным только в начале XIX века при Наполеоне Бонапарте (le Premier Empire), вытеснив *le souper*, которое стало соотноситься с перекусом, к примеру после спектакля. Существительное *le déjeuner* стало всё чаще обозначать *обед* (le repas de midi). Такие семантические сдвиги в глаголах *déjeuner* и *dîner* наблюдались в узусе на всей территории Франции вплоть до XIX в.

В середине XIX века смысл этих слов снова изменился и принял современное временное значение. Появилась лексема *petit déjeuner*, обозначавшая завтрак, в середине дня употребляли *déjeuner*, а вечером – *dîner*:

> déjeuner a été attribué au repas du milieu du jour (le petit repas du début de la journée se disant petit déjeuner), dîner au repas du soir…[1]

Что касается лексемы *souper*, то она была закреплена во французском языке в X веке как существительное, а в XII веке – как глагол-дериват от существительного *sope* или *soupe*, обозначавшего кусок хлеба, который поливали бульоном или вином:

> tranche de pain que l'on arrosait de bouillon ou d'un autre liquide chaud, par exemple du vin: soupe en vin (1256)[2].

Это слово обозначало последний прием пищи, т. е. ужин:

> Il avait lieu de 4 à 7 heures du soir après *none* (3 heures). Quand le souper était tardif, on prenait quelquefois une *collacion*, habitude empruntée aux moines qui absorbaient des mets légers avant la conférence du soir appelée *collacion* [Matoré, 1985, с. 219].

Наряду с *souper* и *dîner* существует лексема *réveillon*, обозначавшая поздний ужин, а также ужин на Рождество, была зафиксирована во французском языке в 1526 году.[3]

Для обозначения полдника / угощения во французском языке выделяются лексемы *collation* и *goûter*. Слово *collation* заимствовано из лексикона монахов в значении «repas léger après une conférence du soir» (XIII в.). В 1453 году *collation* стали называть легкий вечерний перекус, а с 1580 года католики употребляли это слово в данном значении перед постом, когда по вечерам питались только фруктами с небольшим количеством вина (*un doigt de vin*)[4].

Так, в текстах французских сказок Ш. Перро (XVII в.), присутствует лексема *collation* со значением «богатое угощение»:

– в сказке «Золушка»:
  On apporta une fort belle *collation*, dont le jeune Prince ne mangea point, tant il était occupé à la considérer [Vikoulova, 2000, с. 120];

– в сказке «Синяя борода»:
  Ce n'étaient que promenades, que parties de chasse et de pêche, que danses et festins, que collations: on ne dormait point [там же, 169];

– в сказке «Мальчик-с-Пальчик»:
  …ils trouvèrent une magnifique *collation* que l'Ogre avait fait préparer pour ses amis [там же, с. 188].

Представленные лексемы образуют тематическую группу, которую можно обозначить, как *repas au cours de la journée*.

В свою очередь, лексема *goûter* (1538) тоже обозначала *faire collation* (*угощать*). В XVII веке при дворе предпочитали слово *collation*, пренебрежительно считая слово *goûter* «populaire et bourgeois», а в XVIII веке лексема употребляется уже применительно к детям[5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе был рассмотрен подход к изучению тематического поля лексики на основе применения понятия «гастрономический дискурс». Анализ теоретических источников, включая работы разных исторических периодов, позволил сделать вывод о том, что выделение гастрономического дискурса как особой системы является важным, поскольку ее структура включает как лингвистические, так и экстралингвистические характеристики, среди которых значимое место занимают социокультурные и этнические признаки. Диахронический аспект исследования, основанный на понимании языка как динамической системы, дает возможность проследить изменения или порождения лингвокультурных кодов. Анализ лексического

[1]Bloch O., Wartburg W. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris: Presses Universitaires de France, 1986. P. 183.
[2]Dictionnaire historique de la langue française / sous la direction d'A. Rey. – En 3 t. Paris : Robert, 2006.P. 3592.
[3]Bloch O., Wartburg W. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris: Presses Universitaires de France, 1986. P. 183.P. 243.
[4]Dictionnaire historique de la langue française / sous la direction d'A. Rey. – En 3 t. Paris : Robert, 2006. P. 800.
[5]Dictionnaire historique de la langue française / sous la direction d'A. Rey. – En 3 t. Paris : Robert, 2006. P. 1518.

материала в рамках тематического поля «французская гастрономия» позволил выявить ключевые культуремы, представляющие собой изменяющийся слой лингвокультуры за счет преобразования лингвокультурных смыслов. Установлено, что в разные исторические периоды во французской гастрономической лексике наблюдаются появление новых лексем или изменения их смыслового содержания под влиянием экстралингвистических факторов, указывающих на смену жизненного уклада, ритуалов, традиций разных слоев общества и других социальных условий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Михайлова С. В. Гастрономические традиции в средневековой Франции // Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира: материалы IV Международного научно-практического симпозиума. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2019. С. 277–284.
2. Кириленко С. А. Культурная унификация в сфере питания как отражение функционализации телесного опыта // Studia culturae. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. Вып. 3. № 3. С.111–125.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
4. Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни / Е. В. Белоглазова и др.: коллективная монография. М.: Инфра-М, 2023. DOI 10.12737/1946199.
5. Якушенков С. Н., Палаткин В. В. Мы наш и новый мир накормим: Несколько кейсов алиментарных традиций фронтирных регионов. Часть I // Журнал фронтирных исследований. 2020. Т. 5. № 4 (20). С. 237–285. DOI 10.46539/jfs.v5i4.241.
6. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. М.: Гнозис, 2007.
7. Ory P. Le Discours gastronomique français: Des origines à nos jours. Paris: Gallimard, 1998.
8. Latouche D. Voulez-vous manger avec moi? Québec: Fides, 2003.
9. Quellier F. La table des Français. Une histoire culturelle (XVe – début XIXe siècle). Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2007.
10. Верещагина Д. С., Черкашина Е. И. Гастрономия как значимая часть французской лингвокультуры // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов IX Международной конференции. Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 27–32.
11. Афинская З. Н., Кулаженкова Л. Н. Французская кухня – реальность и образ // Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира: материалы IV Международного научно-практического симпозиума. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2019. С. 50–56.
12. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: Российский университет дружбы народов, 2008.
13. Ащенкова Г. А. Антропономинация в сфере французской гастрономии: опыт структурного и когнитивно-коммуникативного анализа: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2013.
14. Григорьева Е. Я., Черкашина Е. И. Становление лингвокультурологии как нового подхода к преподаванию языков и культур // Вестник «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания». № 33. Будапешт, 2019. С. 250–255.
15. Gélinet P. 2000 ans de la gastronomie française. Paris: Seuil, 2010.
16. Jacquin G. Déjeuner et dîner // La revue des Lyriades de la langue française. 2016. № 3. P. 50–52.
17. Matoré G. Le vocabulaire et la société médiévale. Paris: Presses Universitaires de France, 1985.
18. Vikoulova L. G. Contes en prose de Charles Perrault: Témoignage linguistique et socioculturel du XVIIe siècle en France. Irkoutsk: [S.n.], 2000.

REFERENCES

1. Mikhailova, S. V. (2019). Gastronomic traditions in Medieval France. In Traditsionnaya kul'tura v sovremennom mire. Istoriya edy i traditsii pitaniya narodov mira (pp. 277–284): materials of the IV International Scientific and Practical Symposium. Moscow: Center of Cultures Interaction Studies. (In Russ.)
2. Kirilenko, S. A. (2002). Kul'turnaya unifikatsiya v after piraniya kak otrazhenie funktsionalizatsii opyta = Cultural unification in the field of nutrition as a reflection of bodily experience functionalization. Studia culturae. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 3(3), 111–125. (In Russ.)
3. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
4. Beloglazova, E. V. et al. (2023). Yazyk: zhizn' smyslov vs smysl zhizni: monografiya = Language: the life of meanings vs the meaning of life: collective monograph. Moscow: Infra-M. 10.12737/1946199. (In Russ.)
5. Yakushenkov, S. N., Palatkin, V. V. (2020). We will feed ours and a new world: Several cases of food ways of frontier regions. Part I. Journal of Frontier Studies, 5, 4(20), 237–285. 10.46539/jfs.v5i4.241. (In Russ.)
6. Olyanich, A. V. (2007). Prezentatsionnaya teoriya diskursa = Presentation theory of discourse. Moscow: Gnosis. (In Russ.)

7. Ory, P. (1998). Le Discours gastronomique français: Des origines à nos jours. Paris: Gallimard.
8. Latouche, D. (2003). Voulez-vous manger avec moi? Québec: Fides.
9. Quellier, F. (2007). La table des Français. Une histoire culturelle (XVe – début XIXe siècle). Rennes: Presses Universitaires de Rennes.
10. Vereshchagina, D. S., Cherkashina, E. I. (2017). Gastronomiya kak znachimaya chast' frantsuzskoi lingvokul'tury = Gastronomy as a significant part of French linguoculture. In Inostrannye yazyki v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii (pp. 27–32): materials of reports of the IX International Conference. Saratov: Saratov Source. (In Russ.)
11. Afinskaya, Z. N., Kulazhenkova, L. N. (2019). Frantsuzskaya kukhnya – real'nost' i obraz = French cuisine – reality and imge. In Traditsionnaya kul'tura v sovremennom mire. Istoriya edy i traditsii pitaniya narodov mira (pp. 50–56): materials of the IV International Scientific and Practical Symposium. Moscow: Center for the Study of Interaction of Cultures. (In Russ.)
12. Vorobyev, V. V. (2008). Lingvokul'turologiya = Linguoculturology. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. (In Russ.)
13. Aschenkova, G. A. (2013). Antroponominatsiya v sfere frantsuzskoi gastronomii: opyt strukturnogo i kognitivno-kommunikativnogo analiza = Anthroponomination in the field of French gastronomy: the experience of structural and cognitive-communicative analysis: abstract of PhD in Philology. Irkutsk. (In Russ.)
14. Grigoryeva, E. Ya., Cherkashina, E. I. (2019). Forming linguo-culturology as a new approach to teaching languages and cultures. Vestnik "Modern Russian language: functioning and problems of teaching", 3, 250–255. (In Russ.)
15. Gélinet, P. (2010). 2000 ans de la gastronomie française. Paris: Seuil.
16. Jacquin, G. (2016). Déjeuner et dîner. La revue des Lyriades de la langue française, 3, 50–52.
17. Matoré, G. (1985). Le vocabulaire et la société médiévale. Paris: Presses Universitaires de France.
18. Vikoulova, L. G. (2000). Contes en prose de Charles Perrault: Témoignage linguistique et socioculturel du XVIIe siècle en France. Irkoutsk: [S.n.].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Викулова Лариса Георгиевна
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры романских языков и лингводидактики Института иностранных языков
Московского городского педагогического университета

Рянская Эльвира Михайловна
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры филологии, лингводидактики и перевода
Нижневартовского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vikulova Larissa Georgievna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Full Professor
Professor of Romances Languages and Didactics department, Institute of Modern Languages
Moscow City University

Ryanskaya Elvira Mihailovna
Doctor of Philology, Associate Professor
Professor at the Department of Philology, Linguodidactics and Translation
Nizhnevartovsk State University

Статья поступила в редакцию	04.12.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.133.1, 821.133.1

Волшебник Мерлин и святой Мартин Турский в перспективе средневекового и современного воображаемого Франции

Е. В. Гольденберг

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
elenagoldenberg@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются точки соприкосновения сюжетных линий художественной биографии волшебника Мерлина и жития св. Мартина Турского. Корпус исследования включает оригинальные источники на латинском и старофранцузском языках, а также научные переводные издания и актуальные научные труды о Мерлине и св. Мартине. Привлекаются дополнительные корпусные данные ресурса Google Ngram Viewer на основе франкоязычных источников 1500–2019 г., загруженных в базу данных Google Books.

Ключевые слова: волшебник Мерлин, святой Мартин Турский, артуровский цикл, французский фольклор

Для цитирования: Гольденберг Е. В. Волшебник Мерлин и святой Мартин Турский в перспективе средневекового и современного воображаемого Франции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 24–31.

Original article

Merlin the Enchanter and Saint Martin of Tours in Medieval and Contemporary Imagination of France

Elena V. Goldenberg

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
elenagoldenberg@gmail.com

Abstract. The article examines the points of contact between the storylines of the fictional biography of Merlin the Enchanter and the life of Saint Martin of Tours. The corpus includes original sources in Latin and Old French, as well as scientific translations and current scientific works about Merlin and Saint Martin. Additional corpus data from the Google Ngram Viewer resource is used based on French-language sources from 1500–2019, uploaded to the Google Books database.

Keywords: Merlin the Enchanter, Saint Martin of Tours, Arthurian cycle, French folklore

For citation: Goldenberg, E. V. (2024). Merlin the Enchanter and Saint Martin of Tours in Medieval and contemporary imagination of France. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 24–31.

ВВЕДЕНИЕ

Фигура Мерлина, сейчас повсеместно ассоциирующаяся с артуровским циклом легенд и обширным европейским литературным наследием, изначально была независима, однако в процессе христианизации мифа вошла в артуровский цикл и, по мнению Филиппа Вальтера, одного из известных историков французской артуровской традиции, тесно связана с распространением на территории Франции христианской агиографии [Walter, 2014a].

В трудах Филиппа Вальтера, профессора средневековой французской литературы университета Гренобль 3, писателя и энциклопедиста, проводится неожиданная параллель между легендой о волшебнике Мерлине и житием св. Мартина Турского [Walter, 2014a; Walter, 2014b]. Данное сближение показалось нам весьма интересным, поэтому в работе мы последовательно прослеживаемым по доступным аутентичным и научным источникам ключевые моменты средневековой «биографии» волшебника Мерлина и жития св. Мартина Турского в поисках пересекающихся мотивов, послуживших основанием для возможного отождествления персонажей.

МАРТИН И МЕРЛИН: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИМЕН

В валлийской традиции имя Мерлин (*фр.*, *англ.* Merlin, от *лат.* Merlīnus) ассоциируется с древним именем Myrddin (см. табл. 1) и трактуется по-разному, например, как морской, тот, кто живет в воде (этимологическая гипотеза, предложенная Эриком Хэмпом) (прив. по: [Walter, 2014б]). Это связано с одной из гипотез о происхождении названия современного валлийского города Кармартен (*валл.* Caerfyrddin – крепость Мирддина; *лат.* Maridunum – город у моря). Это место в валлийском фольклоре связано с волшебником Мерлином – Мирддином, а как указывает английский аналог валлийского названия (Carmarthen), имя Мирддин могло, особенно в его бретонском варианте (см. табл. 1), соотноситься с французским именем Мартин. В связи с этим, а также некоторой общностью сюжетов, Уилкинс и некоторые другие ученые в конце XIX века, а затем Вальтер и его ученики в конце XX – начале XXI веков выдвигают предположения о связи чудесных деяний барда-волшебника и раннехристианского римского св. Мартина Турского, жившего в IV веке [Wilkins, 1884; Berthet, 1992; Walter, 2014a].

Таблица 1

МЕРЛИН И МАРТИН НА ФРАНЦУЗСКОМ, ЛАТИНСКОМ, ВАЛЛИЙСКОМ И БРЕТОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Французский	Латинский	Валлийский / бретонский
Merlin	Merlīnus	Myrddin / Marzhin, Marthin
Martin	Martīnus	Martin / Marzhin, Martinus

КЕЛЬТСКИЙ БАРД-ПРОРОК И РИМСКИЙ «АПОСТОЛ ГАЛЛИИ»: ЧТО ОБЩЕГО?

В рамках данной работы для нас особенно интересен тот факт, что сначала, в конце XIX века известный английский типограф и ориенталист Чарльз Уилкинс высказал уверенное предположение, что Мирддин, или Мерлин, о котором впервые упоминает историк Ненний (Nennius) [Gunn, 1819], – не исторический бард VI века, а миф, так как по его мнению вся его романизированная биография основана на легендарной биографии св. Мартина Турского, чьи чудесные деяния таким образом были перенесены на британскую почву как раз примерно во времена Ненния или чуть раньше [Wilkins, 1884].

В конце XX – начале XXI века Жан-Шарль Бертe и его научный руководитель Филипп Вальтер высказывают обратное предположение: элементы легенды о барде-волшебнике Мирддине – Мерлине, наоборот, повлияли на становление народного полулегендарного образа св. Мартина, так как можно отследить по меньшей мере параллелизм и взаимопроникновение черт мифического валлийско-бретонского волшебника и святителя Галлии – одного из самых почитаемых святых Франции [Berthet, 1992].

Имя Святого Мартина – Martinus, как правило, в лексикографических источниках трактуется как уменьшительное от имени бога Марса (корень *Mart-*) [Morlet, 1972]. Довольно удивительно, и с точки зрения кельтологии скорее необоснованно, Ф. Вальтер проводит параллель с корнем *art-*, в кельтских языках обозначающим «медведь». При этом, современному французу, особенно ребенку, было бы понятно, откуда могла возникнуть подобная интерпретация на грани народной этимологии. Ведь не зря Ф. Вальтер подмечает: «Tous les ours ne s'appellent-ils pas Martin?» [Walter, 2014a, с. 265].

Дело в том, что во многих детских сказках и историях такие животные, как медведи и реже ослы, носят имя Мартин [de Boissezon, 2006] (см. рис. 1, на котором видно относительно постоянное и существенное превосходство варианта сочетаемости имени Мартин с медведем в печатных источниках на французском языке уже более 200 лет).

Достаточно посмотреть онлайн-каталоги товаров французских магазинов игрушек, и мы увидим

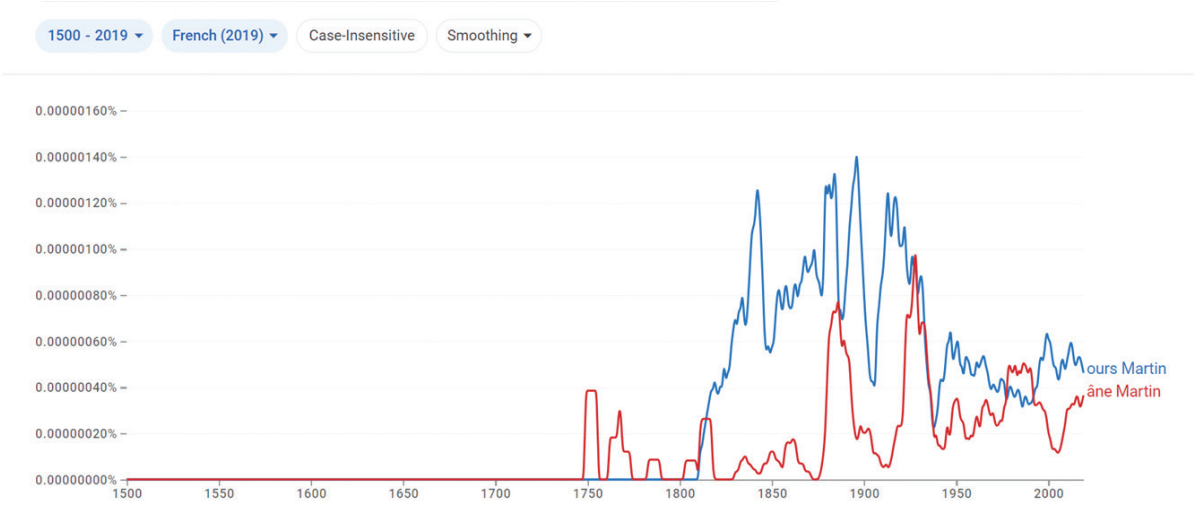

Рис. 1. График Google Ngram Viewer относительной частотности сочетаемости имени Мартин с наименованиями животных: медведем и ослом (*ours Martin*, *âne Martin*)

предложения купить плюшевого мишку Мартина. К слову, даже в классическом переводе Винни-Пуха А. Милна на французский язык мишку представляют как медведя Мартина, которого Кристофер Робин назвал Винни-Пухом именно потому, что «медведь Мартин заявил, что ему бы хотелось иметь оригинальное имя, только для него одного»[1]:

> Eh bien, quand l'ours Martin déclara qu'il aimerait avoir un nom palpitant, pour lui tout seul, Christophe Robin dit tout de suite <…> qu'il était Winnie l'Ourson [Milne, 2015, с. 6].

КАЛЕНДАРЬ И ЖИВОТНЫЕ-СПУТНИКИ

Образ Мирддина-Мерлина с древнейших текстов до старофранцузских романов весьма тесно связан с образом медведя, хоть и косвенно: ведь *artos* – *медведь*, не что иное как этимон имени *Артур*, а в чуть более позднем воображении французского автора Робера де Борона ребенок Мерлин, сын черта и набожной девицы, также родился очень похожим на медвежонка – он весь был покрытый шерстью [de Boron, 1994].

Ф. Вальтер отмечает, что образ Мерлина соединяет во французской традиции, заложенной новаторскими сюжетными деталями Робера де Борона, как языческий, мифологический календарь, так и элементы христианского календаря довольно причудливым образом: предполагаемое зачатие Мерлина – ребенка-«медвежонка» происходит на Сретенье – день памяти Святого Власия (la Saint-Blaise) (2–3 февраля), а рождение – на день памяти епископа Мартина Турского, 11 ноября. [Walter, 2014a; Walter, 2014б].

Ф. Вальтер в книге о Мерлине подробно разбирает многогранное мифологическое и литературное содержание персонажа, прослеживая связь со священным календарем, его языческую и христианскую составляющие, связанные с ипостасью провидца и пророка, безумца и одержимого, мастера зооморфных трансформаций и спутника животных, архитектора, мага, отшельника и лесного жителя, важного государственного деятеля и фольклорного персонажа. В коллективном историческом наследии французского воображаемого прослеживается связь жизнеописания Мартина Турского авторства его известного современника и духовного ученика родом из Аквитании Сульпиция Севера (Sulpicius Severus) [Severus, 1859] с легендами, связанными с именем полулегендарного святителя Галлии и некоторых других святых (например, свв. Маглория, Илария, Антония), как более ранних и известных самому Мартину, так и живших в период после смерти Мартина (конец IV века) до христианизации Мерлина на французской «почве» с легкой руки Робера де Борона в XIII веке.

ПРОРОК, БЕЗУМЕЦ, ОДЕРЖИМЫЙ

Святой Мартин родился в городе Сабария в Паннонии, в римской языческой семье. После освобождения от военной службы, он отправился к известному образованностью и благочестием епископу города Пуатье Святому Иларию (Saint Hilaire = Sanctus Hilarius, *лат.* hilaris – веселый,

[1]Перевод цитаты наш, для иллюстрации специфики текста французского перевода.

радостный) [Severus, 1859; Житие святаго Мартина … 2004]. Здесь Ф. Вальтер видит связь со священным безумием, охватывающим Мерлина каждый раз перед произнесением пророчества [de Monemuta, 1837].

Далее, на пути из Пуатье на родину, Мартин встретил самого дьявола, который пытается склонить его на свою сторону уговорами и угрозами, но безуспешно. Здесь вспоминается параллель с демоническим (Робер де Борон), а изначально языческим божественным происхождением будущего волшебника Мерлина. Робер де Борон красочно описывает в начале романа о Мерлине эпизод неудавшейся попытки зачатия Антихриста [de Boron, 1994]. Затем в течение всей жизни и Мерлин, и Святой Мартин отражают дьявольские попытки сделать их если не своими слугами и последователями, то одержимыми.

После общения и обучения у Святого Илария, Мартин на некоторое время удаляется от мира в пустыню, на безлюдные острова Лигурии, где в одиночестве занимается духовным совершенствованием и параллельно сосуществует в мире с ядовитыми змеями избранного им острова [Severus, 1859; Житие святаго Мартина … 2004]. Мерлин также, в продолжение частого для кельтской традиции мотива о лесном отшельнике – безумце (см., например, исследования Т. Михайловой о Суибне-гельте) уходит несколько раз в лес, где живет с дикими зверями в состоянии священного безумия. Редкие моменты прояснения рассудка связаны с необходимостью произнести пророчества, перед которыми для него характерен ритуальный смех [de Monemuta, 1837]. Вспомним духовного наставника Мартина – Святого Илария. В конце же уже упомянутой поэмы XII века «Жизнь Мерлина» Гальфрида Монмутского Мерлин сознательно возвращается к отшельничеству, пророчествует и ведет благочестивую жизнь во имя искупления.

ОГНЕННЫЙ ДРАКОН И ДЕРЗКИЙ ЮНОША

Далее напрашивается разбор знаменитого эпизода с «огненным драконом» из поэмы Робера де Борона. Есть два эпизода, относящиеся прямо и косвенно к данному мотиву. Во-первых, у Робера де Борона есть момент, когда в небе появляется огненный дракон, вселяющий во всех священный ужас. Его все видят, и он напророчен самим Мерлином [de Boron, 1994]. В Диалогах Сульпиция Севера, во время богослужения над головой Мартина возник сгусток пламени, превратившийся в длинный столп света, однако видят его только избранные. В первом случае описание напоминает комету, во втором – шаровую молнию [Severus, 1859].

Во-вторых, эпизод из жития Мартина при дворе императора Максима похож по поведению главного героя с вызовом отрока Мерлина ко двору Вортигерна для разъяснения чуда с рушащейся каждый вечер башней. Мартин однажды прибыл ко двору императора в Трир, чтобы ходатайствовать о страждущих, а сам император для упрочения своей власти захотел приблизить к себе такого уважаемого епископа и пригласил его за свой стол. На пиру, однако, Мартин не выказал особого почтения к императору, не больше, чем к другим окружающим его людям. Также и отрок Мерлин, оказавшись в обществе языческих жрецов и кровожадного короля, бросил им вызов и пророчествовал о победе бриттов над Вортигерном и его союзниками саксами. Мартин же предрек Максиму короткое правление и скорую смерть, ведь тот сел на трон, убив предыдущего правителя. Увы, более «материальные» драконы в данном эпизоде присутствуют лишь в легенде о волшебнике Мерлине.

ХОРОВОД ВЕЛИКАНОВ – СВЯЩЕННЫЕ КАМНИ

Наконец, рассмотрим мотив о строительстве круга стоячих камней, по которому Мерлину приписывается строительство либо перенос из Ирландии священных камней для возведения знаменитого Стоунхенджа. В местных легендах французской Бретани, окружающих Карнакские камни, а также дольмены леса Пемпон (Forêt de Paimpont), известного как сказочный Броселиандский лес (Forêt de Brocéliande), многое связано с легендами о волшебнике Мерлине и еще с одним, рожденным во французской традиции мотивом о его роковой возлюбленной фее Вивиане и о каменной могиле (дольмене), в которую та заточила стареющего волшебника, чтобы занять его место при дворе короля [Walter, 2014a; de Boron, 1994].

В житии святого часто повторяется мотив обращения язычников в христианскую веру, над чем св. Мартин ревностно трудился с юных лет. Весьма активно он вел и борьбу с идолопоклонством на всей доступной ему территории Галлии. В упоминаемых идолоборческих эпизодах Мартина речь идет о ниспровержении идолов и стоячих камней, однако деятельность святого была настолько активной в этом направлении, что последовавшая в V–IX веках непримиримая борьба Церкви с культом стоячих камней стала использовать, наряду с ниспровержением, их христианизацию. Отсюда в конечном итоге пошло название *les pierres de Saint Martin – стоячие камни, «перешедшие в христианство» путем нанесения на них знака креста* [Dole, 2020].

СКАЗКИ, ФАБЛИО И НАРОДНАЯ МОЛВА

Общим у Мерлина и св. Мартина также можно назвать народную привязанность и оригинальное переосмысление их биографий в народном творчестве. В качестве примеров, приведем сказку о волшебнике Мерлине, благодетельнице и трех разбойниках (*Merlin l'enchanteur, la bienfaitrice et les trois brigands*), которая в некотором роде перекликается с одним из эпизодов жития св. Мартина. Действие обеих историй происходит в Альпах. Оба героя – одинокие путники на пустынной дороге, где на них нападают разбойники и каждый справляется с злоключением с чужой помощью. [Severus, 1859; Житие святаго Мартина … 2004; Sesmat, 2022].

Со стороны епископа Мартина, приведем старофранцузское фаблио XIII века «Четыре желания Святого Мартина» [Les quatre souhaits … 1980], немного напоминающее, хоть и достаточно отдаленно, различные вариации на тему 13 богатств волшебника Мерлина (восходящих к древним валлийским триадам острова Британия (Trioedd Ynys Prydein) [La légende des Treize trésors … 2018]. В обеих историях сокровище и желания оказываются потеряны из-за вмешательства женщины. В первом случае, жена крестьянина, получившего за преданность и благочестие от св. Мартина исполнение четырех желаний, произносит довольно недальновидное и весьма фривольное желание, что приводит к потере и оставшихся трех в попытке вернуть всё, как было. В легенде о Мерлине, тот добывает для короля Артура и привозит в Бретань из Британии 13 сокровищ, чтобы спасти страну, но после ранения короля Мерлин решает забрать и спрятать сокровища, однако это не нравится Вивиане, которая заточает волшебника вместе с сокровищами в каменной могиле в лесу Броселианд.

УПАДОК И СТАГНАЦИЯ?

Наконец, приведем неоднозначное и, с высоты первой четверти XXI века, несколько спорное, на наш взгляд утверждение одного из самых глубоких исследователей образа Мерлина середины XX века Поля Зюмтора. По мнению исследователя, Мерлин как персонаж, исчерпал свой потенциал: постепенно образовывалась пропасть между историческим и художественным. С этого момента (примерно с XVI века, момента окончательного отмирания элементов средневекового сознания и литературных традиций, начало конца длинного Средневековья) персонаж Мерлина начал постепенно терять для писателей свою полезность, т. е. он переставал существовать в той форме, в которой существовал до этого момента. По мнению Поля Зюмтора, Мерлин переродился, получил совершенно другое литературное содержание, стал персонажем поэтическим, чисто литературным. Так, с постепенным возрождением во второй половине XVIII века эстетического, литературного интереса к рыцарским романам, который подхватили и разожгли с новой силой романтики, Мерлин стал тем легендарным, поэтизированным, романтизированным Волшебником, с которым это имя ассоциируется сейчас у большинства детей во Франции и многих других странах Западной Европы.

Зюмтор утверждает, что Мерлина привел к логическому концу именно этот его образ в народном сознании, точнее тот момент окончательного перехода от архаического, средневекового образа барда и пророка к образу сказочного, народного волшебника [Zumthor, 2000].

Филипп Вальтер также упоминает кризис образа Мерлина, но делает акцент на то, что в тупиковую ситуацию его поставил именно процесс христианизации, приведший к полной его трансформации в пророка Священного Грааля, с потерей именно чудесных, по-язычески волшебных элементов. Персонаж становится в этот момент набором схематических, символических характеристик и теряет самостоятельное положение. Свидетельства этому мы, к сожалению, действительно можем проследить до наших дней в образе, популяризированном американской массовой культурой (кино, мультфильмы, мюзиклы), где Мерлин предстает неким стереотипным старцем-волшебником, скорее сказочной функцией мудрого спутника-советника, чем самостоятельным главным персонажем. Можно предположить, что именно так, например, видят его и российские читатели, для которых это лишь образ, заимствованный из литературной традиции других стран. Ту же идею о снижении интереса к образу в некий поворотный момент, с поправками в первую очередь на усиление влияния светской культуры и снижение интереса к христианской религиозности во французском обществе, можно было бы экстраполировать на образ св. Мартина Турского, особенно вспомнив руины одной из его главных святынь – обители Мармутье. Однако, если еще раз обратиться к ресурсу Google Ngram Viewer, мы увидим данные, которые вдохновляют на более глубокие дальнейшие исследования (см. рис. 2). Во-первых, Мерлин не только не исчез со страниц печатных книг на французском языке, но и сохраняет до сих под довольно прочную позицию. Во-вторых, то же, хоть и с меньшим числом вхождений, мы видим в случае св. Мартина, который обходит своего «конкурента» на титул покровителя Франции – Святого Дионисия Парижского. Наконец, мы

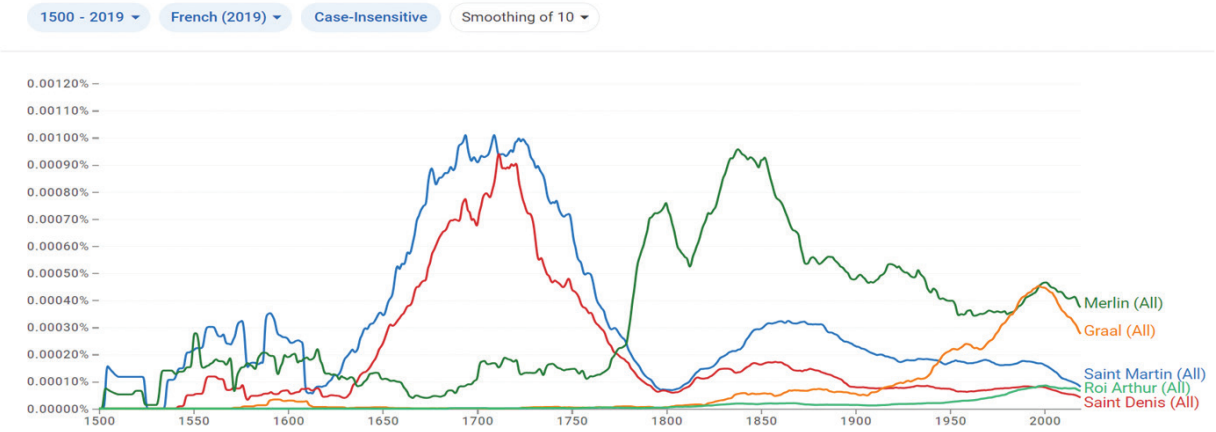

Рис. 2. График Google Ngram Viewer относительной частотности имен Saint Martin, Saint Denis, Graal, Merlin, Roi Arthur

видим, что Мерлин, вопреки глобальным тенденциям, сохранил свою независимость как от короля Артура, так и от мифа о Граале. Частотность его упоминаний существенно выше в литературе на французском языке.

ВЫВОДЫ

Выделенные нами совпадения в «биографиях» Мерлина и Святого Мартина, – результат длительного, более чем тысячелетнего, творчества сотен поколений монахов, историков, писателей, поэтов, городских и сельских жителей и постепенного накопления общих черт, иконографического и агиографического символизма, возможно, путем взаимопроникновения и народной этимологии, но, чуть более вероятно, – параллельно и независимо друг от друга. Достаточно вспомнить, например, фонетическую близость имен Merlinus и Martinus, которая никак не может быть подтверждена этимологически, или существенные территориальные, а главное – временные, расхождения в основополагающих источниках (от уникального прижизненного жития Мартина Турского IV века до первых текстов о барде-пророке Мерлине XII–XIII веков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Walter Ph. Dictionnaire de la Mythologie arthurienne. P.: Imago, 2014a.
2. Walter Ph. Merlin ou le savoir du monde. P.: Imago, 2014b.
3. Wilkins Ch. The Red Dragon: The National Magazine of Wales, Volume VI. C.: Daniel Owen, Howell and Company, 1884.
4. Berthet J.-Ch. Merlin et saint Martin ou les chemins qui ne mènent pas à Rome: mémoire de maîtrise de littérature du Moyen Âge sous la direction de Philippe Walter. G.: Université Stendhal, 1992.
5. Gunn W. The “Historia Brittonum” commonly attributed to Nennius, from a manuscript lately discovered in the library of the Vatican Palace at Rome; edited in the tenth century by Mark the Hermit; with an English version, facsimile. L.: J. and A. Arch, 1819.
6. Morlet M.-Th. Les noms de personne sur le territoire de l’ancienne Gaule du VIe au XIIe siècle II. Les noms latins ou transmis par le latin. P.: CNRS, 1972.
7. Boissezon J. (de) Mon ami l’Ours Martin: Pourquoi ce nom? // Le Monde des Pyrénées, Nouvelle République des Pyrénées, 2006, août 14. URL: https://www.pyrenees-pireneus.com/Faune-Pyrenees/ours/Histoire/Ours-Martin.php#:~:text=On%20dit%20bien%20qu’un,appela%20Martin%20%C3%A0%20son%20tour
8. Milne A.A. Winnie l’Ourson, illustré par E.H. Shepard, traduit de l’anglais par Jacques Papy (1946). P. : Gallimard, 2015
9. Boron R. (de) Merlin. P.: GF- Flammarion, 1994.
10. Severus S. S. Severi liber de Vita beati Martini cum epistolis et dialogis ad eundem spectantibus. Avec notice … par M. F. Dübner. P.: Jacques Lecoffre et Cie, Libraires, 1859.
11. Житие святаго Мартина милостивого епископа Турского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского (репринт). К.: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. II. Месяц октябрь. С. 281–301.
12. Monemuta Galfridi (de) Vita Merlini. P.: typographia Firmin Didot fratrum, 1837.

13. Dole A. 3d Les pierres de Saint Martin et autres bornes. // Le site des patrimoines du Pays des Vallées des Gaves, de Lourdes à Gavarnie. 2020. URL: https://www.patrimoines-lourdes-gavarnie.fr/patrimoine-naturel/63-3d-les-pierres-saint-martin
14. Sesmat S. Pays de Savoie. Contes et légendes de nos montagnes: Merlin l'enchanteur, la bienfaitrice et les trois brigands // Le Dauphiné libéré. 2022, août 8. URL: https://www.ledauphine.com/culture-loisirs/2022/08/08/merlin-l-enchanteur-la-bienfaitrice-et-les-trois-brigands
15. Les quatre souhaits de Saint Martin // Fabliaux. Racconti francesi medievali, a cura di Rosanna Brusegan. T.: Einaudi, 1980. P. 334–343.
16. La légende des treize trésors de Merlin l'enchanteur // Elvenar Forum. 2018, mars 9. URL: https://fr.forum.elvenar.com/index.php?threads/la-l%C3%A9gende-des-treize-tr%C3%A9sors-de-merlin-l%E2%80%99enchanteur.14618/
17. Zumthor P. Merlin le prophète, un thème de la littérature polémique, de l'historiographie et des romans. G.: Editions Slatkine, 2000.

REFERENCES

1. Walter, P. (2014a). Dictionnaire de la Mythologie arthurienne = Dictionary of Arthurian mythology. Paris: Imago.
2. Walter, P. (20146). Merlin ou le savoir du monde = Merlin or the knowledge of the world. Paris: Imago.
3. Wilkins, Ch. (1884). The Red Dragon: The National Magazine of Wales, 6. Cardiff: Daniel Owen, Howell and Company.
4. Berthet, J.-Ch. (1992). Merlin et saint Martin ou les chemins qui ne mènent pas à Rome: mémoire de maîtrise de littérature du Moyen Âge sous la direction de Philippe Walter. Grenoble: Université Stendhal.
5. Gunn, W. (1819). The "Historia Brittonum" commonly attributed to Nennius, from a manuscript lately discovered in the library of the Vatican Palace at Rome ; edited in the tenth century by Mark the Hermit ; with an English version, fac simile. London: J. and A. Arch.
6. Morlet, M.-Th. (1972). Les noms de personne sur le territoire de l'ancienne Gaule du VIe au XIIe siècle, II. Les noms latins ou transmis par le latin. Paris: CNRS.
7. de Boissezon, J. (2006). Mon ami l'Ours Martin: Pourquoi ce nom? In Le Monde des Pyrénées, Nouvelle République des Pyrénées. https://www.pyrenees-pireneus.com/Faune-Pyrenees/ours/Histoire/Ours-Martin.php#:~:text=On%20dit%20bien%20qu'un,appela%20Martin%20%C3%A0%20son%20tour
8. Milne, A. A. (2015). Winnie l'Ourson, illustré par E. H. Shepard, traduit de l'anglais par Jacques Papy (1946). Paris: Gallimard.
9. de Boron, R. (1994). Merlin. Paris: GF- Flammarion.
10. Severus, S. (1859). S. Severi liber de Vita beati Martini cum epistolis et dialogis ad eundem spectantibus. Avec notice … par M. F. Dübner. Paris: Jacques Lecoffre et Cie, Libraires.
11. Zhitie svyatago Martina milostivogo episkopa Turskogo (2004). Zhitiya svyatyh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ih-Minej sv. Dimitriya Rostovskogo (reprint), 2. Kyiv: Svyato-Uspenskaya Kievo-Pecherskaya Lavra. (In Russ.)
12. de Monemuta, G. (1837). Vita Merlini. Paris: typographia Firmin Didot fratrum.
13. Dole, A. (2020). 3d Les pierres de Saint Martin et autres bornes. Le site des patrimoines du Pays des Vallées des Gaves, de Lourdes à Gavarnie. https://www.patrimoines-lourdes-gavarnie.fr/patrimoine-naturel/63-3d-les-pierres-saint-martin
14. Sesmat, S. (2022). Pays de Savoie. Contes et légendes de nos montagnes: Merlin l'enchanteur, la bienfaitrice et les trois brigands. Le Dauphiné libéré. https://www.ledauphine.com/culture-loisirs/2022/08/08/merlin-l-enchanteur-la-bienfaitrice-et-les-trois-brigands
15. Brusegan, R. (Ed.). (1980). Les quatre souhaits de Saint Martin. Fabliaux. Racconti francesi medievali (pp. 334–343). Turin: Einaudi.
16. La légende des treize trésors de Merlin l'enchanteur (2018). Elvenar Forum. https://fr.forum.elvenar.com/index.php?threads/la-l%C3%A9 gende-des-treize-tr%C3%A9sors-de-merlin-l%E2%80%99enchanteur.14618/
17. Zumthor, P. (2000). Merlin le prophète, un thème de la littérature polémique, de l'historiographie et des romans. Geneva: Editions Slatkine.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гольденберг Елена Вениаминовна
старший преподаватель кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Goldenberg Elena Veniaminovna
Senior Lecturer at the Department of French Lexicology and Stylistics
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	07.12.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.133.1

CC BY

Отглагольные дискурсивные маркеры французского языка в диахроническом аспекте

Е. С. Зуева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
lenok.zs98@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается исторический процесс прагматикализации французских дискурсивных маркеров, образованных от глаголов. В качестве примеров, иллюстрирующих прагматическое употребление отглагольных дискурсивных маркеров, приводятся отрывки из пьес доклассического и классического периодов. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью анализируемой темы в отечественной и зарубежной лингвистике.

Ключевые слова: диахрония, французский язык, прагматикализация, дискурсивный маркер, театральная пьеса

Для цитирования: Зуева Е. С. Отглагольные дискурсивные маркеры французского языка в диахроническом аспекте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 32–38.

Original article

Verb-Based Discourse Markers of the French Language in a Diachronic Aspect

Elena S. Zueva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
lenok.zs98@gmail.com

Abstract. The article focuses on the historical process of the pragmaticalisation of verb-based discourse markers. The author illustrates the pragmatic use of verb-based discourse markers with some extracts from theatre plays belonging to pre-classical and classical French periods. The relevance of the study may be explained by a lack of research on the analysed topic in Russian and foreign linguistics.

Keywords: diachrony, the French language, pragmaticalisation, discourse marker, theatre play

For citation: Zueva, E. S. (2024). Verb-based discourse markers of the French language in a diachronic aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 32–38.

ВВЕДЕНИЕ

Использование большого числа дискурсивных маркеров является одной из основных черт живой устной коммуникации. Как правило, данные прагматические единицы изучаются в синхронии, на материале живой звучащей речи с учетом коммуникативного контекста и коммуникативных намерений говорящих. Однако обращение к древним текстам также представляет огромный интерес для исследователя, поскольку анализ эволюции слов, процессов десемантизации и прагматикализации, в результате которых языковые единицы и получают новый статус дискурсивных слов и приобретают новую прагматическую функцию, дает возможность выявить важные закономерности. Именно поэтому представляется крайне актуальным исследование дискурсивных маркеров в диахронии, обращение не только к современным текстам, но и к текстовому материалу прошлых веков, в частности, к средневековым источникам. Такой анализ позволяет проследить эту эволюцию и, основываясь на прежних употреблениях слов, сделать выводы о механизмах, лежащих в основе их прагматикализации.

ТИПОЛОГИЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ

Многие дискурсивные маркеры французского языка возникли в результате десемантизации глагольных форм, что было также характерно для латинского языка. В статье «Образованные от глагола функциональные маркеры в латинском языке: на пересечении морфосинтаксиса, семантики и прагматики» Пьер Молинелли представляет классификацию латинских глаголов, которые рассматриваются в роли дискурсивных маркеров. В качестве материала исследования нами были выбраны такие источники (личные письма, диалоги, комедии), которые позволяли использовать функционально-прагматический подход, обычно применяемый для анализа живой коммуникации [Molinelli, 2019].

Перейдем к рассмотрению классификации дискурсивных маркеров, образованных от глагольных форм. В зависимости от функций и направленности (к собеседнику или адресату) Пьера Молинелли выделяет четыре типа отглагольных маркеров в латинском языке [там же].

1. **Глаголы личной позиции** (Verbs of personal stance) – глаголы первого лица, которые используются как прагматические маркеры и выполняют функцию смягчения высказывания. К этому типу автор относит *verba sentiendi* (например, *credo, puto, opinor*) и *verba declarandi* (такие как *dico, fateor, concedo*)[1].
2. **Глаголы личного обязательства** (Verbs of personal commitment), к которым относятся так называемые *verba petendi* (*rogo, quaeso*). Глаголы *спрашивать* и *просить* подвержены процессу прагматикализации и могут использоваться как перформативы. Также к глаголам этой группы автор причисляет глагол *amabo*, который в разговорной латыни употреблялся как формула прошения.
3. **Глаголы, привлекающие внимание** (Attention-getters) – глаголы второго лица, обращенные к адресату, как правило стоящие во втором лице единственного или множественного числа (*scis, scias, scito*). Речь идет о десемантизированных речевых формулах в начале предложения. Кроме того, к этой группе глаголов автор причисляет такие императивы, как *crede* и *vide*.
4. **Фатические маркеры** (Phatic markers), к которым автор относит формы *abi, em* и *mane*. В эту группу включены различные глаголы, общими характеристиками которых являются высокий уровень десемантизации, ориентация на адресата, семантическая непроницаемость. Зачастую эти маркеры застывают в одних формах, полностью независимы от предложения и воспринимаются как междометия [Molinelli, 2019].

Как видно из приведенной классификации, многие маркеры латинского языка образованы от глаголов знания (*scio, credo*), восприятия (*video*), говорения (*dico, rogo, quaeso*), что, возможно, связано с тем, что вербальная коммуникация предполагает интеллектуальное усилие собеседника, чье внимание фиксируется специфическими маркерами [там же].

Приведенная выше типология может быть также использована применительно к французскому языку. В данной статье мы проанализируем отглагольные дискурсивные маркеры, которые в соответствии с данной типологией можно отнести к третьей группе. Речь идет о дискурсивных маркерах, основная функция которых заключается в привлечении внимания собеседника *(tiens / tenez, écoute / écoutez, regarde / regardez, dis-moi / dites-moi*). В рамках данной статьи мы подробнее остановимся на

[1]Иллюстративный материал приводится по изданию А. Тиссье (A. Tissier, 1984) и по комедии Мольера: Tissier A. Farces du Moyen Age: textes choisis et transcrits en français moderne. 1984. Flammarion. URL : https://archive.org/stream/Pmoyenage99/Farces%20du%20Moyen-Age_djvu.txt; Molière, J. B. P. (1663). L'estourdy ou Les Contre-temps, comedie. Representée sur le Theatre du Palais-Royal.

дискурсивных единицах *tiens / tenez, écoute / écoutez,* а также *voilà,* возникших в результате десемантизации повелительных форм глагола.

Необходимо отметить, что в отечественной лингвистике отмечается недостаточная разработанность данной темы, которая требует более глубого исследования. Однако и в зарубежном языкознании вопросу о дискурсивных маркерах в диахроническом аспекте уделяется мало внимания. Так, наиболее детальные работы по данной проблематике принадлежат Э. Оперман-Марсо. В связи с этим можно говорить об актуальности раскрываемой в статье темы и необходимости дальнейшего изучения дискурсивных маркеров французского языка в диахронии.

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТГЛАГОЛЬНОГО ДИСКУРСИВНОГО МАРКЕРА *tiens / tenez*

В старофранцузский период *tiens* и *tenez* употреблялись в форме императива, тогда как в текстах среднефранцузского периода можно видеть данные глагольные формы уже в другом употреблении – в качестве восклицания. Так, в процессе постепенного размывания изначальной семантики глагола *tenir* произошла прагматикализация данных форм императива и закрепление их в речи в качестве функционально-коммуникативных единиц.

Э. Оперман-Марсо выделяет четыре типа употреблений повелительных форм *tiens* и *tenez* в средневековом французском:

1) выражение просьбы взять, схватить что-либо;
2) просьба содержать / поддерживать что-либо в определенном состоянии;
3) призыв воспринимать что-либо определенным образом (в употреблении с предлогами *à* или *pour*);
4) просьба находиться в каком-либо определенном месте или вести себя определенным образом (в возвратной форме) [Oppermann-Marsaux, 2008].

Процитируем в качестве примера отрывки из анонимного французского фарса XVI века под названием «Le badin qui se loue», в которых повелительная форма глагола *tenir* выступает в своем изначальном значении «призыв взять объект»:

(1) Vrayement, je t'en donneray.
Tien! hay, voyla de l'argent.

(2) Mais *tien* ! va t'en dès maintenant
Achepter quelque bon pasté.

Однако также Э. Оперман-Марсо выделяет целый ряд употреблений *tien*(*-s*) и *tenez* в качестве самостоятельной конструкции, без прямого дополнения, перед высказыванием или в его конце. Именно в таких случаях абсолютного употребления *tiens* и *tenez* можно говорить о десемантизации и постепенной прагматикализации данных императивов. Как отмечает автор, в старофранцузский период такое употребление было достаточно редким, тогда как источники XIV–XV веков свидетельствуют о значительном росте употреблений *tiens* и *tenez* в абсолютной конструкции [Oppermann-Marsaux, 2008]. Так, оба маркера получают активное распространение после 1650 года [Oppermann-Marsaux, 2012].

В фарсах XV–XVI веков «Le Pâté et la Tarte» и «Le chaudronnier» глагольные формы *tien*(*-s*) и *tenez* часто встречаются без дополнений, а также в качестве восклицания:

(3) Vous aurez cent coups de baston.
Tenez, voyla pour no pasté!

(4) M'as-tu frappé, vieille dantée?
Tien, ceste testée!

Однако значение данных форм относительно далеко от первоначальной семантики глагола *tenir*, который в данных примерах значит «получить удар». Употребление *tien*(*-s*) и *tenez* в таком значении, как правило, сопровождается жестом [Dourdy, Spacagno, Sauwala, 2019].

Начиная со среднефранцузского периода императивные формы глагола *tenir* нередко употребляются в качестве дискурсивных маркеров, привлекающих внимание собеседника к тому, что находится в непосредственной близости, в ситуации общения. В таком случае данный дискурсивный маркер также нередко сопровождается жестом, которым говорящий указывает на объект, к которому пытается привлечь внимание [Oppermann-Marsaux, 2012]. Первоначальная семантика глагола размывается: данный дискурсивный маркер призывает собеседника посмотреть на что-либо, обратить внимание на объект, а не взять его [Dourdy, Spacagno, Sauwala, 2019]. При этом в подобном употреблении *tien(-s)* и *tenez* имеют значение только в том случае, если интерактанты находятся в одном коммуникативном контексте, в одном месте в одно и то же время [Oppermann-Marsaux, 2008].

Однако в некоторых случаях *tenez* привлекает внимание собеседника не к объекту, находящемуся в коммуникативной ситуации, а к самому высказыванию, при этом первоначальная семантика глагола «схватить что-либо» стирается:

(5) *Tenez*, dictes la vérité:
Qu'avez-vous fait de ce pasté?

При этом важно отметить, что случаи употребления формы второго лица множественного числа *tenez* в качестве дискурсивного маркера встречаются значительно чаще, чем десемантизированной формы единственного числа *tiens,* которая появляется позже (лишь с середины XVII в.) и получает распространение более медленно. Данный факт особенно интересен тем, что в современном французском языке наблюдается обратная ситуация: дискурсивный маркер *tiens* характеризуется большей степенью прагматикализации и перестает быть ориентированным на собеседника [Oppermann-Marsaux, 2012].

Характерное для современного французского языка дискурсивное употребление формы *tiens,* функционирующей как восклицание, передающее удивление, не встречается в источниках доклассического и классического периодов, однако наблюдается лишь с первой половины XIX века [там же]. При этом оба дискурсивных маркера чаще всего встречаются в текстах театральных пьес, помогая обеспечивать взаимодействие между персонажами [Dourdy, Spacagno, Sauwala, 2019]. Так, как отмечает Э. Оперман-Марсо на основании проанализированных данных корпуса, начиная с XVIII века дискурсивные маркеры *tiens* и *tenez* встречаются в более 70 % театральных пьес [Oppermann-Marsaux, 2012]. По наблюдениям ряда исследователей, в текстах других жанров отглагольные дискурсивные единицы почти не встречаются, что связано в первую очередь с самой структурой драматических текстов, представляющих собою диалоги между персонажами, а потому и содержащих множество языковых форм, присущих разговорной спонтанной речи [Dourdy, Spacagno, Sauwala, 2019].

Например, в комедии Мольера «L'Étourdi ou les Contretemps» («Шалый, или Всё невпопад») находим случаи дискурсивного употребления *tiens* и *tenez:*

(6) Oui, ma foi, tu me fais un plaisir souhaité ;
Tiens donc, et va pour moi prendre cette beauté.

(7) Vous pourriez librement disposer de mon bien.
Tenez, je suis tout vôtre, et le ferai paraître.

Таким образом, проанализированные примеры позволяют заключить, что, начиная с периода среднефранцузского языка, глагол *tenir* постепенно десемантизируется, его императивные формы *tiens* и *tenez* прагматикализуются, приобретая новые экспрессивные и коммуникативные значения.

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТГЛАГОЛЬНОГО ДИСКУРСИВНОГО МАРКЕРА *écoute / écoutez*

Рассмотрим эволюцию еще одного дискурсивного маркера, образованного в результате десемантизации и прагматикализации глагола *écouter*. Формы императива *écoute / écoutez* имеют функцию привлечения внимания, в то же время призывая собеседника проявить здравый смысл и изменить свое мнение [Oppermann-Marsaux, 2016]. По мнению Г. Дости, функция данного дискурсивного маркера выражается в том, что «говорящий стремится к активации когнитивных способностей собеседника» [Dostie, 2004, с. 210] с той целью, чтобы последний декодировал текст как можно эффективнее.

Прагматикализацию императивных форм *écoute / écoutez* можно наблюдать уже в среднефранцузском языке. Так, в упомянутых выше фарсах «Le paté et la tarte» (8) и «Le badin qui se loue» (9) встречаем рассматриваемые языковые единицы в дискурсивном употреблении:

(8) Et s'avons foy et loyaulté
Promis ensemble. Or *escouté;*
Car de tout ce que nous gaignons,
Justement nous le partissons.

(9) Sà donc, de l'argent, mon hoste!
Mais *escoutés*, j'en mengeray?

Как видно в примерах (8), (9), дискурсивные маркеры *écoute / écoutez* теряют свое повелительное значение, становятся независимыми с синтаксической и семантической точек зрения и могут быть опущены без потери смысла высказывания. Таким образом, можно говорить о том, что данные глагольные формы начинают играть исключительно прагматическую роль, помогая привлечь внимание собеседника к содержанию высказывания [Oppermann-Marsaux, 2016].

При этом Оперман-Марсо Э. выделяет два типа употребления данных дискурсивных маркеров в зависимости от места, занимаемого *écoute / écoutez* в разговоре: инициирующее и реактивное [там же].

Если *écoute / écoutez* находятся в начале реплики, то речь идет об инициирующем маркере, цель которого – вызвать ответную реакцию собеседника (удивление, одобрение / неодобрение, ответ на просьбу или же невербальную реакцию):

(10) Mais *escoutez*, où les vend-on,
Affin que plus ne revienne?

Если же *écoute / écoutez* занимают не начальную позицию, а представляют собой реакцию на

предыдущее высказывание другого говорящего, следует сказать о реактивной реплике, в которой данные дискурсивные маркеры выражают несогласие с высказанным ранее, негативное отношение говорящего к словам собеседника. В таких случаях *écoute / écoutez* не привлекают внимание собеседника, а скорее выражают несогласие и раздражение говорящего, его полемический настрой.

Такое реактивное употребление *écoute / écoutez* в ответной реплике является наиболее прагматикализованным, поскольку в этом случае функция данных форм императива заключается не столько в том, чтобы обратить внимание собеседника на содержание высказывания (при этом прослеживается изначальная семантика глагола *écouter*), а в том, чтобы призвать его руководствоваться здравым смыслом, пересмотреть свою позицию [Oppermann-Marsaux, 2016].

(11) *Escoutez*, il ne se peult taire!
Il me faict enraiger d'ennuy.

Как и в случае с дискурсивными маркерами *tiens* и *tenez*, прагматикализированные формы *écoute / écoutez* чаще всего встречаются в текстах театральных комедий. Так, например, в уже упомянутой комедии Мольера «Шалый, или Все невпопад» (период классического французского), встречаем следующие случаи дискурсивного употребления *écoute / écoutez:*

(12) *Écoute* donc, voici bien le meilleur :
La lettre que je dis a donc été remise
(13) *Écoute,* sais-tu bien ce que je viens de faire ?
(14) *Écoute*, Mascarille, un seul point me chagrine :
S'il allait de son fils me demander la mine ?

(*Molière, 1663*)

В данных примерах (12)–(14) дискурсивный маркер *écoute* выполняет функцию вступления, привлекая внимание собеседника к последующему высказыванию [там же]. Так, уже начиная с периода среднефранцузского мы можем видеть, что императивные формы *écoute / écoutez* употребляются в дискурсивном значении, характерном и для современного французского языка.

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТГЛАГОЛЬНОГО ДИСКУРСИВНОГО МАРКЕРА *VOILÀ*

Интересно также проследить эволюцию дискурсивного маркера *voilà*, который на первый взгляд не кажется отглагольным, однако этимологически восходит к императивным формам старофранцузского глагола *veoir*.

Форму второго лица множественного числа *veiz* в сочетании с указательным наречием *ci* можно встретить начиная с XII века, а уже в XIII веке данная форма окончательно закрепилась и вытеснила конкурировавший с ней вариант *ez vos*, появившийся веком раньше и основанный на употреблении наречия *ez*, восходящего к латинскому указательному местоимению *ecce* [Oppermann-Marsaux, 2006].

В «Песне о Роланде», датируемой XII веком, находим следующий пример употребления маркера *voilà* в его старофранцузской форме:

(15) Dreiz emperere, veiz me ci en present,
Ademplir voeill vostre comandement.

Императивная форма *veoir* употребляется главным образом в прямой речи и позволяет говорящему привлечь внимание собеседника к тому, что находится в ситуации общения и доступно непосредственному наблюдению (что подчеркивается семантикой глагола *видеть*), поэтому Э. Оперман-Марсо называет такую конструкцию термином «ситуационный презентатив» («présentatif situationnel»).

Период среднефранцузкого характеризуется постепенной эволюцией конструкции *veez ci,* а именно, ее превращением в слитную форму *veci / vela* в XIV–XVI веках, а затем ее закрепления в более привычном для современного французского виде *voici / voila* в XV–XVI веках. Так, к XVI веку неслитная конструкция «императив + указательное наречие» почти полностью вытесняется слитными формами *voycy / voyla*. При этом вторая форма на *la* получает гораздо более широкое распространение [там же]. Например, в сборнике средневековых фарсов находим всего один случай использования *voycy* (16) и 14 случаев употребления *voyla*.

(16) Vivre fault par quelque moyen.
Voycy pour moy.

(17) Non est? Si est, s'il te plaist.
Le *voyla*, qui te puisse ardre!

(18) Or tenez, médecin, *voyla*
Un peu d'argent que je vous donne.

(19) *Voyla* un merveilleux garson :
Je n'en vis oncques de la sorte.

(20) Ma foy, *voyla* un grand lourdois :
Il a moins d'esperit que un thoreau.

В примерах (16)–(20) *voyla* имеет функцию, которая сохраняется и в современном французском языке для *voilà* и заключается в том, чтобы обратить

внимание собеседника на референт, находящийся в ситуации общения. Таким образом, *voyla* выступает в качестве дейктического указателя [Anscombre, Haillet, Danaire, 2013, с. 204]. Ж. Делаэ называет этот дискурсивный маркер «*voilà* présentatif» (21) [Delahaie, 2009, с. 12].

(21) Sainct Jehan, me *voyla* bien et beau!

Однако *voyla* может не только указывать на объект, находящийся в ситуации общения, но также подчеркивать слово или высказывание в контексте. В этом случае, по мнению Э. Оперман-Марсо, речь идет о «текстовом презентативе». Дискурсивный маркер *voyla* «презентует» высказывание, отсылает к какому-то элементу в тексте, предлагая собеседнику принять во внимание последующие объяснения, аргументы или возражения, как в примерах (22) и (23) [Oppermann-Marsaux, 2006].

(22) *Voilà, voilà* que c'est de ne voir pas Jeannette,
Et d'avoir en tout temps une langue indiscrète

(23) *Voilà* l'histoire en gros, redite seulement
Afin de vous servir ici de fondement (Molière, 1663).

Voyla также имеет связующую функцию, позволяет структурировать дискурс и организовывать диалог, обеспечивая связность речи. Данный дискурсивный маркер зачастую выполняет резюмирующую, синтезирующую функцию, позволяя разграничивать одно высказывание от другого, маркировать его конец и подвести итог сказанному [Col, Danino, Rault, 2015].

Например, в отрывке (24) говорящий, используя *voyla* в конце высказывания, тем самым четко обозначает его смысловые рамки, показывая, что закончил свое сообщение.

(24) Mere, je suis morte, *voyla.*
Se ne secourez vostre fille [Tissier, 1984].

При этом *voyla* не только подчеркивает завершенность, являясь последним словом реплики, но и имеет значение заключения, вывода. Это позволяет называть *voilà* «маркером структурирования беседы» (термин Э. Руле и А. Ошлен) [прив. по Delahaie, 2009]. Действительно, данный дискурсив демонстрирует, что говорящий сказал всё, что хотел, а это, в свою очередь, помогает коммуникантам выстраивать более организованный и структурированный диалог. Ж. Делаэ так определяет дискурсивное употребление «*voilà* conversationnel» [Delahaie, 2009, с. 11].

Таким образом, как показывают проанализированные примеры, в доклассический период *voyla* используется главным образом в сочетании с прямым дополнением (местоимением, именной синтагмой или придаточным предложением) [Oppermann-Marsaux, 2006]. Тогда как *voilà* в самостоятельном употреблении получает распространение значительно позже, начиная с XIX века [Anscombre, Haillet, Donaire, 2018]. Однако некоторые примеры абсолютного употребления *voyla*, типичные для современного французского языка, можно встретить и в XV веке (24).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что отглагольные дискурсивные маркеры французского языка *tiens / tenez, écoute / écoutez* и *voilà (veez ci)* прошли несколько этапов эволюции. На первом этапе дискурсивные маркеры подверглись процессам десемантизации и грамматикализации, частично потеряв свое изначальное императивное значение и застыв в определенной грамматической форме, а затем постепенно стали приобретать коммуникативно-дискурсивное, прагматическое значение, связанное с ситуацией общения.

Так, анализируемые дискурсивные маркеры претерпели ряд трансформаций, отдалились от своего первоначального значения, приобрели новую семантику, стали синтаксически независимыми, а также начали выполнять некоторые прагматичные функции (в частности, функцию привлечения внимания собеседника к высказыванию).

Достаточно четко прослеживается следующая тенденция развития рассматриваемых отглагольных дискурсивных маркеров:

- на первом этапе *tiens / tenez, écoute / écoutez* и *veez ci* употребляются в первоначальном конкретном значении императива и чаще всего в сочетании с прямым дополнением;
- на втором этапе данные дискурсивные маркеры всё чаще используются в парентетических конструкциях и вводных предложениях, претерпевая определенный семантический сдвиг и приобретая более абстрактное, отдаленное от изначальной семантики значение, что также связано с расширением контекстов употребления данных маркеров;
- наконец, анализируемые дискурсивные маркеры приобретают всё бóльшую синтаксическую независимость от предложения, а также высокую степень семантической абстрактности и непроницаемости [Bolly, 2010].

Таким образом, проведенный диахронический анализ позволил выявить основные этапы эволюции отглагольных дискурсивных маркеров французского языка, а также проследить скрытые механизмы прагматикализации данных языковых единиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Molinelli P. Verb-based Functional Markers in Latin: Morphosyntax, Semantics, and Pragmatics at a Crossroads // Rivista italiana di linguistica e di dialettologia. 2019. P. 49–66.
2. Oppermann-Marsaux E. De l'injonction à l'interjection : La naissance des marqueurs discursifs tien(s) et tenez en français médiéval (XIIe-XVe siècles) // L'Information Grammaticale. 2008. № 118. P. 11–15.
3. Oppermann-Marsaux E. L'évolution des marqueurs discursifs tiens et tenez du moyen français jusqu'au français classique (1450–1800) // ZfSL Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. Vol. 122, № 1. 2012. P. 1–16.
4. Dourdy L-M., Spacagno M., Sauwala L. Observer les marqueurs discursifs à travers le prisme du genre textuel en moyen français // Studia linguistica romanica. 2019. P. 7–33.
5. Oppermann-Marsaux E. Le développement du marqueur discursif *écoute/écoutez* du moyen français jusqu'au français classique // Linx. 2016. P. 65–84.
6. Dostie G. Pragmaticalisation et marqueurs discursifs: Analyse sémantique et traitement lexicographique. Brussels: De Boeck/Duculot, 2004.
7. Oppermann-Marsaux E. Les origines du présentatif *voici/voilà* et son évolution jusqu'à la fin du XVIe siècle // Langue française. 2006. № 149. P. 77–91.
8. Anscombre J.-C., Haillet P. P., Donaire M. L. Opérateurs discursifs du français. Eléments de description sémantique et pragmatique. Berne: Peter Lang, 2013.
9. Delahaie J. Voilà le facteur ou voici le facteur ? Etude syntaxique et sémantique de voilà // Cahier de lexicologie. Vol. 2. 2009. P. 43–58.
10. Col G., Danino C., Rault J. Éléments de cartographie des emplois de voilà en vue d'une analyse instructionnelle // Revue de Sémantique et Pragmatique. 2015. P. 37–59. DOI: 10.4000/rsp.1015
11. Bolly C. Pragmaticalisation du marqueur discursif tu vois. De la perception à l'évidence et de l'évidence au discours // Neveu F. et al. (éds), Congrès Mondial de Linguistique Française. 2010. P. 673–693.

REFERENCES

1. Molinelli, P. (2019). Verb-based Functional Markers in Latin: Morphosyntax, Semantics, and Pragmatics at a Crossroads. In Rivista italiana di linguistica e di dialettologia (pp. 49–66).
2. Oppermann-Marsaux, E. (2008). De l'injonction à l'interjection : La naissance des marqueurs discursifs tien(s) et tenez en français médiéval (XIIe–XVe siècles). L'Information Grammaticale, 118, 11–15.
3. Oppermann-Marsaux, E. (2012). L'évolution des marqueurs discursifs tiens et tenez du moyen français jusqu'au français classique (1450–1800). ZfSL Zeitschrift für französische Sprache und Literatur, 122(1), 1–16. https://archive.org/stream/Pmoyenage99/Farces%20du%20Moyen-Age_djvu.txt
4. Dourdy, L-M., Spacagno, M., Sauwala, L. (2019). Observer les marqueurs discursifs à travers le prisme du genre textuel en moyen français. Studia linguistica romanica (pp. 7–33).
5. Oppermann-Marsaux, E. (2016). Le développement du marqueur discursif écoute/écoutez du moyen français jusqu'au français classique. Linx (pp. 65–84).
6. Dostie, G. (2004). Pragmaticalisation et marqueurs discusifs: Analyse sémantique et traitement lexicographique. Brussels: De Boeck/Duculot.
7. Oppermann-Marsaux, E. (2006). Les origines du présentatif voici/voilà et son évolution jusqu'à la fin du XVIe siècle. Langue française, 149, 77–91.
8. Anscombre, J.-C., Haillet, P. P., Donaire, M. L. (2013). Opérateurs discursifs du français. Eléments de description sémantique et pragmatique. Berne: Peter Lang.
9. Delahaie, J. (2009).Voilà le facteur ou voici le facteur ? Etude syntaxique et sémantique de voilà. Cahier de lexicologie, 2, 43–58.
10. Col, G., Danino, C., Rault, J. (2015). Éléments de cartographie des emplois de *voilà* en vue d'une analyse instructionnelle. Revue de Sémantique et Pragmatique (pp. 37–59). 10.4000/rsp.1015.
11. Bolly, C. (2010). Pragmaticalisation du marqueur discursif tu vois. De la perception à l'évidence et de l'évidence au discours. In Neveu, F. et al. (éds), Congrès Mondial de Linguistique Française (pp. 673–693).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зуева Елена Сергеевна

аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zueva Elena Sergeevna

Post-graduate Student, Department of Lexicology and Stylistics of the French Language Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	30.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	27.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.161.1'373.211.1(476)

CC BY

Пути репрезентации флористического кода культуры в ономастиконе Брестчины

И. Л. Ильичева

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь
ilitcheva@list.ru

Аннотация. Статья содержит результаты исследования путей репрезентации флористического кода в ономастическом пространстве Брестского региона. Установлено, что флористический код культуры эксплицируется при помощи четырех тематических групп: растительно-ориентирующих гидронимов, годонимов, эргонимов, прагматонимов, ивентонимов. Региональные ономастические единицы, образованные от наименований растительного мира, составляют заметную часть ономастикона Брестчины и представляют собой определенным образом организованную систему. Топоосновы анализируемых ономастических единиц отражают объемную экстралингвистическую информацию, которая напрямую связана с культурой жителей Брестского региона.

Ключевые слова: ономастикон, гидроним, годоним, эргоним, прагматоним, ивентоним, код культуры, флористический код

Для цитирования: Ильичева И. Л. Пути репрезентации флористического кода культуры в ономастиконе Брестчины // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 39–45.

Original article

Ways of Representation of the Floral Code of Culture in the Onomastikon of the Brest Region

Inna L. Ilyicheva

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
ilitcheva@list.ru

Abstract. The article contains the results of a study of the ways of representing the floristic code in the onomastic space of the Brest region. The study found that the floristic culture code is explicated with the help of four thematic groups: "plant-orienting" hydronyms, hodonyms, ergonyms, pragmatonyms, eventonyms. It has been established that regional onomastic units formed from the names of the plant world constitute a significant part of the onomasticon of the Brest region and represent a certain organized system. The topographic bases of the analyzed onomastic units reflect voluminous extralinguistic information, which is directly related to the culture of the inhabitants of the Brest region.

Keywords: onomasticon, hydronym, godonym, ergonym, pragmatonym, eventonym, culture code, floristic code

For citation: Ilyicheva, I. L. (2024). Ways of representation of the floral code of culture in the onomastikon of the Brest region. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 39–45.

ВВЕДЕНИЕ

Знакомство человека с окружающим миром начинается со знакомства с местностью, природными географическими объектами – озерами, реками, горами, равнинами, морями, материками, островами, пустынями и др. По словам Е. Л. Березович, первичное восприятие человеком географического пространства «представляется наивным сознанием как серия концентрических кругов, расходящихся из центра, в котором находится наблюдатель» [Березович, 2002, с. 60].

Действительно, познавая объекты окружающей действительности человек, идентифицирует их визуально – по размеру, форме, строению, позиции, по отношению к другим объектам, цвету, запаху, вкусу и т. д., номинирует и «использует для фиксации ориентационных отношений» [там же]. Иными словами, первый контакт человека с окружающим миром осуществляется спонтанно, на поверхностном уровне, «в различных актах мироощущения, мирочувствия, миросозерцания, мировосприятия, мировидения, миропонимания, миропредставления, мирооценки» [Серебренников, 1988, с. 20] посредством зрительного, слухового, обонятельного и вкусового восприятия. В дальнейшем по мере расширения топографического горизонта и осмыслении полученной информации в сознании носителей определенной лингвокультуры формируются «глубинные», культурно-маркированные образы и смыслы.

Обозначение предметов реальной действительности словесными знаками происходит в коммуникативном пространстве социума постоянно и непрерывно, и в результате формируется особый коммуникативный сегмент – ономастический континуум, в котором все элементы тесно связаны между собой и упорядочены в единое, структурное целое с ядерной и периферийной зонами.

Значимость всех разрядов ономастической лексики, очевидна, поскольку «в языке всё направлено на осуществление общения – непременного условия взаимодействия людей. Онимы же – это и условие, и средство коммуникации» [Мезенко, 2011]. Обозначая предметы окружающей действительности и вербально маркируя практически все сферы речевого взаимодействия людей (работа, образование, отдых и развлечения, здоровье, торговля, сфера общественного питания, транспорт и др.), ономастические единицы несут функциональную нагрузку и определенным образом моделируют коммуникативное пространство человека.

Онимы в коммуникативном пространстве Брестского региона представлены практически всеми известными разрядами (антропонимы, топонимы, урбанонимы, эргонимы, прагматонимы, ивентонимы и др.), однако топонимическая и эргонимическая лексика, на наш взгляд, играет главную роль.

Топонимы как элементы ядерной зоны своеобразны по значению и употреблению, характеризуются набором достаточно четких признаков, главным из которых является константность. Топонимические единицы выполняют функцию знака-ориентира на местности, а «опыт фиксации локальных особенностей ландшафта, запечатленный в знаках-онимах, составляет существенную часть человеческой культуры, знания, его организации и способов представления» [Копач, 2003, с. 51]. В регионе любой страны «топонимы выполняют адресно-указательную функцию» [Легенкина, 2010, с. 3] и являются своеобразными памятниками культуры, не менее значимыми, чем памятники материальной культуры.

В исследованиях А. М. Мезенко (2011), И. А. Королёвой (2015, 2020), О. Б. Переход (2019), Н. В. Семеновой (2021) – наблюдается качественно новый научный подход к трактовке ономастических единиц с позиций лингвокультурологии. Всё чаще ономастическое пространство многими авторами прочитывается как своеобразный «лингвокультурный текст» [Мезенко, 2011], «пласт продукт народной культуры, видения народом окружающего ландшафта» [Керт, 2009, с. 25], «зеркало национальной культуры» [Рабаданова, 2012, с. 20], изучение которого позволяет «выявить особенности ментальной сферы представителей конкретного этноса в именах собственных, исследовать и описать базовый культурный пласт, являющийся неотъемлемой частью структуры любого “говорящего” человека» [Мезенко, 2011, с. 124].

В этой связи ученые выделяют от 4 до 15 кодов культуры (см. работы А. М. Мезенко, Т. В. Васильевой, М. Л. Дорофеенко, Е. В. Ладоновой, Н. А. Ярошенко, А. С. Самигуллиной, И. А. Королевой, Ю. В. Дуловой и др.); важное место в научной литературе отводится флористическому (растительному, вегетативному, фитонимическому, фитоморфному) коду культуры.

Как отмечает И. И. Киреева, «культурные коды формируют определенные фрагменты картины мира, которые объединяют представления человека о наделенных культурными смыслами реалиях, относящихся к одному типу феноменов» [Киреева, 2008, с. 3]. В национальном пространстве кодам культуры отводится приоритетное положение, они выступают структурообразующими элементами пространства. Сама культура при этом выступает как совокупность различных кодов. В. В. Красных описывает код культуры как «сетку, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды

культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и кодируют» [Красных, 2003, с. 298].

Флористический код культуры фиксирует представления лингвокультурного социума о различных объектах растительного мира. Цель данной статьи – выявление способов репрезентации флористического кода культуры в ономастиконе Брестчины.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили названия, соотносимые с названиями растительного мира, полученные методом сплошной выборки из документов государственного водного кадастра Республики Беларусь (реестр водных объектов Брестской области за 2020 г.); списков-указателей улиц городов Брестской области; сайтов предприятий и организаций; информационной справки УК Брестского областного краеведческого музея (сектор «Природа и экология») «Реки, каналы и озера Брестской области. Названия в легендах и мифах» за 2020 год; «Краткий топонимический словарь Белоруссии» В. А. Жучкевича; интернет-ресурсов (туристические порталы[1]).

Анализ и статистическая обработка материала проводились с использованием преимущественно дескриптивного метода, реализованного в таких приемах, как изучение, обобщение и интерпретация. Общее количество проанализированных ономастических единиц составляет 390 единиц (66 гидронимов, 155 годонимов, 80 эргонимов, 78 прагматонимов, 12 ивентонимов).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Флористический код культуры является одним из доминантных и «соотносится с архетипическими представлениями русской культуры, в нем фиксируются наивные представления о мироздании. Он связан с живыми существами, населяющими окружающий мир, отражает представления человека о мире растений» [Власова, 2015, с. 27].

Значительная часть территории Брестской области представлена зонами смешанных (хвойно-широколиственных) и широколиственных лесов. На ней произрастают сосна, ель, береза, осина, тополь и другие деревья и кустарники. Леса Брестчины богаты черникой, земляникой, малиной, брусникой, а также различными грибами. Единицы ономастического пространства Брестчины ярко и точно отражают природные особенности местности.

[1]https://www.holiday.by/, https://www.belarustourism.by/

В нашем материале, охватывающем примерно 4 тыс. различных ономастических номинаций Брестчины, флористический код достаточно продуктивен – примерно в 1/10 названий. В ономастиконе Брестчины данный код объективируется посредством пяти тематических групп: растительно-ориентирующих гидронимов, годонимов, эргонимов, прагматонимов, ивентонимов.

Первую группу образуют 70 номинаций водных объектов, соотносимых с названиями объектов растительного мира, произрастающих на территории Брестского региона. Это различные виды деревьев и кустарников (34 единицы): оз. *Дубовское*, *Дубок*, *Дубойское, Дубищ, Ореховка, Ореховня, Вязок*; р. *Сосновица*, *Вишня*, *Березовец, Осса* (название происходит от устаревшего наименования древесной породы – осины), *Кудерка*; руч. *Калиновец*, *Калиновый*; род. *Дубовка 1*, *Дубовка 2, Дуброво, Дубое 1, Дубое 2*; пр. *Деревянное*, *Берёзовский*, *Дубой*; кан. *Кудерка* (кустарники вдоль проселочной дороги или у маленького пруда) [Жучкевич, 1974, с. 187].

В ходе анализа установлено, что достаточно большое количество гидронимов (12 единиц) соотносится с лексемами *дуб* (оз. *Дубовское, Дубок, Дубойское, Дубище*; род. *Дубовка 1, Дубовка 2, Дубое 1, Дубое 2*; пр. *Дубой*; кан. *Дубовский, Дубойский*; гидроузл *«Дубой»*) и *береза* (6 единиц) (руч. *Березка*, *Березовка*; кан. *Березовка*; род. *Берёзовка*; пр. *Березовский*; вохр. *Березовское*). Популярность наименований, соотносимых с названиями двух деревьев, обусловливается как географическими и климатическими условиями, так и мифологическими представлениями жителей региона. В славянском дендрарии дуб занимает особое почитаемое место, «именно к дубу относили славяне предания о “Мировом дереве”», хотя поклонялись и деревьям других пород: березе, липе и т. д. – а также целым священным рощам» [Щербаков, 2013, с. 17].

Гидронимы, соотносимые с наименованиями плодов определенных деревьев, составляют небольшую группу; в материале зафиксировано только четыре наименования: оз. *Ореховское*, оз. *Ореховня*, р. *Вишня*, р. *Вишенка*.

Достаточно частотными являются и гидронимические единицы, соотносимые с названиями лесных массивов (11): пр. *Дуброво*, *Мокрая Дубрава, Верхолесский, Верхлес, Южное Заеловье*; оз. *Боровое, Залесское*; кан. *Бор-Дубенецкий, Залесский бор*; род. *Лесок*, *Избийский бор* или их частей (14): род. *Заеленье*, *Теребежов* (вырубленные леса), *Чернаки* (заросли лиственных деревьев ольхи и ивы); кан. *Теребовичский* (вырубленные леса), *Лядо*; *Лядское озеро* (участок леса, приготовленный под пашню или луг); *пр. Лядовичи, Кокорица 1, Кокорица 2, Кокорица 3,*

Кокорица 4, Кокорица 5 (корчевье, коряги) [Жучкевич, 1974]; р. *Лесная*, *Лесная Левая*.

В нашем материале отмечено небольшое количество наименований (11 единиц), маркирующих типы растительности, произрастающей на берегах водоемов (*рогоз, камыш, мох* и др.). На белорусских болотах, где всегда очень влажно и недостаточно кислорода, растут влаголюбивые растения: *рогоз, камыш, сфагнум* (торфяной мох), *росянка: оз. Мшачэ*, пр. *Рясна*, р. *Мшанка*, род. *Рогозница 2* (от растения *рогоз*), *род. Подлозняны* (от растения *лоза*), оз. *Мох*, род. *Рогозница 1*, р. *Тростяница* (от растения *тростник*), р. *Замшанка*, кан. *Тростяницкий*, кан. *Крушин*, пр. *Задвея* (от растения *клевер*).

Вторую группу формируют 155 «растительно ориентирующих» годонимов. Типовая семантика данной группы наименований – преимущественно названия:

1) деревьев хвойных и лиственных пород (102 единицы): ул. *Берёзовая*, *Хвойная*, *Лесная*, *Ольховая*, *Сосновая*, *Каштановая*, *Еловая*, *Лавровая*, *Рябиновая*, *Тополевая*, *Ясеневая*, *Кедровая*, *Вербная*, *Черемуховая*, *Пихтовая*, *Можжевеловая*, *Кленовая*, *Камышовая*, *Грушевская*, *Калиновая*; пер. *Кленовый*, *Берёзовый*, *Вишневый*, *Яблоневый*, *Липовый*, *Сиреневый*, *Берёзовый*, *Гаевый*, *Грушевый, Дубравинский 1-й*, *Каштановый 1-й*, *Кипарисовый*, *Кленовый 1-й, Садовый*, *Стародубовский 1-й*, *Вербный 2-й*, *Рябиновый*;
2) цветочных растений (39 единиц): ул. *Барвяная*, *Шафрановая*, *Васильковая*; пер. *Цветочный*, *Васильковый*, *Ландышевый*, *Ромашковый*, *Роз*);
3) фруктов и ягод (14 единиц): пер. *Фруктовый*, *Виноградный*; ул. *Брусничная*, *Клубничная*, *Земляничная*, *Ягодная*, *Суничная*, *Виноградная*.

Наибольшее количество годонимов сформировано на базе лексем *вишня*, *каштан*, *береза*, *рябина*, *сосна*, *клен*, *василек* (16, 10, 8, 8, 7, 6, 5 единиц соответственно).

Третья группа объединяет эргонимы и прагматонимы, соотносительные с названиями единиц растительного мира. Особенностью представленной группы является не только высокий количественный показатель (158 единиц), но и семантическая насыщенность и разнообразие форм презентации.

Вербализация флористического кода в эргонимии и прагматонимии значительно представлена в названиях агроусадеб, кафе и ресторанов Брестчины, хлебобулочной продукции торговой марки ОАО «Берестейской пекарь» (г. Брест), текстильной продукции торговой марки «Блакіт» ОАО «БПХО» (г. Барановичи).

Анализ показывает, что номинации по денотативному признаку соотносятся с разными объектами флористического мира:

1) цветы: кафе «*Рамонак*», «*Пралеска*», «*Лилия*»; усадьба «*Медуница*»; грудинка «*Барвинок*»; комплект постельного белья «*Одуванчик*», «*Цветочный блюз*»; кухонное полотенце «*Сирень*», «*Пион*»; скатерть «*Лаванда*»; водка «*Verba*»; сыр «*Чайная роза*», булочка «*Василёк*»;
2) деревья: кафе «*Ива*», ресторан «*Ивушка*», усадьба «*Три дуба*», усадьба «*Калинка*», усадьба «*Подсолнух*», усадьба «*Вяз*»;
3) овощи, фрукты, ягоды: кафе «*Апельсин*», «*Бульбянка*», «*Черничка*»; усадьба «*Ягодная*», «*Орешек*»; рогалик «*Фундучок*»; комплект постельного белья «*Ежевика*», «*Черника*».

В материале зафиксированы названия, мотивирующей основой которых выступают обозначения экзотических растений, не произрастающих на территории Брестской области: ресторан «*Крокус*», кафе «*Эдельвейс*», пончик «*Кокосик*», агроусадьба «*Каталея*», комплект постельного белья «*Авокадо*», «*Ветка сакуры*».

Особенностью реализации флористического кода культуры в эргонимах является наличие флористических образов: усадьбы «*Сосновый рай*», «*Мечта в Беловежской пуще*», «*Беловежский кут*», «*Дубое над Пиной*», «*Дубравский рай*», «*Лесная мечта*», «*Лесная сказка в Беловежской пуще*», «*Мечта в Беловежской пуще*», «*Пущанский дворик*», «*Пущанский уголок*», «*Пущанский хуторок*», «*Цветочный рай*». Номинации такого типа можно отнести к прагматическим ассоциативным.

Как справедливо отмечает О. Б. Переход, достаточно часто искусственные номинации вербализуют культуремы, «образы-символы и связанные с ними стереотипные представления, характерные для той или иной национальной лингвокультуры» [Переход, 2019, с. 82].

Как и образ воды, образы определенных цветов и ягод для многих лингвокультур амбивалентны. Для японцев цветение вишни (сакуры) – это метафора жизни, в сербской лингвокультуре образ кизила предстает как «обрядовый атрибут, локус совершения ритуалов и фольклорный образ <…> символ здоровья и долголетия» [Агапкина, 2019, с. 264]. Во французской лингвокультуре роза воспринимается как символ радости, для армянской и ряда других восточных культур образ граната понимается как символ жизни, плодородия, процветания.

Культуроносными в сознании не только жителей Брестской области, но и всех белорусов являются образы василька, вереска, калины:

постельное белье «*Васильки*», булочка «*Василёк*», ткань полотенечная «*Василёк*», шале «*Василёк*», усадьба «*Васильки*» (Кобринский р-н), агроусадьба «*Василёк*» (д. Костюки), студия красоты «*Veresk. beauty*», кафе «*Вереск*», ресторан «*Вереск*», усадьба «*Верес*», магазин «*Калина*».

Этот же код активно представлен в прагматонимах Брестчины – наименованиях продуктов питания, напитков: сыры «*Беловежский трюфель*», «*Беловежский пармезан молодой*», «*Беловежский экстра*»; пиво «*Беловежское*»; мороженое «*Беловежское*», безалкогольные напитки «*Колокольчик*», «*Аромат черешни*», «*Аромат клубники*», «*Малиновый аромат*», «*Фруктовый бриз*», хлеб «*Беловежский*», мягкий творог «*Бярозка*», торт (из мороженого) «*Ореховая сказка*», вина «*Лесной этюд*», «*Лесное танго*», «*Вишневое. Шалунья*», «*Арония*», «*Белый налив*», «*Зимний шафран*» (зимний шафран – сорт яблок), «*Золотой ренет*», «*Клубничная мозаика*», «*Мадерное. Клубничный бриз*», «*Полесский сувенир. Клубничный бриз*». Данную группу отличается экстралингвистическими средствами, необходимыми для репрезентации. Так, на этикетках товаров и логотипах многих коммерческих предприятий в передаче общего смысла задействованы знаки разной модальности, образующие семиотические осложненные тексты. Ярким примером может служить логотип ОАО «Брестское пиво», который представляет собой щит с возвышающейся над ним короной. В графической части логотипа есть три визуальных образа: знак-символ «хмель» на синем поле, обозначающий одну из составляющих классического рецепта пива, заглавная буква «Б» («Брестское») на красном поле, указывающая на прямое отношение пивоварни к Бресту и Брестской области, и знак-символ «стрела», совмещенный с образом ячменного колоса.

В некоторых случаях визуальные элементы растений (листья, колосья, деревья) могут быть «вмонтированы» в вербальный компонент или, коррелируя с различными частями вербального компонента (ОАО «*Беловежские сыры*», «*Берестейский пекарь*», ОАО «*Прибужская нива*», ТМ «*Бярозка*», ТМ «*Щедрые Пружаны*»), нести дополнительную смысловую нагрузку.

Помимо простых названий, в эргонимическом пространстве широко представлены сложные наименования, образованные в результате графической трансформации посредством шрифтовой, цветовой, пространственной или пунктуационной актуализации определенного элемента. Активизация выделенной части слова, способствует формированию дополнительного смысла. Приведем ряд примеров: база отдыха «*ForRest*», ржаной хлеб «*HleBIO*», творог «*101 зерно+сливки*».

К ***четвертой группе*** относятся ивентонимы – названия массовых мероприятий и специальных событий: фестивалей, конкурсов, ярмарок, выставок, проектов, презентаций и т. п. Несмотря на то, что данные ономастические единицы относятся к периферии поля, они «выполняют функцию индивидуализации события как конкретного объекта номинации, позиционируя услугу целевой аудитории. Их отличает прагматическая направленность» [Романова, 2020, с. 224].

Постоянный поиск новых форм выражения культурных событий и их тематики значительно расширяет диапазон событийного маркетинга Брестского региона. Каждый год в коммуникативном пространстве с целью привлечения внимания и воздействия на целевую аудиторию появляются необычные массовые мероприятия: конкурс ландшафтного искусства «*Город-сад*», гастрономический конкурс «*Лепшая журавінавая страва*», конкурс «*Лучший костюм Болотного царства*», Праздник варенья в «*Беловежской пуще*».

На Брестчине фестиваль возведен в статус средства культурной политики: *международный фестиваль «Адвечная ягада журавіна»*, *фестиваль-конкурс традиционной культуры «Золото полей»* (д. Дивин), *региональный праздник «Лунінецкія клубніцы»* (аг. Дворец), *открытый фестиваль традиционных ремесел «Дрэва жыцця»* (г. Барановичи), *экофестиваль «Споровские сенокосы-2022»* (аг. Спорово), *региональный «Фестиваль клюквы»* (д. Ольманы), *фестиваль-ярмарка «Свята бульбы»* (г. Барановичи). Суггестивные компоненты, экспрессивность и стилистическая окраска, заложенные в ономастических единицах, позволяют им реализовывать определенную концепцию продвигаемого события и эффективно осуществлять рекламную функцию.

Мы разделяем мнение В. А. Масловой и М. В. Пименовой о том, что «важную роль в общественной коммуникации играют также *вегетативные символы* (ср. канадский *клен* и ливанский *кедр*, которые даже изображены на государственных флагах)» [Маслова, Пименова, 2016, с. 95].

Растительный код находит отражение и в геральдике ряда населенных пунктов Брестской области: серебряная *двойная лилия* с золотым кольцом (г. Ивацевичи), *клубника* (д. Дворец), серебряный аист в клюве с *золотой дубовой ветвью с желудями* (г. Столин), *два дубовых листа с тремя желудями* (г. Дрогичин). Самый богатый на изображения флоры и фауны Лунинецкий район поскольку практически на каждом гербе населенных пунктов района (д. Богдановка, д. Большие Чучевичи, д. Бостынь, д. Вулька 2, д. Дворец, д. Дятловичи, д. Кожан-Городок, д. Лахва, д. Редигерово, д. Синкевичи, г. Лунинец) есть

лилиеобразный цветок – *лобелия Дортмана*, которая растет на Белом озере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Флористический код культуры иллюстрирует специфику восприятия жителями региона окружающей действительности. Данный код культуры объективируется в ономастическом пространстве Брестского региона при помощи четырех тематических групп. Ономастические единицы разных разрядов не только отражают основные особенности флоры, но воплощают коллективный способ восприятия и организации регионального пространства. Изучение фрагмента ономастикона Брестчины в рамках лингвокультурологического подхода позволяет выявить особенности региональных онимов как хранителей и транслятоpов значимых для жителей региона культурных смыслов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Березович Е. Л. Географический макромир и микромир в русской народной языковой традиции // Славяноведение. 2002. № 6. С. 60–71.
2. Серебренников Б. А. [и др.]. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.
3. Мезенко А. М. Урбанонимия как язык культуры // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Сер. Филология. Соц. коммуникации. 2011. Т. 24 (63). № 2, ч. 1. С. 124–127.
4. Копач О. И. Названия болот в системе гидронимии: номинативно-ономасиологический аспект // Веснік БДУ. Серыя IV. Філалогія, журналістыка, педагогіка. № 3. С. 51–56.
5. Легенкина В. И. Топонимы в межъязыковом пространстве (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2010.
6. Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. Электрон. дан. (1 файл: 67,9 МБ). Петрозаводск: [б. и.], 2009.
7. Рабаданова Д. Н. Урбанонимы Махачкалы (историко-культурологический, структурно-семантический и сопоставительный аспекты): автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2012.
8. Киреева И. И. Структурно-семанические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «Флора»: автореф. дис. … канд. филол. наук Саратов, 2008.
9. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
10. Власова К. А. Растительный код культуры в наименованиях кондитерских изделий // Филология и культура. 2015. № 3 (41). С. 27–31.
11. Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск: Изд-во БГУ, 1974.
12. Шербаков С. А. Растительный мир как природный, историко-культурный и духовный феномен в русской поэзии: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2013.
13. Переход О. Б. Вербализация культурных кодов в прагматонимии и эргонимии Брестчины // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2019. № 2. С. 79–88.
14. Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции М.: Индрик, 2019.
15. Романова Т. П. Ивентоним как рекламно-информационный тип имени собственного // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 220–240.
16. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта, 2016.

REFERENCES

1. Berezovich, E. L. (2002). Geograficheskij makromir i mikromir v russkoj narodnoj yazykovoj tradicii = Geographical macrocosm and microcosm in the Russian folk language tradition. Slavyanovedenie, 6, 60–71. (In Russ.)
2. Serebrennikov, B. A. et al. (1988). Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira = The role of the human factor in language: Language and the worldview. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Mezenko, A. M. (2011). Urbanonimiya kak yazyk kul'tury = Urbanonymy as a cultural language. Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ser. Filologiya. Soc. Kommunikacii, 24(63), 2(1), 124–127. (In Russ.)
4. Kopach, O. I. (2003). Nazvaniya bolot v sisteme gidronimii: nominativno-onomasiologicheskij aspekt = Names of swamps in the system of hydronymy: nominative-onomasiological aspect. Vesnik BDU. Seryya IV. Filologiya, zhurnalistyka, pedagogika, 3, 51–56. (In Russ.)
5. Legenkina, V. I. (2010). Toponimy v mezh"yazykovom prostranstve (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov) = Toponyms in the interlanguage space (based on the material of English and Russian languages): abstract of PhD in Philology. Kemerovo. (In Russ.)
6. Kert, G. M. (2009). Saamskaya toponimnaya leksika = Saami toponymic vocabulary. Electronic data (1 file: 67,9 Mb). Petrozavodsk: [b. i.].

7. Rabadanova, D. N. (2012). Urbanonimy Mahachkaly (istoriko-kul'turologicheskij, strukturno-semanticheskij i sopostavitel'nyj aspekty) = Urbanonyms of Makhachkala (historical and cultural, structural, semantic and comparative aspects): abstract of PhD in Philology. Makhachkala. (In Russ.)
8. Kireeva, I. I. (2008). Strukturno-semanicheskie i pragmaticheskie harakteristiki anglijskogo lingvokul'turnogo koda «Flora» = Structural, semantic and pragmatic characteristics of the English linguistic and cultural code "Flora": abstract of PhD in Philology. Saratov. (In Russ.)
9. Krasnyh, V. V. (2003). «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? = "One's own" among "strangers": myth or reality? Moscow: Gnozis. (In Russ.)
10. Vlasova, K. A. (2015). The vegetable code of culture in the names of confectionery. Philology and Culture, 3(41), 27–31. (In Russ.)
11. Zhuchkevich, V. A. (1974). Kratkij toponimicheskij slovar' Belorussii = A short toponymic dictionary of Belarus. Minsk: Publisher BGU. (In Russ.)
12. Sherbakov, S. A. (2013). Rastitel'nyj mir kak prirodnyj, istoriko-kul'turnyj i duhovnyj fenomen v russkoj poezii = The plant world as a natural, historical, cultural and spiritual phenomenon in Russian poetry: abstract of Senior Doctoral thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
13. Perekhod, O. B. (2019). Verbalizaciya kul'turnyh kodov v pragmatonimii i ergonimii Brestchiny = Verbalization of cultural codes in pragmatonymy and ergonymy of Brest region. Vestnik Bresc. uninversiteta. Ser. 3, Filalogiya. Pedagogika. Psihalogiya, 2, 79–88. (In Russ.)
14. Agapkina, T. A. (2019). Derev'ya v slavyanskoj narodnoj tradicii = Trees in the Slavic folk tradition. Moscow: Indrik. (In Russ.)
15. Romanova, T. P. (2020). Inventonim: a specific type of advertising proper name. Problems of onomastics, 17(2), 220–240. (In Russ.)
16. Maslova, V. A., Pimenova, M. V. (2016). Kody lingvokul'tury = Codes of linguoculture. Moscow: Flinta. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильичева Инна Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент
докторант кафедры речеведения и теории коммуникации
Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilyicheva Inna Leonidovna

PhD (Philology), Associate Professor
Postdoctoral Fellow, Department of Speech Studies and Communication Theory
Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	28.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.133.1

Специфика авторского повествования в старофранцузской «Хронике Ротелина» («Manuscript de Rothelin») XIII века

А. О. Манухина

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия
amanuhina@mail.ru

Аннотация. В статье на материале анонимной старофранцузской хроники XIII века, дошедшей до нас под названием «Manuscript de Rothelin», рассматривается специфика описания исторических лиц (крестоносцев и сарацин), событий (завоевание Иерусалима) и объектов окружающей действительности, исследуется особенность презентации *Я* автора и способы его вербализации. Автор описывает структуры, позволяющие расценивать хронику как самостоятельное авторское произведение, созданное на основе устоявшихся стереотипов эпохи Крестовых походов.

Ключевые слова: категория «автор», специфика описания, нравственные стереотипы рыцарства, старофранцузский язык, оценочные конструкции

Для цитирования: Манухина А. О. Специфика авторского повествования в старофранцузской «Хронике Ротелина» («Manuscript de Rothelin») XIII века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (820). С. 46–51.

Original article

Specifics of the Author's Narrative in the Old French "Chronicle of Rothelin" ("Manuscript de Rothelin") of the 13th Century

Alla O. Manuhina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
amanuhina@mail.ru

Abstract. The article, based on the material of an anonymous old French chronicle of the 13th century, preserved under the name *Manuscript de Rothelin*, examines the specifics of the description of historical figures (Crusaders and Saracens), events (the conquest of Jerusalem) and objects of the surrounding reality, explores the peculiarity of the presentation of the author's "I" and the ways of its verbalization. The purpose of the article is to identify and describe the structures that make it possible to regard the chronicle as an independent author's work created based on established stereotypes of the era of the Crusades.

Keywords: the category "author", specifics of the description, moral stereotypes of chivalry, Old French, evaluative constructions

For citation: Manuhina, A. O. (2024). Specifics of the author's narrative in the old French "Chronicle of Rothelin" ("Manuscript de Rothelin") of the 13th century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882). 46–51.

ВВЕДЕНИЕ

Крестовые походы, продолжавшиеся около двухсот лет (с конца XI по XIII в.), запечатлены в корпусе историографических сочинений. Среди них отдельно стоит «Хроника Ротелина», которая описывает отдельные эпизоды Шестого и Седьмого крестовых походов. В нашей статье «Хроника Ротелина» («Manuscript de Rothelin») впервые привлекается как материал лингвистического анализа. Сохранившийся манускрипт на старофранцузском языке оказался в тени более известных произведений той эпохи, таких как латинская «Historia belli sacri» Гийома Тирского (1130–1186) и труды его продолжателей (например, старофранцузская «Хроника» Эрнуля и Бернарда Казначея), и представляется малоизученным анонимным письменным памятником.

«Manuscript de Rothelin» относится к так называемым западноевропейским источникам по истории Крестовых походов (redaction occidentale). В статье использовано факсимильное издание хроники[1] на основании манускрипта 8 404 из Французской национальной библиотеки[2].

Исконное название манускрипта утрачено. Дошедшие до нас названия «Manuscript de Rothelin» или «La Continuation de Rothelin de Guillaume de Tyr» были ему присвоены в честь аббата Карла Орлеанского де Ротелин (1691–1744) – французского ученого и коллекционера XVIII века, который первым исследовал и опубликовал эту рукопись.

Сочинение состоит из 82 глав и отхватывает период с 1229 года по 1261 год. Считается, что «Manuscript de Rothelin» не является самостоятельным произведением, а представляет собой (как это можно видеть из второго его названия) вольный перевод «Historia rerum in partibus transmarinis gestarum» Гийома Тирского с латинского на старофранцузский, с более поздними интерполяциями. Нет точных данных о том, кем, когда именно и при каких обстоятельствах была создана хроника. Высказываются предположения, что она была написана в Иль-де-Франс французским рыцарем в середине XIII века, очевидно, между 1261 и 1269 годами[3]. В то же время есть мнение, что это не авторское произведение, а компиляция из нескольких более ранних, не дошедших до нас анонимных рукописей.

Поскольку категория «автор» вызывает наибольшее количество вопросов, рассмотрим подробнее, каким образом вербализовано авторское *Я* в тексте повествования:

[1] Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux (1859). Paris: Imprimerie royale.

[2] URL: www.gallica.bnf.fr

[3] Recueil des historiens des croisades. Paris, 1859.

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ «Я» АВТОРА

При анализе текста нами выявлены следующие способы реализации категории «автор»:

– повествование от третьего лица:

Et par quoi cil qui ceste estoire liront et *celui ecrit*, porront anques savoir que il dist assez des choses qui avindrent au tenz Salehadin et devant lui, et apres (assez en i a qui ne sont mie encores avenues)[4].	И потому те, кто эту историю прочитает, и тот, кто ее пишет, смогут однажды узнать, что он рассказал достаточно о том, что произойдет во времена Саладина и до него, и после (и достаточно было того, что еще не произошло)[5].

Авторское *Я* представлено формулой *celui ecrit ceste estoire* (*букв.* 'тот, кто пишет эту историю'), т. е. эксплицитно не выражено. Такой способ вести повествование типичен для Средневековья: анонимность была присуща сочинениям различных жанров. Авторское *Я* представлено условно и не несет в себе конкретных биографических данных: «это *я* чисто "грамматическое", оно универсализировано и лишено временной определенности; это, скорее роль, нежели уникальный субъект» [Zumthor, 1975, с. 95].

В то же время рассказчик реализован как индивидуальный субъект повествования и оценки. Очевидно, хроника была создана позднее описываемых событий, и автор – субъект повествования, использует прием «забегания вперед», упоминая о предстоящих событиях, о которых знает только он, тем самым интригуя читателя. Положительная рациональная авторская самооценка вербализована выражением *il dist assez des choses qui avindrent* (*он рассказал достаточно о том, что произойдет*), т. е. сам создатель удовлетворен своим произведением;

– употребление местоимения *nous*:

Or *vous avons dist* coumant la Sainte cite de Jherusalem seoit… apres vous *dirons* del pelerinnaiges coumant li pelerin i aloient.	Итак, мы вам рассказали, каким был святой град Иерусалим, и затем мы вам расскажем о паломничествах, каким образом туда шли паломники.
Et pour ce que li plus des bonz Cretienz parollent et oient volantierz parlier de la sainte cite de Jherusalem et des Sainz Leuz ou nostre Sires fu morz et viz, *nous dironz* coumant ele seoit au jour que li Sarazin et Salehadinz la conquistrent suer les Cretienz.	И поскольку самые хорошие христиане говорят и хотят послушать о святом граде Иерусалиме и о святых местах, где наш Господь жил и умер, мы расскажем, каким он (Иерусалим) был в день, когда сарацины и Салладин его отвоевали у христиан.

[4] Зд. и далее приводятся примеры из хроники «Recueil des historiens des croisades» (1859).

[5] Зд. и далее перевод наш. – *А. М.*

Употребление местоимения *nous* присутствует и в других историографических трудах Средневековья. Но в данном случае *nous* – не эпическое «мы» рассказчика, а средство вербализации анонимного автора как индивидуального субъекта повествования и оценки. Так, автор снова использует «забегание вперед» (*nous dironz coumant ele seoit au jour que li Sarazin et Salehadinz la conquistrent suer les Cretienz*), привлекая внимание адресата хроники. Автор также дает положительную оценку своим потенциальным читателям, называя их *li plus des bonz Cretienz* (*самые хорошие христиане*).

В тексте хроники присутствует и непосредственное обращение рассказчика к читателю:

Cil cui il desplera porront tres passer cest leu.	Те, кому это не понравится, могут пропустить это место.

Данный фрагмент можно также считать способом обозначения авторского присутствия.

– – употребление местоимения *je*:

Or je vous dirai des autres .ii. portez dont l'une estoit en droit l'autre.	Итак, я вам расскажу о других двух воротах, из которых одни были направо от других.

С одной стороны – употребление местоимения *je* свидетельствует о непосредственном вмешательстве автора в ход повествования и его реакции на излагаемые факты. Но в то же время, как отмечают исследователи, индивидуализированный автор не был свойственен средневековым произведениям: «даже в тех случаях, когда в поэме встречается *Я*, создается лишь иллюзия общения с его индивидуальностью» [Гуревич, 2005, с. 102].

Действительно, на основе анализа хроники не представляется возможным почерпнуть какую-либо конкретную информацию касательно личности автора: его имени, возраста или социального статуса. Однако касательно его принадлежности к определенной социальной группе можно предположить, что он являлся рыцарем или клириком (о чем косвенно свидетельствует его знания Библии и событий, происходивших на Святой Земле). Автор присутствует в тексте как индивидуальный субъект повествования и оценки и излагает события так, как если бы он был их непосредственным участником либо писал со слов современников, рыцарей-крестоносцев; возможно также, что для уточнения некоторых деталей он пользовался письменными источниками о Крестовых походах, но перерабатывал и дополнял их.

СПЕЦИФИКА ОПИСАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ

Жанр хроники, уже сложившийся к XIII веку особый тип средневековой прозы, требовал от своего создателя соблюдения определенных канонов. Именно поэтому в *Manuscript de Rothelin* центральное место занимает характеристика реальных исторических лиц: рыцарей-крестоносцев (названных в тексте *li Cretien*) и их врагов-сарацин (*li Sarazin*).

В соответствии с устоявшимися стереотипами автор воспевает подвиги крестоносцев:

Li Cretien se deffaudirent moult tres bien, et en occistrent bien plus .v.c. et n'i ot que .i. Crestien mort; cil fu Engloiz.	Христиане защищались очень хорошо, и убили более пятисот (сарацин) и только один христианин умер; и это был англичанин.

Автор выражает свое личное отношение к поведению рыцарей в бою оценочной конструкцией *moult tres bien* (*букв*. 'очень сильно хорошо') при глаголе *se deffaudir* (*букв*. 'защищаться') [Godefroy, 1889, с. 592]. Избыточность выражения, недопустимая в современном французском языке, часто встречалась в старофранцузском [Greimas, 1969], и здесь ее можно расценивать как стилистическую фигуру плеоназм – средство авторской положительной оценочной характеристики героям повествования.

Оценка крестоносцам также представлена опосредованно – через описание чудесного события, последовавшего за гибелью рыцарей:

Il avoit entre Cretienz et Sarazins une bataille entre cel charnier et Jherusalem ou il avoit moult de Cretiens occis et que li Sarazins les devoient lendemain tres toz fere ardoir pour la puour. Tant que il avint que .i. lionz vint par nuit, si les porta tous en cele fosse, et pour ce l'apeloit l'en le Charnier au Lion.	Была между Христианами и Сарацинами битва между этим погостом и Иерусалимом, где было убито много христиан, и Сарацины должны были на следующее утро очень рано их сжечь для устранения. И случилось так, что лев пришел ночью, и отнес их всех в этот ров, и потому его называли «Погост Льва».

То, что преподносится в тексте произведения как «чудо» (*mirabilia* – достойное удивления) [Ле Гофф, 2012, с. 5], должно было убедить читателя в праведности рыцарей перед лицом Бога, и косвенно свидетельствовать о справедливости «войны против неверных».

Рыцарям противопоставлены враги-сарацины:

Li Sarazin avoient abatues toutes les forteresces de la cité et alerent en Jherusalem en une matinée pour occirre les Crestiens qui dedenz estoient.	Сарацины завоевали все крепости города и пошли на Иерусалим однажды утром, чтобы убить христиан, которые были внутри.
Mes sachiez bien de voir que li Cretienz pelerin qui vouloient aler au Sepulcre, que li Sarrazin avoient grant louirz d'elx: li Sarrazin les prisoient bien chascuns an a .xxx.m. besanz.	И знайте же, что христиане-паломники хотели пойти к Гробу Господнему, и что сарацины брали с них большую плату: сарацины с них брали каждый год тридцать тысяч безантов.

Для привлечения особого внимания к излагаемым событиям автор снова непосредственно обращается к адресату хроники: *Mes sachiez bien de voir*. Однако в изучаемых отрывках авторская позиция выражена имплицитно – посредством выражений *alerent en Jherusalem occirre les Crestiens* (*пошли на Иерусалим убить христиан*), *li Sarrazin avoient grant louirz d'elx* (*сарацины брали с них большую плату*) и *li Sarrazin les prisoient bien chascuns an a .xxx.m. besanz* (*сарацины с них брали каждый год тридцать тысяч безантов*). Здесь отсутствует лексика с отрицательно коннотацией, но описание фактов, свидетельствующих о кровожадности и алчности сарацин преследовало конкретную прагматическую цель: создание «образа врага на религиозной почве» [Волкова, 1984, с. 235], типичного для произведений эпохи Крестовых походов.

Особое место в повествовании отведено факту предательства «своих»: бегству союзника – короля Фридриха II:

En grant peril lessa Fredric les Crestienz en la Sainte Terre de Jherusalem car ele estoit toute desclose senz fermeté.	Оставил Фридрих в большой опасности христиан в Святой Земле Иерусалимской, и поэтому она была совершенно открыта и без защиты.

Отрицательная оценка предателю вербализована выражениями *en grant peril lessa* (*оставил в большой опасности*) и (*lessa*) *desclose senz fermeté* (*оставил открытым без защиты*).

Для благородного сеньора верность долгу, общему делу и данному слову считались важнейшими из добродетелей. Предательство в рыцарской среде и в целом в христианской культуре считалось тяжелейшим грехом. Оставив Иерусалим без обороны, король опозорил себя как предводитель и христианин.

На основании анализа фрагментов хроники выстраивается четкая оппозиция «рыцари-христиане» – «сарацины» – антигерои и предатели. Автор не оригинален в описании персонажей: такая антитеза «свой–чужой» соответствует классической схеме, сложившейся еще в ранней средневековой культуре [Михайлов, 1995] и получившей новое звучание в эпоху Крестовых походов.

ОПИСАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ОКРУЖАЮЩЕЙ ПЕРСОНАЖИ

Особая значимость исследуемого письменного памятника состоит в том, что анонимный автор изображает либо увиденное им непосредственно, либо записанное со слов крестоносцев – участников похода, поэтому, изучая механизм описания предметов и явлений, мы можем взглянуть глазами рыцаря-современника на реалии XIII века.

Центральное место в описании окружающего мира занимает Иерусалим как главная цель Крестового похода:

Jherusalem est citez la plus glorieuse et la plus principal del monde.	Иерусалим – самый славный и самый главный город в мире.

Такое восприятие Иерусалима типично для свидетельств эпохи Крестовых походов. В сознании рыцаря Иерусалим был в первую очередь святым градом, местом Страстей Господних, казни и Воскресения Христа. При описании Иерусалима рассказчик употребляет суперлативы *la plus glorieuse* и *la plus principal*, тем самым рисуя некий идеализированный символ, центр духовной культуры христианина.

Наряду с оценочными суждениями, выражающими этическую оценку, в тексте запечатлены детали из жизни Иерусалима как конкретного, «земного» средневекового города:

En cele rue cuisinoit l'en les viands as pelerinz que l'en leur vendoit … avoit une rue que l'en apeloit la rue Couverte, la ou l'en vendoit la draperie.	На этой улице готовили мясо для паломников, которое им продавали, и была одна улица, которую называли Крытая улица, там, где продавали сукно.
La en droit vendoit l'en toutes les herbes et tous les fruiz de la ville et toutes les espices.	Там направо продавали разные травы и разные фрукты из города и разные специи.

Судя по точности и реалистичности характеристик, описание Иерусалима составлено или рассказчиком-очевидцем, или записано со слов рыцаря-участника Крестового похода.

Однако среди мелких бытовых подробностей жизни города встречается упоминание о тамплиерах (*li frere del Temple – братьях храмовниках*) и их храме:

A main destre de ces portes estoit li Temples Salemon la ou li frere del Temple manoient.	По правую руку от этих ворот был Храм Соломона, там, где находились братья храмовники.

Автор имплицитно делает акцент на тех местах, которые так или иначе связаны с завоеванием Иерусалима крестоносцами и их главной целью – остаться в Иерусалиме, чтобы освободить Святую Землю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение особенностей авторского повествования в анонимной старофранцузской хронике «Manuscript de Rothelin» позволяет сделать следующие выводы:

- авторское присутствие формально не выражено (отсутствуют какие-либо упоминания о биографии автора и даже его имени), рассказчик в повествовании обозначен местоимениями *nous* и *je*, в ряде случаев рассказ ведется от третьего лица (*celui ecrit ceste estoire*). Однако не остается сомнений, что произведение принадлежит перу одного автора, который дает личную оценку современным ему людям и событиям, несмотря на стремление замаскировать свое *Я*;
- при описании действующих лиц сочинения можно четко проследить оппозицию «свой–чужой», заключающуюся в противопоставлении рыцарей-крестоносцев (*li Cretien*) и их врагов-сарацин (*li Sarazin*);
- изображение Иерусалима как главного объекта действительности, в которой пребывали крестоносцы, сочетает в себе, с одной стороны, восхваление идеального Святого Града, с другой – описание реального города эпохи, в которое автор «вкрапляет» упоминание о тамплиерах.

Таким образом, «Manuscript de Rothelin» написан в полном соответствии со сложившимися к XIII веку канонами западноевропейской историографии. В произведении автор сознательно избегает индивидуализации и оригинальности; наоборот, в хронике присутствуют все составляющие, обязательные для такого типа произведения. Именно поэтому документ является своего рода «зеркалом эпохи», ценнейшим языковым и культурным материалом, содержащим информацию о механизме типичного оценочного восприятии действительности человеком XIII века, и каждый из рассмотренных в статье аспектов может стать основой для дальнейшего отдельного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Zumthor P. Langue, texte, énigme. 1 vol. Paris: Éditions du Seuil, 1975.
2. Гуревич А. Я. Индивид и социум в средневековом Западе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.
3. Godefroy Frederic. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889.
4. Greimas A. J. Dictionnaire de l'ancien français (jusqu'au milieu du XIV-ème sciècle). Paris: Larousse, 1969.
5. Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков. М.: Текст, 2012.
6. Волкова З. Н. Эпос Франции (история и язык эпических сказаний). М.: Наука, 1984.
7. Михайлов А. Д. Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. М.: Наследие, 1995.

REFERENCES

1. Zumthor, P. (1975). Langue, texte, énigme. Paris: Éditions du Seuil.
2. Gurevich A. Ya. (2005). Individ i socium v srednevekovom Zapade = The individual and society in the medieval West. Moscow: Publishing house "Political Encyclopedia" (ROSSPEN). (In Russ.)
3. Godefroy, Frederic. (1889). Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon.

4. Greimas, A. J. (1969). Dictionnaire de l'ancien français (jusqu'au milieu du XIV-ème sciècle). Paris: Larousse.
5. Le Goff, Zh. (2012). Geroi i chudesa Srednih vekov = Heroes and Wonders of the Middle Ages. Moscow: Tekst. (In Russ.)
6. Volkova, Z. N. (1984). Epos Francii (istoriya i yazyk epicheskih skazanij) = The Epic of France (history and language of epic tales). Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Mihajlov, A. D. (1995). Francuzskij geroicheskij epos. Voprosy poetiki i stilistiki = French heroic epic. Issues of poetics and stylistics. Moscow: Nasledie. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манухина Алла Олеговна
кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Manuhina Alla Olegovna
PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Department of Phonetics and Grammar of the French language
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	27.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.111'01

О фразеологическом статусе древнеанглийского сверхсловного кеннинга (на примере словосочетания *yða ʒewealc*)

С. В. Мухин

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, Москва, Россия, s.muhin@inno.mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность установления фразеологической связанности лексических компонентов кеннингов в древнеанглийском языке. Исследование ставит целью выработать процедуру комплексного описания древнеанглийских формульных словосочетаний (кеннингов), исходя из гипотезы о связанности их компонентов. В качестве примера такой единицы анализируется субстантивное словосочетание *yða ʒewealc* (*волн перекат*). Примеры употребления словосочетания отобраны из восьми произведений в памятниках письменности древнеанглийского языка. Исследование может представлять интерес для специалистов в области англистики, фразеологии и истории английского языка.

Ключевые слова: кеннинг, формульное словосочетание, фразеология, древнеанглийский язык, семантика, структура, стиль

Для цитирования: Мухин С. В. О фразеологическом статусе древнеанглийского сверхсловного кеннинга (на примере словосочетания *yða ʒewealc*) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 52–59.

Original article

On the Phraseological Status of Old English Collocational Kennings (examplified by the word-combination *yða ʒewealc*)

Sergey V. Mukhin

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Foreign Ministry of Russia, Moscow, Russia s.muhin@inno.mgimo.ru

Abstract. The article considers the probability of recognizing the phraseological status of Old English kennings. The study intends to work out a procedure of complex description of Old English formulaic phrases (kennings), proceeding from the assumption of their phraseological status. As an example, the word-combination *yða ʒewealc* is subjected to analysis. The contexts are taken from eight pieces of literature in Old English manuscripts. The research may be of interest to specialists in anglistics, phraseology and history of English.

Keywords: kenning, formulaic phrase, phraseology, Old English, semantics, structure, style.

For citation: Mukhin, S. V. (2024). On the phraseological status of Old English collocational kennings (examplified by the word-combination *yða ʒewealc*). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 53–59.

ВВЕДЕНИЕ

Фразеологическая система дреанеанглийского языка до сих пор не получила исчерпывающего описания, несмотря на то, что «к древнему периоду в английском языке сложился определенный и достаточно большой фразеологический фонд» [Дьякова, 2006, с. 27]. В рамках современного широкого подхода к фразеологии представляется уместным поднять вопрос о фразеологическом статусе эпических формул, в том числе кеннингов, которые обычно понимаются как «двучленные заменители существительного обычной речи» [Стеблин-Каменский, 2021]. Согласно распространенной трактовке, формула – это «варьируемое словосочетание или сложное слово, обладающее ритмико-синтаксическим и смысловым единством, которое используется для развития какой-либо эпической темы или мотива» [Гвоздецкая, 2016, с. 169]. Сказители в соответствии с требованиями ритмики аллитерационного стиха были вынуждены подыскивать и создавать аллитерирующие синонимы, основанные на метафоре. В рамках такой интерпретации эпические формулы не подпадают под определение фразеологизма как семантически связанного сочетания слов, которое, в отличие от сходных синтаксических структур, не производится «в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания»[1]. Однако, следуя этому подходу, придется признать, что, поскольку выбор слов и словосочетаний в любом стихе всегда обусловлен структурой последнего, появление фразеологизмов в поэзии невозможно в принципе. Очевидно, такой вывод слабо выдерживает критику.

Не оспаривая традиционную точку зрения на эпические формулы как явление речи, представляется возможным рассмотреть альтернативу, в рамках которой у формульных фраз, включая кеннинги, вероятно признание фразеологического статуса. В качестве примера выбрано субстантивное словосочетание *yða ʒewealc* (*волн перекат*). Нами используются следующие методы: описательный, компликативный, метод сплошной выборки, анализ словарных дефиниций, фразеологическая идентификация, морфемный анализ, семантико-синтаксический анализ, дистрибутивный анализ, метод моделирования функционально-семантических полей, стилистический текстовый анализ, компонентный анализ, контекстуальный анализ, валентностный анализ, статистические методы и др.

Комплексное описание кеннинга видится как процедура, включающая ряд аспектов. В настоящем исследовании дается поэтапное описание следующих характеристик рассматриваемого словосочетания:

1) зафиксированное употребление;
2) фразеологичекие маркеры;
3) структура;
4) семантика;
5) системные отношения;
6) стилистические характеристики.

ЗАФИКСИРОВАННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

Вследствие ограниченного объема сохранившихся текстов представляется осуществимой фиксация всех случаев употребления конкретных единиц. Всего отмечено 12 случаев употребления словосочетания *yða ʒewealc* и его предполагаемых форм в следующих произведениях: «Морестранник» (М) и «Плач жены» (ПЖ)[2], «Беовульф» (Б)[3], «Смерть короля Эдгара» (Э)[4], «Исход» (И)[5], «Андрей» (А)[6], «Аполлоний Тирский» (АТ)[7], «Парижская Псалтирь» (ПП)[8]. Ниже по ним приводятся краткие сведения:

- элегические поэмы «Морестранник» (*The Seafarer*) и «Плач жены» (*Wife's Lament*) из эксетерской книги конца X века (*Exeter Cathedral Library MS 3501*, также известная как *Codex Exoniensis*);
- поэтический эпос «Беовульф» (*Beowulf*) предположительно VIII века в составе рукописи *Cotton MS Vitellius A XV*, также известной как *Nowell Codex*;
- поэма «Смерть короля Эдгара» (*The Death of King Edgar*) в составе записи за 975 год трех версий Англо-саксонской хроники конца IX века (хроника Паркера – *Parker Library, Corpus Christi College MS 173*; первая Абингдонская хроника – *Cotton Tiberius A. vi*; вторая Абингдонская хроника – *Cotton Tiberius C. i*);
- «Исход» (*Exodus*) IX века Стихотворное переложение одноименной книги из Ветхого Завета в рукописи *Oxford, Bodleian Library, MS Junius 11*, также известной как *Junius Manuscript*;

[1] Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 559.

[2] Thorpe B. Codex Exoniensis. A Collection of Anglo-Saxon Poetry, from a Manuscript in the Library of the Dean and Chapter of Exeter. London, 1842.

[3] Beowulf. URL: https://heorot.dk/beowulf-rede-text.html (accessed: 16.08.2022).

[4] URL: https://heorot.dk/beowulf-rede-text.html (accessed: 16.08.2022).

[5] Exodus. URL: https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a01_02.htm (accessed: 6.08.2022).

[6] Andreas. URL: https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a02_01.htm (accessed: 07.08.2022).

[7] Apollonius of Tyre. URL: http://genderi.org/apollonius-of-tyre.html?page=3 (accessed: 10.08.2022).

[8] Paris Psalter. The Old English Version of the Heptateuch, Ælfric's Treatise on the Old and New Testament and his Preface to Genesis. Crawford S. J., Blitt B. (eds.). London, Oxford University Press, 1922.

– поэма «Андрей» (*Andreas*) в составе книги Верчелли в рукописи *Biblioteca Capitolare di Vercelli, MS CXVII* конца X века, также известной как *Codex Vercellensis*;
– прозаический текст XI века «Аполлоний Тирский» (*Apollonius of Tyre*) в рукописи *Cambridge, Corpus Christi College, Parker Library MS 201*;
– псалом 118 в «Парижской Псалтири» (*Paris Psalter*) конца X века (*Paris, Bibliothèque Nationale de France, MS Lat. 8846*).

На аллитерационные стихи приходятся 11 из 12 случаев употребления. Из общего ряда выделяется нетипичное для древнеанглийского периода произведение «Аполлоний Тирский». Этот редкий образец светской прозы считается первым романом в истории английской литературы [May, 2019]. Три случая употребления отмечены в переводных текстах, а девять относятся к текстам, изначально созданным на древнеанглийском языке. Максимальное количество употреблений (по три) отмечается в «Беовульфе» и «Мореплавателе». Персонализированного подтвержденного авторства ни один из перечисленных текстов не имеет.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ

С помощью метода фразеологической идентификации словосочетания анализируются на предмет наличия фразеологической устойчивости [Кунин, 1996]. Устойчивость ФЕ имеет такие характерные проявления, как:

1) раздельнооформленность;
2) переосмысление значения;
3) единство синтаксической функции;
4) структурные константы;
5) регулярность употребления.

Рассмотрим последовательно перечисленные маркеры фразеологической устойчивости на примере словосочетания *yða ȝewealc*.

В письменном тексте явным признаком раздельнооформленности выступает раздельное написание, однако орфографический критерий не является достаточно надежным. Более четким следует признать морфологический критерий, позволяющий разграничить лексические композиты и словосочетания на основании формальных признаков.

Раздельнооформленность изучаемого словосочетания демонстрируется при сравнении следующих контекстов:

> …of flanbogan feores ȝetwæfde *yðȝewinnes* þæt him on aldre stod (Б, с. 1434). – …стрелой поразил *среди волн* прямо в сердце[1].

> …selfa ne dorste under *yða ȝewin*[2] aldre ȝeneþan (Б, с. 1468). – …сам не отважился *в пучине волн* собой рискнуть.

Словоформа *yðȝewinnes* представляет собой падежный вариант композита *yðȝewinn* (*море*, *букв.* ‘сражение волн’), на что указывает отсутствие генитивного морфологического оформления основы *yð-*. Форма *yða* имеет полноценное морфологическое оформление в виде форманта генитива множественного числа *-a*, соответственно это раздельнооформленное словосочетание.

Переосмысление значения – еще один маркер фразеологизации. В качестве кеннинга словосочетание эквивалентно слову со значением «море». Особенно это характерно в функции локативного обстоятельства, например:

> …þanon he ȝesohte Suð-Dena folc *ofer yða ȝewealc* (Б, с. 463). – …оттуда отправился *за море* к южным данам.

Герой отправляется за море, названное с помощью перифрастического словосочетания. Для ведущего компонента *yð* характерен метонимический перенос значения – название целого (*море*) заменено названием его части (*волна*). Второй компонент, какой бы лексемой он ни был выражен в различных вариантах, также демонстрирует перенос значения, в данном случае метафорический: движение волн называется натиском, игрой, сутолокой и т. п. Единство синтаксической функции заключается в том, что фразеологизм в целом всегда является одним членом предложения. Словосочетание *yða ȝewealc* всегда ведет себя как единое синтаксическое целое, являясь либо подлежащим, либо прямым дополнением, либо обстоятельством места.

Другой маркер фразеологической устойчивости – структурная константность, которая проявляется в наличии определенных констант – постоянных характеристик, реализуемых в любом контексте. У форм рассматриваемого словосочетания можно отметить следующие константы:

1) неподменяемый компонент в виде лексемы *yð*[3] как смысловой и структурный стержень;
2) оформление генитива множественного числа у данного компонента;
3) именное управление как вид связи между компонентами;
4) средний род второго[4] компонента;

[1] Зд. и далее перевод наш. – *С. М.*

[2] Словосочетание ***yða ȝewin*** трактуется как вариант рассматриваемого словосочетания (см. ниже о вариативности).

[3] Допускается сложное существительное ***sealtyð (соленая волна)*** с тем же компонентом.

[4] В варианте ***þæt ȝewealc þara yða*** порядок компонентов обратный.

5) вытекающая из предыдущего пункта омонимичность форм номинатива и у второго компонента, т. е. неизменяемость последнего независимо от требований предложного управления и синтаксической функции;
6) второй компонент обязательно является дериватом с приставкой *ʒe-*.

Словосочетания, у которых отсутствует хотя бы одна из перечисленных констант, не могут являться аллофразой рассматриваемой единицы. Так, кеннинг *yða ful*[1] (*море*, *букв.* ‘чаша волн’) имеет то же значение, что *yða ʒewealc*, и обнаруживает ряд совпадений с константными характеристиками последнего. Однако константа 6 у словосочетания *yða ful* не соблюдается, поэтому его нельзя признать формой единицы *yða ʒewealc*, при условии фразеологического статуса последней. Кроме того, в основе выражения *yða ful* лежит иной, статический, образ, обусловленный семантикой существительного *ful* (*чаша*).

Регулярность употребления – важнейший маркер фразеологического статуса словосочетания, демонстрирующий градацию. Словосочетание может быть использовано:

1) единственный раз в одном тексте;
2) два и более раз в одном тексте;
3) два и более раз в различных текстах.

В первом случае фразеологический статус практически не верифицируется за отсутствием достаточных данных, во втором – словосочетание потенциально может являться фразеологизмом, в третьем – вероятность фразеологического статуса наиболее высока. Зафиксированное употребление кеннинга *yða ʒewealc* относится к третьему случаю.

СТРУКТУРА

При описании структуры ФЕ важно установить точные границы структурного инварианта. Рассмотрим все структурные варианты словосочетания *yða ʒewealc*.

Кеннинг *yða ʒewealc* является двухвершинной субстантивной единицей, построенной по структурной модели N^{Gen} + N. Первый компонент – существительное *yð* (*волна*) женского рода с основой на *-i-*. Лексема *yð*, очевидно, может быть отнесена к ядру древнеанглийского лексикона, поскольку она обнаруживается в родственных древнегерманских языках[2]. Несмотря на то что компонент *yð* является управляемой формой, его неизменяемость и неподменяемость позволяет рассматривать его как грамматический и семантический стержень потенциального фразеологизма.

Второй компонент в зависимости от аллитерации представлен отглагольными существительными: *ʒewealc* (*качение, натиск*), *ʒelac* (*движение, сумятоха, игра*), *ʒewin* (*вражда, стычка, борьба*), *ʒeswinʒ* (*вибрация, сотрясение*). Грамматическая форма данного компонента неизменяема, поскольку употребление субстантивного словосочетания возможно в трех синтаксических функциях: подлежащего, прямого дополнения и обстоятельства, выраженного предложным оборотом. При таком наборе функций возможны только два падежа – номинатив и аккузатив[3] с омонимичными формами у существительных среднего рода, которыми являются все четыре лексемы. Ниже даны примеры употребления словосочетания во всех трех синтаксических функциях.

> …onʒen ʒenap atol *yða ʒewealc*, ne ðær æniʒ becwom (И, с. 456). – …темнеют *морские бурливые зыби*, оттуда никто не вернулся.

> …ic hean streamas, *sealtyþa ʒelac* sylf cunniʒe (М, с. 35). – …я бурные потоки, *соленых волн теснение* узнал бы сам.

> Hwanon eaʒorstream *ofer yða ʒewealc* eowic brohte? (А, с. 258). – Откуда океан принес вас, *чрез волн смешение* морских?

> Eaʒan mine ʒesawon, hu *yða ʒelaac*, wiðʒanʒ wætera (ПП, с. 118:138). – Из глаз моих текут *потоки вод*.

Вариативность предполагаемой ФЕ обеспечивается противопоставлением форм по следующим признакам:

1) орфография: ***yð****a ʒewealc* и *y****þ****a ʒewealc*;
2) огласовка компонентов: *yða ʒew****ea****lc* и *yða ʒew****a****lc*;
3) компонентный состав: *yþa ʒewealc* и *sealtyþa ʒelac,* а также *yða ʒewin* и *yða ʒeswinʒ* и т. п.;
4) порядок слов и категория определенности / неопределенности: *þæt ʒewealc þara yða* и *yða ʒewealc*.

Аллофраза *þæt ʒewealc þara yða* в «Аполлонии Тирском» демонстрирует отхождение от стандартной модели. Помимо изменения порядка слов в состав словосочетания вводится артиклеобразный демонстратив в виде указательного местоимения *þæt /*

[1] В «Беовульфе»: *eorclanstanas ofer* ***yða ful*** (Б, с. 1208) – *загадочный камень над* ***чашей волн***.

[2] На данное обстоятельство, в частности, указывает фонемный состав существительного *yð*, которое демонстрирует элизию этимологического *-n-* вследствие ингвеонского выпадения носовых. Ср.: *unnr* в древненорвежском и *undea* в древневерхненемецком из протогерманской формы **unþi* [Croonen, 2013].

[3] Все предлоги, используемые при кеннинге *yða ʒewealc* в обстоятельственной функции, осуществляют аккузативное управление [Сравнительная грамматика, 1966].

seo, однако сопоставление данной формы словосочетания с другими, упомянутыми выше, показывает единство их семантики и компонентного состава. Употребление рассматриваемого словосочетания в прозе – веский аргумент в пользу его фразеологического статуса. Словосочетание, традиционно считающееся поэтическим кеннингом, могло употребляться и в других функциональных стилях.

На основании анализа фразеологических маркеров и общности семантики всех контекстуальных форм представляется возможным признать аллофразами единой ФЕ следующие формы: *yða ʒewealc*, *yþa ʒewealc*, *yða ʒewalc*, *sealtyþa ʒelac*, *yða ʒewin*, *yða ʒewinn*, *yða ʒeswinʒ*, *þæt ʒewealc þara yða*. Первая форма из приведенного списка используется нами для обозначения инварианта предполагаемой фраземы.

СЕМАНТИКА

Основным значением рассматриваемого кеннинга является «море». Следует отметить метонимический перенос – значение компонента *yð* (*волна*) составляет часть от целого понятия «море». Тесная ассоциация двух значений в древнеанглийском языке была устоявшейся. По разновидности фразеологического значения словосочетание *yða ʒewealc* можно отнести к идиомам с переосмысленным значением. Переосмысленность достигается за счет второго компонента. При этом акцент делается на подвижности морской стихии [Воробьева, 2018] при помощи лексем движения и активного действия, образованных от глаголов: *wealcian* (*катиться, надвигатся*), *lacan* (*качаться, колебаться, играть*), *winnan* (*враждовать, воевать, состязаться*), *ʒeswinʒan* (*бить кнутом, пороть*). Примечательна вариативность образа, достигаемая с помощью сем движения и угрозы. Эти семы обеспечиваются вторым компонентом, демонстрирующим метафоризацию смысла, какой бы лексемой этот компонент ни был выражен.

Значение существительного *ʒewealc* определяется как *a rolling*, *motion*, *an attack*; *volutatio, impetus*[1] [Bosworth, 1964], т. е. образ моря предстает как нечто надвигающееся, угрожающее – волны рядами идут на штурм. Для существительного *ʒelac* предлагается дефиниция *motion*, *commotion*, *tumultuous assembly*, *play*, соответственно образ становится иным – волны взаимодействуют, шумно общаются и играют. Существительное *ʒewin* определяется как *a battle, contest, war, strife, quarrel, hostility, tumult; certamen, pugna, bellum, tumultus*. Море представляется полем битвы – волны враждуют. Для существительного *ʒeswinʒ* дается дефиниция *a vibration; vibratio, fluctuatio*, однако ключевым здесь выступает определение базового глагола *ʒeswinʒan – to scourge, beat*; *flagellare, verberare*, т. е. волны хлестают, наказывают. Общим для всех образов является элемент движения, активности.

Поскольку фразеологических словарей древнеанглийского языка не существует, все выводы о семантике потенциальных древнеанглийских ФЕ могут основываться исключительно на анализе контекстов. Рассмотрим в качестве примера два контекста с анализируемым словосочетанием.

> …min hlaf ord ʒewat heonan of leodum ofer *yþa ʒelac* (ПЖ, с. 6). – …мой господин отправился в дорогу, от дома прочь, чрез *сутолоку волн*.

В данном контексте кеннинг выполняет функцию обстоятельства места, и на первый план выходит пространственное значение, что подчеркивается локативным предлогом *ofer* (*через, за*). В этом случае стилистическая коннотация нейтральна, благодаря использованию лексемы *ʒelac* (*шумное сборище, игра*) – образ моря не враждебен. В следующем примере обеспечивается иное восприятие:

> …seo sæ cnyste þa heofonlican tunʒla and *þæt ʒewealc þara yða* hwaðerode mid windum (AT). – …море билось о звезды небесные и *перекат волн* ревел от ветра.

По степени эмотивности данный отрывок не уступает поэтическим текстам благодаря использованию гиперболической метафоры и олицетворения. Море здесь предстает как активная и угрожающая сила: его удары (*cnyssan – тревожить, бить, превосходить*) достигают неба (*tunʒol – небесное тело*), а волны производят шум, подобный реву живого существа (*hwaþerian – реветь*). Словосочетание *þæt ʒewealc þara yða* выполняет в предложении функцию подлежащего; море выступает как субъект действия, тем самым внимание фокусируется на активном характере водной стихии.

СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Рассматривая системные характеристики кеннинга *yða ʒewealc*, представляется необходимым осветить следующие вопросы: принадлежность анализируемой единицы к определенному лексико-фразеологическому полю, системные отношения с другими единицами языка, сочетаемость в составе синтаксических структур.

Наличие у лексем и фразем общих признаков, таких как номинативность и воспроизводимость,

[1] Наряду с новоанглийскими дефинициями словарь дает латинские.

свидетельствует о том, что лексика и фразеология образуют единую номинативную систему воспроизводимых единиц с тематически близкой референцией. Рассматриваемый кеннинг входит в лексико-фразеологическое поле единиц, объединенных тематикой моря, что демонстрируется его системными отношениями с иными языковыми единицами.

Поскольку основное значение кеннинга – «море», он входит в большой синонимический ряд лексем и формульных словосочетаний с этим значением. Только в «Беовульфе» можно встретить:

а) простые лексемы: *brim, ȝeofon, hæf, holm, sæ, sund, yð, wæter, flod, stream, laȝu* и т. п.;
б) композиты: *ȝarsecȝ, holmwylm, merestræt, sæȝlrad, swanrad, wæȝholm, wæteryða, yðȝewinn* и т. п.;
в) перифразы: *wæteres wylm, flodes wylm, sealt wæter, yða ful, wæteres hrycȝ, fealu flod, ȝanotes bæð, waþema ȝebind* и т. п.

Всего зафиксировано до 40 слов и словосочетаний, объектом номинации которых выступает море [Brady, 1952].

Отношения антонимии не так развиты, как синонимические, однако можно отметить противоположность значения словосочетания *yþa ȝewealc* с рядом существительных, объединенных значением «суша»: *eard, land, ȝrund, wonȝ, folde, ȝrundwonȝ, ealond* и др.

Поскольку рассматриваемый кеннинг относится к разряду субстантивных, он обладает соответствующими валентностными свойствами, а именно: способностью устанавливать синтаксическую связь с предлогами и прилагательными. В составе предложно-именных групп наиболее типичной является левая сочетаемость с предлогом *ofer* (*за, через*). Всего отмечено четыре случая такой сочетаемости, например:

> …wearþ adræfed deormod hæleþ, Oslac of earde, *ofer yþa ȝewealc* (Э, с. 975). – …изгнан был Ослак отважный, прочь с земли, *за бурное море*.

Отхождением от этой модели выступают уже упоминавшийся контекст с антонимичным предлогом *under* (*под*), а также контекст с предлогом *ymb* (*средь, у*):

> …selfa ne dorste *under yða ȝewin* aldre ȝeneþan (Б, с. 1468). – …сам не отважился *в пучине волн* собой рискнуть.

> ne to wife wyn ne to worulde hyht, ne ymbe owiht elles, nefne *ymb yða ȝewealc* (M, с. 45). – …ни утехи с женой, ни надежда земная, вокруг ничего, только *волн перекат*.

В составе атрибутивных комплексов для кеннинга характерна правая сочетаемость с прилагательным *atol* (*ужасный, страшный*). Всего отмечено три таких случая, например:

> …ȝecunnad in ceole cearselda fela, *atol yþa ȝewealc* (M, с. 5). – …познал в челне беду, *волн перекат зловещий*.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Для кеннинга характерно функционирование в поэзии. Это определяет его функционально-стилистическую характеристику как предполагаемой книжной, поэтической ФЕ. Обычно единицы такого типа относят к традиционно-поэтической лексике и фразеологии – устойчивому набору слов и выражений с окраской лиричности. Для словосочетания *yða ȝewealc* характерна яркая образность. Метонимия и метафора являются прямыми семантическими способами построения образа. В данном случае образ относится к визуальному типу. Взаимодействие двух способов семантического переноса имеет результатом стилистический прием перифраза: кеннинг, не называя денотат «море» прямо, выделяет одно из его свойств – волнение и подвижность воды. Этот же образ обеспечивает отрицательную коннотацию – морское путешествие ассоциируется с холодом и изнурительным беспрестанным движением [Ward, 2017].

Одной из характерных черт поэтического субстиля является высокая эмотивность, то же относится и к стилю эмотивной прозы. Кеннинг *yða ȝewealc* всегда служит целям интенсификации эмотивности. Рассмотрим пример употребления в достаточно широком контексте:

… hu he weriȝmod on weȝ þanon niða ofercumen on nicera mere fæȝe ond ȝeflymed feorhlastas bær. Đær wæs on blode brim weallende, *atol yða ȝeswinȝ* eal ȝemenȝed haton heolfre heorodreore weol deaðfæȝe deoȝ siððan dreama leas in fenfreoðo feorh aleȝde hæþene sawle þær him hel onfenȝ.	…как прочь удалился без сил он, мощью повержен, в пучину уполз, сгинул там, след кровавый оставив. В море от крови вода закипела, страшное было *хлестание волн* с крови горячей жестоким бурленьем. Так, обреченный на смерть, он укрылся в логово мрачное дух испустить, мерзкую душу его ад объял.

Данный контекст описывает, как смертельно раненый Грендель скрывается под водой, оставляя кровавый след (Б, с. 843–851). Здесь можно отметить высокий удельный вес отрицательно-эмотивной лексики: *werigmod* (*обессиленный*), *nið* (*борьба, вражда*), *nicor* (*водное чудовище*), *fæge* (*обреченный*), *geflymed* (*гонимый*), *feorhlast* (*кровавый след*), *blod* (*кровь*), *heolfor* (*кровь из раны*), *deaðfæge* (*обреченный на смерть*), *leas* (*лишенный*), *hel* (*ад*), *hæþen* (*языческий, мерзкий*), *atol* (*ужасный*). Аллофраза *уða geswing* отличается самой сильной отрицательной эмотивностью из всех возможных вариантов, что обусловлено образом бичевания, создаваемым компонентом *geswing* от глагола *geswingan (пороть, бичевать, наказывать)*.

Эмотивно-экспрессивный потенциал предполагаемой ФЕ используется для имплицитной характеристики Гренделя: совместно с негативно-оценочными лексическими единицами, в особенности эпитетами, и посредством гиперболизации создается мистический образ зловещего чудовища, агония которого способна вызвать бурю. Одновременно, образ кипящей и бурлящей воды в «Беовульфе» является рекуррентным и выражается различными лексическими и фразеологическими средствами: *wætere̊sesan* (*водяные ужасы*), *cealde streamas* (*холодные потоки*), *yðgeblond / yðgebland* (*смешение волн*) и др., которые изображают морскую стихию как враждебную и опасную [Pettit, 2020].

В сочетании с перечисленными и другими эмотивными лексическими единицами кеннинг *уða geswing* выполняет стилеобразующую функцию. Наличие таких единиц придает возвышенное звучание поэтическим текстам. Достаточно широкий объем структурного инварианта и, вследствие этого, вариативность образа обеспечивает возможность его употребления в произведениях, относящихся к основным жанрам древнеанглийской поэзии: исконным (героическая поэзия) и новым (произведения христианского содержания и элегическая лирика) [Смирницкая, 1982].

ВЫВОДЫ

Описание кеннингов древнеанглийского языка во фразеологическом аспекте представляется процедурой с обязательными этапами: обзор источников, анализ фразеологичеких маркеров, структурные характеристики, семантика, системные отношения, стилистические характеристики.

Фразеологические маркеры позволяют с определенной долей вероятности предполагать фразеологический статус кеннинга. Маркеры выявляются методами фразеологической идентификации и контекстуального анализа.

Главной задачей рассмотрения предполагаемых древнеанглийских ФЕ в плане структуры является определение объема инварианта.

В плане семантики основное внимание на соотношении прямого, исходного значения лексических компонентов и переосмысленного значения словосочетания в целом. Важно также описать коннотативные свойства.

При описании системных характеристик ключевой задачей является описание валентностных свойств и принадлежности к лексико-семантическому полю, что во многом осуществляется с помощью рассмотрения синонимических связей с лексемами и другими словосочетаниями.

Описание стилистических характеристик предполагает установление принадлежности единицы к определенному стилистическому слою лексико-фразеологического состава языка и функциональному стилю, в рамках которого употребляется кеннинг.

Проведенный анализ позволяет с высокой долей вероятности предполагать наличие фразеологического статуса у кеннинга *уða gewealc*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дьякова Н. А. Теоретические и методологические основы исторического изучения английской фразеологии // Культура народов Причерноморья. 2006. № 76. С. 25–29.
2. Стеблин-Каменский М. И. Скальдический кеннинг. URL: http://norroen.info/articles/steblink/hist_poe/kenning.html (дата обращения 14.06.2023).
3. Гвоздецкая Н. Ю. Формульность и лексикон ритуальной речи в древнеанглийском героическом эпосе (на материале введения прямой речи поэме «Беовульф») // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2016. Т. 15. No. 4. С. 168–178.
4. May R. Theatricality and self-fashioning: Reading Apollonius' dramatic performance in Historia Apollonii Regis Tyri chapter 16. 2019. URL: https://ancientnarrative.com/article/download/35714/33274/ (accessed: 17.08.2022).
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, Дубна: Феникс, 1996.
6. Croonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic / ed. by A. Lubotsky. Vol. II. Leiden, Boston, 2013. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series).
7. Сравнительная грамматика германских языков / отв. ред. Э. А. Макаев : в 5 т. М.: Наука, 1966. Т. IV.

8. Воробьева О. Ю. Концептуализация языковой личностью природных явлений (на материале английского, немецкого и русского героического эпоса): дис. … канд. филол. наук. М., 2018.
9. Bosworth J. An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. London: Oxford University Press, 1964.
10. Brady C. The Synonyms for "Sea" in Beowulf. In: Studies in Honor of Albert Morey Sturtevant. The University of Kansas Press, 1952. P. 22–46.
11. Ward M. E. Forests of Thought and Fields of Perception: Landscape and Community in Old English Poetry: Ph. D. Thesis. Birmingham: The University of Birmingham, 2017.
12. Pettit E. The Waning Sword. Conversion Imagery and Celestial Myth in Beowulf. Cambridge: Open Book Publishers, 2020.
13. Смирницкая О. А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. С. 171–232.

REFERENCES

1. D'yakova, N. A. (2006). Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy istoricheskogo izucheniya anglijskoj frazeologii = Theoretic and Methodologic Basics of Historical Studies of English Phraseology. Culture of Circum-Pontic Peoples, 76, 25–29. (In Russ.)
2. Steblin-Kamenskij, M. I. Skal'dicheskij kenning = Scaldic Kenning. URL: http://norroen.info/articles/steblink/hist_poe/kenning.html (accessed: 14.06.2023). (In Russ.)
3. Gvozdetskaya, N. Yu. (2016). Formulas and Vocabulary of Ritual Speech in Old English Heroic Epic (based on direct speech in the poem Beowulf). Vestnik VolGU. Series 2, Linguistics, 15(4), 168–178. (In Russ.)
4. May, R. (2019). Theatricality and self-fashioning: Reading Apollonius' dramatic performance in Historia Apollonii Regis Tyri chapter 16. URL: https://ancientnarrative.com/article/download/35714/33274/ (accessed: 17.08.2022).
5. Kunin, A. V. (1996). Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka = Modern English Phraseology Course. Moscow: Vysshaya shkola, Dubna: Feniks. (In Russ.)
6. Croonen, G. (2013). Etymological Dictionary of Proto-Germanic (vol. II), ed. by A. Lubotsky. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Leiden, Boston.
7. Makaev, E. A. (Ed.). (1966). Sravnitel'naya grammatika germanskih yazykov = Comparative Grammar of Germanic Languages (vol. IV). Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Vorob'eva, O. Y. (2018). Konceptualizaciya yazykovoj lichnost'yu prirodnyh yavlenij (na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo geroicheskogo eposa) = Conceptualization of Linguistic Personality of Natural Phenomena (in English, German and Russian Heroic Epos). PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
9. Bosworth, J. (1964). An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. London: Oxford University Press.
10. Brady, C. (1952). The Synonyms for "Sea" in Beowulf. In: Studies in Honor of Albert Morey Sturtevant. The University of Kansas Press, 22–46.
11. Ward, M. E. (2017). Forests of Thought and Fields of Perception: Landscape and Community in Old English Poetry. Ph. D. Thesis. Birmingham.
12. Pettit, E. (2020). The Waning Sword. Conversion Imagery and Celestial Myth in Beowulf. Cambridge: Open Book Publishers.
13. Smirnitskaya, O. A. (1982). Poeticheskoe iskusstvo anglosaksov = Poetic Art of Anglo-Saxons. In Drevneanglijskaya poeziya (pp. 171–232). Moscow: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мухин Сергей Владимирович

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английского языка № 1
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mukhin Sergey Vladimirovich

PhD (Philology), Associate Professor at the English Language Department # 1
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs

Статья поступила в редакцию	30.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	12.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811-133.1'28

Заимствования из арабского языка во французском языке в XIX и XX веках

В. В. Пылакина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
veronikap2002@mail.ru

Аннотация. Процесс пополнения французской лексики заимствованиями из арабского в XIX и XX вв. был обусловлен развитием политической ситуации. С 1830 г., завоевания Алжира Францией, французский язык впервые вошел в непосредственный контакт с арабским. До этого заимствования происходили через итальянский, испанский или окситанский языки. Заимствования, происшедшие во второй половине XX в., имеют свою специфику, связанную с войной, которую Франция вела в Алжире, и с прекращением протектората Франции над этой бывшей колонией.

Ключевые слова: заимствование, заимствования из арабского, завоевание Алжира, война Алжира за независимость

Для цитирования: Пылакина В. В. Заимствования из арабского языка во французском языке в XIX и XX веках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 60–65.

Original article

Borrowings into French from Arabic in the 19th – 20th Centuries

Veronika V. Pylakina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
veronikap2002@mail.ru

Abstract. The process of the French vocabulary replenishment with borrowings from Arabic in the 19th and 20th centuries was due to the development of the political situation. In 1830, the conquest of Algeria by France began. After the conquest of Algeria, the French first came into direct contact with the Arabic. Prior to this, borrowings were made through Italian, Spanish or Occitan languages. Borrowings that occurred in the second half of the 20th century have their own features, associated with the war that France was waging in Algeria, and with the termination of France's protectorate over this former colony.

Keywords: borrowing, borrowings from Arabic, conquest of Algeria, war of Algeria for independence

For citation: Pylakina, V. V. (2024). Borrowings into French from Arabic in the 19th – 20th centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 60–65.

ВВЕДЕНИЕ

Лексические заимствования являются естественным элементом обогащения словарного состава языка. Заимствование – это «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой. Обычно заимствуются слова и реже синтаксические и фразеологические обороты» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 158]. С точки зрения Мориса Гревиса, «заимствования – это элементы, которые какой-либо язык, в ходе своей истории, взял из других языков»[1] [Grevisse, 1993, с. 190]. По мнению французских лингвистов, «во все времена язык заимствовал слова из соседних или иностранных языков, и даже из диалектов, чтобы назвать новые предметы и понятия, часто иностранного происхождения, или из-за внезапно возникшего восхищения перед обычаями и языком другой страны. Заимствования могут быть народными или научными. Все языки, исчезнувшие и ныне существующие, с которыми французский язык находился в контакте, открыли ему доступ к своей лексике, которой он, в некоторых случаях, существенно обогатился» [Grammaire Larousse du XXe siècle, 1967, с. 20].

Причины появления заимствований в языке до конца не изучены и не поняты. Идеальным можно было бы назвать вариант, когда новое слово обозначает новое понятие, но так происходит далеко не всегда. Довольно часто заимствования происходят из языка, который в данную эпоху обладает наибольшим престижем. В разные эпохи такую позицию занимали разные языки. Для французского языка всегда престижным считалось заимствование из латыни. Что касается живых языков, то в Средние века, особенно в XVI веке, большой интерес был к заимствованиям из итальянского, так как он считался языком, близким к латыни. Кроме того, Италия значительно опережала в своем развитии средневековую Францию и могла служить для нее ориентиром. Кстати, итальянский, наряду с окситанским и испанским, был посредником для проникновения заимствований из арабского. В Средние века арабские страны во многом превзошли Европу в развитии науки, техники и технологий, что и отражается в номенклатуре заимствований. Кроме того, развитая торговля позволяла привозить с арабского Востока редкие товары, пользовавшиеся спросом в Европе, что также приводило к необходимости номинации. Однако французский и арабский языки, как правило, не находились в непосредственном контакте между собой, кроме каких-то незначительных торговых контактов. Заимствования из арабского приходили во французский через языки-посредники, к тому же арабский сам служил посредником для проникновения некоторых единиц персидской лексики.

С течением времени ситуация резко меняется. Процесс пополнения французской лексики заимствованиями из арабского в XIX–XX веках был обусловлен развитием политической обстановки. В 1830 году начинается колониальное завоевание Алжира. С 1529 года Алжир был частью Османской империи и находился под властью турок. Завоевание Алжира планировалось французами как маленькая победоносная война, необходимая для поднятия престижа правящей верхушки. Нашелся и casus belli: в 1827 году последний алжирский бей, турецкий наместник Хусейн Дей ударил консула Франции Пьера Деваля по лицу мухобойкой, точнее рукоятью опахала, которым отгоняли мух. Встреча проходила крайне напряженно. Бей требовал возврата долгов Франции за поставки алжирского зерна. Франция не платила и платить не собиралась. Кроме того, «алжирский правитель был в ярости и из-за оскорбительных и бесцеремонных комментариев консула об исламе и мусульманах»[2]. Этот случай вошел в историю как «инцидент с мухобойкой». Через три года об этом дипломатическом скандале вспомнили. Официально было объявлено, что целью военной операции является освобождение города Алжир от турок. В действительности король Франции Карл X надеялся таким образом удержаться у власти. Это ему удалось, но ненадолго. Он был низложен во время Июльской революции 1830 года. Как обычно, французы себя переоценили. Никакой маленькой победоносной войны не вышло. Главы племен, объединившись, объявили французским захватчикам джихад (священную войну). Военная кампания затянулась на годы и десятилетия и продолжалась еще как минимум 45 лет, а сопротивление населения Алжира колонизации ощущалось французами практически до потери Францией своих колоний во второй половине XX века. Завоевание Францией Алжира имело множество последствий. Во-первых, зверское отношение к местному населению привело к уничтожению огромной части алжирцев. В настоящее время стали даже говорить о геноциде, осуществленном французами в отношении местного алжирского населения. Такое крупное политическое событие, как захват колонии, не могло не повлечь за собой последствий для французского языка. В лингвистиче-

[1] Здесь и далее пер. авт. – *В.П.*

[2] URL: https://islamosfera.ru/muxobojka-stavshaya-prichinoj-vojny/

ском плане завоевание Францией Алжира привело к появлению во французском языке большого числа арабизмов. «В результате завоевания Алжира, французский язык вошел в непосредственный контакт с арабским. Поскольку посредником служило военное арго, эта лексика часто относится к грубо-просторечной: *barda*, *bled*, *kif-kif*, *maboul*, *matraque*, *nouba*…» [Grevisse, 1993, с. 196]. По мнению А. Рея, до этого времени «отмечались редчайшие случаи прямых заимствовании из арабского, арабский же часто служил языком-посредником для проникновения персидских слов» [Rey, Duval, Siouffi, 2007, с. 350].

В 1844 году Франция всей своей военной мощью обрушивается на Марокко, население которого посмело поддержать взбунтовавшийся Алжир. Далее последовал ряд кризисов, в результате которых, 30 мая 1912 года, по Фесскому договору Франция установила свой протекторат над Марокко. Кстати говоря, какое-то время в Марокко поддерживался шариат. Захват Марокко расширил территорию, которой Франция владела в странах Магриба. В лингвистическом плане это увеличило территорию соприкосновения французского языка с арабским, что создает обширную базу для осуществления процесса заимствования. В 1881–1883 годах Франция провела военную кампанию по захвату Туниса. Поводом к началу военных действий послужили набеги кочевых племен из Туниса в Алжир, который уже был захвачен французами. В 1881 году по призыву духовенства население восстало против нашествия французов, объявив им джихад. Однако сопротивление оказалось бесполезно, и в 1883 году , в пригороде г. Тунис Ла-Марсе была подписана Конвенция, согласно которой Тунис попал под протекторат Франции.

С захватом Алжира связано появление во французском языке неологизма, который не был заимствованием из арабского, но неразрывно связан с этим периодом – *pieds-noirs* (*букв*. ‘черноногие’), так арабы звали французских оккупантов. Потом так же французы в метрополии звали своих сограждан, бежавших из Алжира, любви жители метрополии ко вновь прибывшим не испытывали, и это слово приобрело уничижительный оттенок.

Очевидно, что с началом колонизации стран Магриба, количество заимствований из арабского языка резко возрастает. Эти заимствования относятся к различным семантическим группам, связанным прежде всего с военной тематикой:

– *существительные, обозначающие одежду и амуницию:*
  - **barda** *воен., арго* амуниция солдата; поклажа, багаж (1848) < *ар*. ***barda'a*** поклажа. Первоначально *barda* употреблялось местными жителями, которых французы нанимали в качестве вьючных животных[1];
  - **burnous** бурнус (1851) < *ар*. ***bournous*** верхняя одежда из шерсти с капюшоном и без рукавов, которую носят арабы[2];
  - **gandoura** разновидность туники без рукавов, которую арабы носят под бурнусом (1852) < *ар*. (Марокко) ***gandoura*** туника без рукавов[3];
  - **djellaba** длинная одежда с длинным рукавом и с капюшоном, которую в Северной Африке носят и мужчины, и женщины» (1870) < *ар*. (Марокко) ***djellaba*** вид женской одежды[4];
  - **chèche** длинный арабский шарф < *ар*. ***cheche*** шарф[5];
  - **haïk** длинный прямоугольный отрез ткани, в которую мусульманские женщины заворачиваются поверх остальной одежды (1830) < *ар*. ***haïk*** ткань[6];

– *существительные, обозначающие военные действия, учения, войска, фортификационные сооружения:*
  - **razzia** набег, нашествие грабителей на какое-то племя; *разг*. рейд полиции, похищение (неожиданное или насильственное; 1838 или1841) < *ар*. (Алжир) ***rhâzya*** < *клас*. *ар*. ***rhazâwa*** атака; военный поход, набег[7];
  - **zouave** алжирский солдат легкой пехоты из местного населения, которая была создана в 1830 г. (1830) < *ар.-берб*. ***zwâwa***, название одного из кабильских племен[8];
  - **baroud** *воен., арго* битва, сражение (1924) < *ар*. (Марокко) ***baroud***[9];
  - **casbah** крепость (1830), **casouba** (1813) < *ар*. ***qaçaba***, ***qasba*** крепость[10];

[1] Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. P.: Le Robert, 1986; Bloch O., Wartburg W. von. Dictionnaire étymologique de la langue française. 10-e éd. P.: PUF, 1994.
[2] Robert P. Dictionnaire … de la langue française. 1986.
[3] Robert P. Dictionnaire … de la langue française. 1986; Dauzat A. Dictionnaire étymologique de la langue française. 11-e éd. P.: Larousse, 1979.
[4] Robert P. Dictionnaire … de la langue française. 1986; Dictionnaire du français. Hachette, 1995.
[5] Robert P. Dictionnaire … de la langue française. 1986.
[6] Ibid.
[7] Dictionnaire historique de la langue française / A. Rey. P.: Le Robert, 1998; Robert P. Dictionnaire … de la langue française. 1986.
[8] Robert P. Dictionnaire … de la langue française. 1986; Dictionnaire du français contemporain. P.: Larousse, 1971.
[9] Robert P. Dictionnaire … de la langue française. 1986.
[10] Ibid.

- **alcazar** *арх.* замок, крепость (1866) < *исп.* ***Alcazar*** < *ар.* ***al qasr*** < *лат.* ***castrum*** замок, крепость[1];
- **djihad** священная война за распространение ислама (1870) < ***djihad*** последнее усилие (*о священной войне*)[2];
- **fantasia** конное упражнение арабских всадников, при исполнении которого всадники на галопирующей лошади стреляют из боевого оружия, сопровождая это угрожающими криками (1833), *ткж.* название полотна Делакруа «Марроканская фантазия» < *исп.* ***fantasia*** фантазия < fantaziya < *ар.* демонстрация, выставление напоказ чего-л.[3];
- **goum** в Алжире военный контингент, направлявшийся племенем во французскую армию (1849) < *ар.* ***gaum*** войско[4];

– *существительные, обозначающие национальную и религиозную принадлежность:*
- **roumi** христиане, прежде всего европейцы (1846) < *ар.* ***roum*** страна, покоренная Римом[5];
- **arbi** араб, коренной житель Северной Африки (1869) < *ар.* араб[6];
- **bicot** *стил.-сниж.* араб (1892) < *ар.* arbi, возможно, под влиянием *bique*[7];
- **chleuh**, **scheu** немец, враг во время II мировой войны (1940) < *ар. берб.* (Марокко) ***chleuh***[8];
- **crouille**, **crouillat**, **crouya** *стил.-сниж.* выходец из Северной Африки (1917) < *ар.* ***khouya*** брат[9];
- **hadji** мусульманин, совершивший хадж в Мекку (1839) < *ар.* ***hadji*** хаджа[10];

– *существительные, обозначающие профессию, занятие, род деятельности, особенности поведения:*
- **toubib** врач (1863) < *ар.* (Алжир) ***tbib*** колдун, целитель, *разг.* врач[11];
- **almée** египетская танцовщица, которая поет и танцует (1785) < *ар.* ***aluma*** знающая, умная, ученая[12];
- **fatma** женщина из Северной Африки, служанка (Северная Африка, XX в.) < *ар.* fatma < *ар.* Fatima (имя собственное)[13];
- **beni-oui-oui** конформист, соглашатель, подпевала (сер. XX в.) < *ар.* ***beni*** сын, *фр.* ***oui***, ***oui***[14];

– *глаголы:*
- **baraquer** спариваться (*о животных*, XX в.) < *ар.* ***barak***[15];
- **droper** бежать очень быстро, *стил.-сниж.* драпать (1902) < *ар. арго* ***adroper*** (о солдатах, служивших в Африке)[16];

– *наречия:*
- **bésef** (**bézef**) много (1867) < *ар.* bezzaf[17];
- **chouia** тихонько, немного (1866) < *ар.* (страны Магриба) ***suya*** немного[18].

Таким образом, в результате колонизации Алжира и других стран Магриба, во французский язык начала проникать арабская лексика. Так как носители французского и арабского языков вошли в непосредственный контакт, то и заимствования начали осуществляться непосредственно из арабского во французский язык. Надо понимать, что французская армия представляла, преимущественно, самые низы общества, поэтому взгляды солдат не отличались изысками, как и их язык.

Интересно, что, пока Франция владела колониями в Магрибе, лингвисты не отмечали развития процесса арабских заимствований во французский язык. Поколения французов выросли с убеждением, что Алжир – это исконная часть Франции, разделенная на три заморских департамента (Алжир, Оран и Константина). Власть в Алжире принадлежала французам. Они же владели наиболее плодородными землями и ресурсами. Под поля были распаханы даже кладбища. Коренное население было ущемлено в правах, не могло занимать высокие должности и было ограничено в избирательном праве. Отношение колонизаторов к местному населению, как и к его языку, было презрительным. Язык местного населения был не тем источником, из которого стоило что-то заимствовать. В задачу французских колонизаторов входило насаждать свой язык местному населению, а никак не заимствовать слова из местных говоров.

[1] Dictionnaire ... de la langue française / A. Rey. 1998.
[2] Ibid.
[3] Robert P. Dictionnaire ... de la langue française. 1986.
[4] Ibid.
[5] Robert P. Dictionnaire ... de la langue française. 1986.
[6] Ibid.
[7] Ibid.; Pluridictionnaire. P.: Larousse, 1987.
[8] Dictionnaire ... de la langue française / A. Rey. 1998; Robert P. Dictionnaire ... de la langue française. 1986.
[9] Robert P. Dictionnaire ... de la langue française. 1986.
[10] Ibid.
[11] Ibid.
[12] Dictionnaire encyclopédique. P.: Larousse, 1929; Robert P. Dictionnaire ... de la langue française. 1986.
[13] Robert P. Dictionnaire ... de la langue française. 1986.
[14] Ibid.
[15] Ibid.
[16] Ibid.
[17] Ibid.
[18] Dictionnaire historique de la langue française / A. Rey. 1998 ; Robert P. Dictionnaire ... de la langue française. 1986.

Однако единичные заимствования всё-таки встречаются. Например:

- **les moudjahiddin** – *ар.* бойцы исламской освободительной армии (1903)[1];
- **la charia** – свод законов ислама[2].

Результатом такой политики колонизаторов в лингвистической сфере стал процесс заимствования в период начала борьбы Алжира за свою независимость. Заимствования второй половины XX века стоят отдельно и имеют свои особенности. Их появление, во многом, связано с трагической летописью событий войны Алжира за независимость. Война продолжалась с 1954 по 1962 год. Это был сложный военно-политический конфликт между французской колониальной администрацией Алжира и алжирскими повстанцами, боровшимися за независимость своей страны. Франция не собиралась оставлять свою колонию, которую считала неотъемлемой частью французской территории, тем более, что на юге Алжира были обнаружены залежи нефти. Во время разгоревшегося военного конфликта все участники показали себя с наихудшей стороны. На начало сопротивления, пришедшееся на 1945 год, в частности на бунт в городе Сетиф, который спровоцировал мятежи по всему Алжиру, французы отреагировали чудовищными карательными операциями. Французы были известны как одни из самых жестоких колонизаторов, но при подавлении беспорядков в Алжире, они превзошли сами себя. На это алжирцы ответили террористическими актами. Зверства, пытки, городской терроризм, расправы без суда и следствия, массовые расстрелы – это лишь небольшая часть краткого описания бесчеловечного отношения сторон противостояния друг к другу. В результате не прекращавшегося военного конфликта в 1958 году пала французская Четвертая Республика, была принята новая Конституция и основана Пятая Республика, которую возглавил генерал де Голль. События на фронтах войны происходили не в пользу алжирских повстанцев. Было бы наивно думать, что разрозненные партизанские формирования, пусть и объединенные высокой целью борьбы за независимость своей страны, могли успешно сопротивляться французской военной машине. Получение Алжиром независимости представляет собой очень серьезную казуистику, так как в военном отношении Алжир войну Франции проиграл. В силу политических обстоятельств французские власти приняли решение о предоставлении Алжиру независимости.

«Только в 1960 году переговоры между французским правительством и Фронтом национального освобождения Алжира завершились успехом. В соответствии с соглашениями, подписанными 18–19 марта 1962 года в Эвиане, Алжир получил независимость. Около 650 тыс. европейцев покинули свою родную землю, Алжир, многие из них впоследствии обосновались на материковой части Франции и на Корсике» [Méric, 1996, с.293]. Вместе с французами бежали также воевавшие на стороне Франции алжирцы, так называемые арки, которых французы предательски бросили на произвол судьбы и на растерзание новым властям. «Их насчитывалось около 250 тыс. <…> Несмотря на то что им было «запрещено в законодательном порядке выезжать во Францию <…> около 100 тыс. из них смогли бежать» [Julaud, 2004, с. 612] и таким образом спастись от расправы. Именно в этот период во французский язык проникает лексема **harki** (алжирцы, воевавшие на стороне Франции, 1960) < *ар.* ***harki*** член вооруженного формирования; доброволец, который служит в добровольческой милиции (распр. к 1960) < *ар.* ***harki*** член движения < *ар.* ***harka*** движение[3]. Во Франции эти несчастные были размещены в лагерях, очень напоминавших концентрационные, и, фактически, обречены на медленное умирание. Кроме того, в этот период французский язык заимствует существительное *fellag(h)a – алжирский партизан, поддерживавший восстание против французских властей с 1954 по 1962 г.* (< *ар. мн. ч.* ***fellaga*** < ***fellag*** тот, кто перекрывает дороги)[4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, заимствования из арабского языка во французский в XIX–XX вв. продиктованы результатами войны в Алжире и последующей колонизацией этой страны, а в дальнейшем захватом Марокко и Туниса. Французский язык вошел в непосредственный контакт с арабским и стал черпать новую лексику из этого источника уже без участия итальянского, окситанского и испанского языков, которые ранее служили языками-посредниками. Это фонетически приблизило французские заимствования к их арабским этимонам, а также сохранило их исходные значения. Однако семантически заимствования стали иными. Если в Средние века появление арабизмов было связано с проникновением элементов арабской науки и культуры, которые в ряде случаев превосходили европейскую, а также с торговлей между арабскими и европейскими странами, то позднейшие заимствования

[1] Robert P. Dictionnaire … de la langue française. 1986.

[2] Histoire du français. URL: https://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/HIST_FR_s92_Emprunts.htm#4._Lapport_des_langues_modernes

[3] Dictionnaire … de la langue française / A. Rey. 1998 ; Robert P. Dictionnaire … de la langue française. 1986.

[4] Robert P. Dictionnaire … de la langue française. 1986.

описывают особенности ведения военных действий, оружия и амуниции арабов, а также их быт и нравы, с которыми французы столкнулись в период завоевания Северной Африки. Стилистически эти заимствования следует отнести к бытовой или стилистически сниженной лексике. В ряде случаев, они относятся к нейтральной общественно-политической лексике и означают специфику устройства органов власти и законодательства арабских стран, которое было неизвестно жителям Европы.

В течение 132 лет, когда Франция владела своими колониями в Магрибе, процесс заимствования не отмечался, в связи с пренебрежительным отношением французов к местному населению и к его языку.

Что касается заимствований из арабского в середине XX в., то они прежде всего связаны с такой кровавой страницей французской истории, как война в Алжире за свою независимость, и с происходившими в этой связи многочисленными трагическими событиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
2. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française. 13e éd. rev. P.: Duculot, 1993.
3. Grammaire Larousse du XXe siècle. 15e éd. P. : Larousse, 1967.
4. Rey A., Duval F., Siouffi G. Mille ans de langue française, histoire d'une passion. I. Des origines au français moderne. Perrin, 2011, éd. rev. et augm. (1e éd. 2007).
5. Méric M. Mon histoire de France. Hachette, 1996.
6. Julaud J.-J. L'Histoire de France pour les nuls. P.: Éditions générales First, 2004.

REFERENCES

1. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' (1990) = Linguistic Encyclopedic Dictionary / ed. V. N. Jarceva. Moscow: Sov. jenciklopedija. (In Russ.)
2. Grevisse, M. (1993). Le bon usage. Grammaire française. 13-e éd. rev. Paris: Duculot.
3. Grammaire Larousse du XXe siècle. 15e éd. Paris : Larousse, 1967.
4. Rey, A., Duval, F., Siouffi, G. Mille ans de langue française, histoire d'une passion. I. Des origines au français moderne. Perrin, 2011, éd. rev. et augm. (1e éd. 2007).
5. Méric, M. (1996). Mon histoire de France. Hachette.
6. Julaud, J.-J. (2004). L'Histoire de France pour les nuls. Paris: Éditions générales First.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пылакина Вероника Валерьевна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pylakina Veronika Valeryevna
PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Department of the French Language Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	29.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	27.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	11.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’42

CC BY

Диахроническое представление концептуальной структуры «opinion publique» во французском языке (начало XVII века – 1789 год)

Е. В. Тулубеева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
evtulubeeva@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ базовых признаков концептуальной структуры «opinion publique» в узловых диахронических точках в период с начала XVII века до начала Великой французской революции 1789 года. При анализе сочетаются ономасиологический и семасиологический подходы в русле диахронической концептологии научной школы Московского государственного лингвистического университета. Выявляются когнитивные пресуппозиции к интеграции «opinion» и «publique» в единый концепт, выстраиваются пропозициональные фреймовые модели.

Ключевые слова: общественное мнение, диахроническая концептология, социально значимый концепт, концептуальная структура, пресуппозиция к интеграции, ономасиологический, семасиологический

Для цитирования: Тулубеева Е. В. Диахроническое представление концептуальной структуры «opinion publique» во французском языке (начало XVII века – 1789 год) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 66–72.

Original article

Diachronic Representation of the Conceptual Structure “Opinion Publique” in French (the beginning of the 17th century – 1789)

Elena V. Tulubeyeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
evtulubeeva@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the basic features of the conceptual structure of “opinion publique” in the focal diachronic points during the period from the beginning of the 17th century to the end of the 18th century, combining both onomasiological and semasiological perspectives in line with the Moscow State Linguistic University scientific school of diachronic conceptual studies. Cognitive presuppositions for the integration of “opinion” and “publique” into a single concept are revealed, which leads to building propositional frame models.

Keywords: public opinion, diachronic study of concepts, socially significant concept, conceptual structure, integration presupposition, onomasiological, semasiological

For citation: Tulubeeva, E. V. (2024). Diachronic representation of the conceptual structure “opinion publique” in French (17th–18th centuries). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 66–72.

ВВЕДЕНИЕ

В современной парадигме лингвистического знания получает развитие диахроническая концептология, одна из основных задач которой заключается в исследовании динамики концептуальных структур, составляющих ядро языкового сознания народа, в их тесной взаимосвязи с культурой.

Научная школа Московского лингвистического университета определяет предмет диахронической концептологии в широком смысле как установление когнитивных оснований структурирования и категоризации действительности лингвистическим сообществом в определенный исторический период [Кузнецов, 2007] и проводит целый ряд исследований на материале английского, немецкого и французского языков, применяя четыре типа концептуального анализа, перенесенных на область диахронии: послойно-структурный анализ, признаково-структурный анализ, фреймовый анализ и гештальт-анализ. Аналитический обзор основных работ и методов исследования представлен в статье Т. С. Сорокиной «Диахроническая концептология: некоторые методики исследования» [Сорокина, 2012], где автор формулирует основные положения относительно понятия «концепт», релевантные для диахронической концептологии.

Обращаясь к исследованиям в области концептологии, нельзя обойти вниманием монографию Ю. С. Степанова «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», которая помогает приблизиться к этой трудной теме для исследования с позиций современного междисциплинарного подхода. Автор определяет концепт как главный объект гуманитарной науки XXI века, «пронизанной связями и ментальными ассоциациями», и предлагает рассматривать концепты «не в классификации их “осуществлений”, а в раскрытии их внутренних мыслительных связей» [Степанов, 2007, с. 3]. Ю. С. Степанов раскрывает тезис о том, что ключевые концепты культуры составляют в языке особую и малочисленную группу, поскольку «вся история нашей духовной культуры есть … история обращения людей с несколькими десятками слов» [там же, с. 80]. Говоря о национальных концептах, ученый указывает на отсутствие у концепта «национальности в обобщенном смысле» и предлагает различать их по типу краткости, прежде всего, в художественной литературе [там же, с. 58–59]. Он называет концепт своеобразным национальным жанром словесности, ее «национальной минимализацией». Среди таких концептов автор выделяет «общественное мнение» и приводит фрагмент сопоставительного диахронического анализа русского и французского концептов [там же, с. 81].

В современной парадигме гуманитарного знания «общественное мнение» определяется целым рядом наук как социально значимый концепт. Политологи говорят о его тесной связи с политическими режимами, с коллективным и индивидуальным политическим сознанием. Историки и социологи указывают на значительный возраст существования концепта и на его различные референты в диахроническом аспекте (воображаемые, идеальные, утопические), которые в современном мире служат концептуальным основанием различных политических и социальных дискурсов. Исследователи единодушно отмечают сложности анализа процессов концептуализации и деконцептуализации данного феномена, несмотря на высокую степень его вербализованности в дискурсах.

Так, по мнению Сандро Ланди, французского историка и исследователя политической культуры и общественного мнения во Франции в период XVI–XVIII веков, в настоящее время существуют два направления исследования феномена общественного мнения, которые находятся в своей финальной стадии: одно обнаруживает под уникальностью понятия множественность политических и социальных дискурсов; второе – отождествляет «общественное мнение» с «управлением» и через это тождество решает все теоретические и прагматические вопросы[1].

Цель данной статьи – представить базовые признаки концептуальной структуры концепта, вербализированного лексемой «opinion publique», в основных узловых диахронических точках в период с начала XVII века до 1789 года (до начала французской революции).

Исходными положениями для нашей статьи считаем следующие:

- концепт представляет собой единицу и одновременно структуру знания и имеет изменчивый и динамический характер, обусловленный изменениями, происходящими в обществе и в коллективном сознании;
- его многомерность может быть определена несколькими качественно отличными составляющими;
- язык позволяет выделить концептуальные характеристики лишь частично (общенациональные, групповые и индивидуальные);
- в силу многоаспектности концепта его структура моделируется по-разному в зависимости от типа и цели исследования, и это моделирование носит чисто условный характер;

[1] Sandro Landi. «Notes pour une histoire de l’opinion publique comme catégorie du discours politique», Université Michel de Montaigne-Bordeaux. URL : https://shs.hal.science/file/index/docid/442080/filename/Landi_Notes_pour_une_histoire_de_l_opinion_publique.pdf

– наибольший эффект для диахронической концептологии дает совмещение семасиологического и ономасиологического подходов [Сорокина, 2012].

XVII ВЕК: КОГНИТИВНЫЕ ПРЕСУППОЗИЦИИ К ИНТЕГРАЦИИ «OPINION» И «PUBLIQUE»

Свое первое определение «*opinion publique*» получает в словаре 1798 г., поэтому можно говорить об окончательном включении концепта через данную лексему-вербализатор в ментальный лексикон французов только в конце XVIII века. Следовательно, когнитивные пресуппозиции к «opinion publique» необходимо искать в картине мира французов XVII века. Столетие было ознаменовано «политико-литературной ударной силой» – мощными памфлетными битвами, памфлетными атаками на Ришелье, Мазарини, Людовика XIV. Многочисленные «Мазаринады», например, образовывали «полемические сети», или «полемические пучки», обеспечивали постоянную коммуникацию с адресатом – широкими слоями населения крупных городов – через устный и печатный каналы и образовывали триаду «оппозиция власти – народные массы – власть». Дискурсивные характеристики (заказчик, автор, адресат, время и место создания, скорость распространения, прагматический заряд) позволяют отнести их к политической коммуникации и к пропагандистскому дискурсу [Тулубеева, 2022, с. 116].

Все вышесказанное, наряду с анализом различных свидетельств эпохи с позиций ономасиологического подхода и работ современных исследователей, указывает на то, что понятие «общественное мнение» в начале XVII века существует как онтологическая реальность, в которой выстраивались отношения «власть – народные массы – оппозиция власти». Однако существительное «opinion» и прилагательное «public / publique» сочетания не образуют.

Public зафиксировано словарями как антоним к *particulier*, характеризующее, например, «*chemin, place, femme*», но не *opinion,* которое тогда сочеталось только с прилагательными *particulier*. В двадцатые годы происходит семантический сдвиг и *public* активно репрезентируется как существительное, референт которого – *зрители представления, инсценированного в общественном месте* [Тулубеева, 2022].

В тридцатые годы с рождением периодической прессы во Франции появляется экстенсионал ***public***. La Gazette (1631) именно так называет своих читателей, представляя для них, как на сцене, актуальные сюжеты, доступные для широких слоев общества. Так завоевывают публику полемические «Мазаринады», предлагая ежедневные спектакли на мостах и площадях: их декламировали, прокрикивали, распевали. Габриэль Ноде в своем *«Суждении обо всех сочинениях, направленных против кардинала Мазарини»* отмечает, что одна из основных характеристик хорошей «Мазаринады» – это ее «*caractère public*». Там же он пишет о том, что создание памфлетов подразумевает манипулирование публикой («écrire des libelles s'appelle beffler le public («mener un homme par le nez comme un buffle»)[1]. В когнитивной карте ***public***, т. е. в наиболее употребительных контекстах употребления, может быть выявлена самая частотная единица – «le bruit commun». В периоды памфлетных атак *bruit commun*, вызванный пропагандистскими текстами, нарастает, формируя коллективные представления о происходящем.

Opinion словари XVII века трактуют прежде всего как мысль или чувство такого человека, кто может *opiner* (a*vis, fentiment de celui qui opine fur quelque chofe dont on délibère*), т. е. высказывать мнение, суждение: врач, судья, знатный муж (о своей жене), служитель церкви[2]. Места, где собирались для того, чтобы *opiner* («высказать и обсудить политические мнения») нельзя назвать общественными: они были доступны только для определенных социальных групп (*notables, clergé, propriétaires fonciers*) – состоятельных и образованных. Поэтому «шумы в общественных местах» для публики, т. е. для широких низших слоев общества, не могли превратиться в *opinions*. Так, например, в своих «*Политических рассуждениях о государственных переворотах*» Ноде предупреждает, что «его произведение предназначено только для тех, кто знает секреты государства и способен совершить преобразования» [Naudé, 1667, с. 3]. Он считает, что мнению «opinion» этого меньшинства во все времена противостоит суждение *jugement* простонародья, которое, будучи «одаренным разумом, тысячью способами злоупотребляет им и поэтому становится театром, где ораторы, лжепророки, самозванцы <…> изображают свои самые яростные и кровавые трагедии [там же, с. 57].

Имплицитные когнитивные основания, подготовившие союз «*opinion et public*», отражены в лексикографических изданиях, полемических произведениях, комментариях и свидетельствах конца XVII века. Во-первых, *прилагательное становится главным конструктом* для словосочетаний

[1] Jouhaud C. Propagande et action au temps de la Fronde. In: Culture et idéologie dans la genèse de l'État moderne. Actes de la table ronde de Rome (15–17 octobre 1984): École Française de Rome, 1985. URL : https://www.persee.fr/doc/efr_0000-0000_1984_act_82_1_2822

[2] Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts… URL : https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50614b

в различных контекстах появляются частотные *esprit public, bien public, cri public, murmure public, voie publique, conscience publique, amour public* и актуализируют противостояние королевской власти. Во-вторых, если *opinion* в единственном числе как форма понятия, присущего представителю высших слоев общества, имеет положительную коннотацию, то *opinions* во множественном числе как упоминание о потоке мнений, зафиксированное к концу века, имеет дополнительную пейоративную коннотацию[1], объясняемую тем, что поток обладает безжалостной и неумолимой силой. К концу века стала распространяться идея о мощности воздействия публики – толпы (*opinions du public*), выступающей в роли самого неподкупного судьи («Quelque décrié que soit le public, il n'y a pas de juge plus incorruptible et tôt ou tard il rend justice» [Ozouf, 1987, с. 82]). И, наконец, в XVII веке происходит формирование другой публики, отличной от шумной и разносословной, пришедшей на представление: более состоятельной и образованной, названной впоследствии «просвещенной», которая получит доступ к новому пространству и возможность делать заявления «на публике» и «для публики». И именно там будут формироваться «opinions», прежде всего, политические.

Таким образом, семасиологический подход позволяет установить, что на протяжении всего XVII века «*opinion*» и «*public*» ***указывают на референтов различного социального происхождения и не интегрированы в единый концепт***. Однако в общественном сознании уже проявляются когнитивные пресуппозиции, подготавливающие их слияние.

XVIII ВЕК: МНЕНИЕ ПРОСВЕЩЕННЫХ (opinion éclairée)

По мнению французского исследователя Мона Озуф, одиночные утверждения, раздававшиеся в начале века и перешедшие к концу века в коллективные представления о том, что публика – толпа рано или поздно одержит победу, могли способствовать интеграции двух отдельных концептов в единый концепт ***opinion publique***, который имеет *дату рождения*, определенную Руссо как ***1749 год***: «Среди особенностей нашего века есть дух, который руководит *общественным мнением* в течение двадцати лет. Прежде эти мнения бродили беспорядочно в соответствии со страстями людей, и эти страсти, постоянно сталкиваясь, заставляли публику переходить от одной к другой без какого-либо постоянного направления». Для Рульера (*Claude-Carloman de Rulhière*) это понятие появляется в сознании французов в период с 1748 года до начала Семилетней войны. Для обоих мыслителей точкой отсчета, безусловно, служит год публикации «Духа законов» Монтескье [Ozouf, 1987]. Какими бы различными ни были мнения современников в отношении времени появления «opinion publique» в сознании народа и в языке, его обусловленность литературной деятельностью просветителей не подлежит сомнению.

Словарные дефиниции представляют лексемы отдельно до 1798 г. Так, в самом начале XVIII века словари определяют *opinion* как «сомнительное, вероятное знание» («probable, douteux»)[2], «собственное, частное мнение» («sentiments *particuliers*, qu'on le forme soi-mesme en raisonnant sur les choses») [там же]. Сохраняется семантическая связь существительного с прилагательным *particulier*. Начиная с 1750 г. словари фиксируют значение: *opinion* как нечто среднее между «наукой и суждением», «срединное» между сомнением и уверенностью, которое означает «личное суждение», «суждение сомнительного и неопределенного характера, являющееся промежуточным звеном между знанием и незнанием» (*L'opinion* ***n'est pas absolument une certitude****; c'efl* ***un milieu entre le doute & : la fcience***).

Словарь Трево *1771 года* дает целый перечень значений «*opinion*», но основным остается «*сомнительное, вероятное*» («*fignifie auffl une croyance* ***probable****; un jugement de Efprit* ***douteux & incertain.*** Но добавляет значение «свойство гибкости ума» («*L'opinion est un* ***acquiescement de l'esprit;*** *mais un acquiescemient qui* ***n'est pas ferme***»[3]).

Определяющую и ведущую роль в становлении этого концепта в сознании французов сыграли энциклопедисты. Подробная эволюция «opinion publique» изложена в статье Т. В. Аносовой и И. А. Вальдман «Общественное мнение» во французских энциклопедиях второй половины XVIII в.: эволюция понятия», где авторы прослеживают все изменения концептуальных значений этой лексемы с 1750 года, т. е. с момента появления «opinion publique» в трактате Ж.-Ж. Руссо «Рассуждение» и до его включения в 1787 году в качестве словарной статьи в «Методическую энциклопедию», останавливаясь на всех новых коннотациях, которые «opinion publique» приобретает в работах мыслителей эпохи Просвещения. Так, в 50–70-е годы появляется трактовка понятия как *механизма социального контроля*, в 1758–1760 годах – *механизма, формирующего суждения членов общества на основе норм и ценностей*. В 70–80-е гг. «opinion publique» представляется в качестве мнения

[1] URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50614b

[2] URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50614b

[3] Dictionnaire de Trévaux. URL: https://archive.org/details/dictionnaireuniv-06fure/ page/354/mode/1up?view=theater

о *судебной инстанции*, способного критиковать и «выносить общественный вердикт государственным институтам». И, наконец, в 1787 году «opinion publique» появляется в «Методической энциклопедии» и трактуется как «уникальный суд», который «не имеет ни членов суда, ни дворца, ни свода законов, но это не уменьшает его влияния на все управленческие сферы» [Аносова, Вальдман, 2017, с. 58].

Представим фреймовый состав «opinion publique» в виде пропозициональной структуры «субъект – место – содержание – объект» (см. рис. 1).

Субъекты:

- ***Члены парламента***, выражающие «общественные мнения о делах королевства». Оказывают противостояние королю, деятельность которого считалась окруженной тайнами, выступают защитниками ведения политики, открытой для публики, но не для широких масс, а публики «образованной». Закрытое немногочисленное сообщество.
- ***«Просвещенные» умы*** (философы, литераторы), интеллектуальная элита Французской Академии и литературных салонов. Действуют от имени «Разума», который, по их убеждениям, они сами олицетворяют, являясь апелляционным судом, доступным для всех пострадавших от несправедливости и произвола. Немногочисленное сообщество.
- ***«Просвещенные монархи», представители монархической власти.*** Закрытое немногочисленное сообщество.
- ***Представители различных сословий*** (зажиточные горожане, ремесленники, крестьяне, приезжающие в столицу). Открытое многочисленное сообщество = толпа.

Место.

- ***Салоны, клубы, кафе, променады***. Например, знаменитое кафе Прокоп в Париже, посещаемое зажиточными людьми разных сословий, а также излюбленное место просветителей. Именно в этих местах раскрывалось и эволюционировало *содержание концепта*: от рассуждения и мнения на основе абстрактной логики одного «просвещенного ума» – до «коллективного разума» и позднее – до «силы общественного разума». «Opinion publique» без официально установленных полномочий и средств воздействия на власти уже тогда выносило критические суждения и контролировало государственные институты и их представителей.

Объект.

- Практика членов парламента и философов: *Критика несправедливости, произвола абсолютизма*. Практика представителей монархической власти. При необходимости контроля, надзора над народными массами или предупреждения об опасностях создают *информационный шум,* распространяют *слухи вокруг потенциальных решений королевской власти* для выявления настроений и суждений представителей различных сословий. Например, в 1745 году генеральный контролер королевских финансов Филлибер Орри, заботясь о том, как бы очередное повышение налогов не вызвало народные волнения, приказал интендантам «посеять слухи» об увеличении налога на въезд, чтобы выявить настроения населения и высказываемые мнения [Ozouf, 1997, с. 85].

Рис. 1

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Французский концепт «opinion publique» относится к социально значимым концептам, которые чутко реагируют на изменения, происходящие в обществе. В общественном сознании он появляется около 1750 года, впервые фиксируется словарем в 1798 году.

Первый необходимый этап диахронического анализа – это выявление когнитивных пресуппозиций. Интеграцию лексем «opinion» и «publique» в единый концепт подготовили когнитивные основания, содержащиеся во французской картине мира XVII века. Сдвиги базовых признаков концептуальной структуры «opinion publique» в основных диахронических точках в период с начала XVIII века до 1789 года с шагом в двадцать лет определяются при сочетании семасиологического и ономасиологического подходов. Динамика концептуальной структуры прослеживается в семантических и парадигматических переходах, например, от значения «суждение сомнительного и неопределенного характера» к значению «достоверное суждение, на основе разумных размышлений». Фреймовый состав «opinion publique» представлен в виде пропозициональной формулы: субъект – место – содержание – объект.

Представляется важным завершить исследование динамики концептуальной структуры «opinion publique» и представить в дальнейшем полный диахронический анализ этого ключевого концепта, отражающего историческое развитие общественного и политического сознания с XVII века до наших дней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов В. Г. Предмет и задачи диахронической сопоставительной концептологии // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. Тамбов: Тамбовский государственный университет, 2007. С. 26–34.
2. Сорокина Т. С. Диахроническая концептология: некоторые методики исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 660. С. 9–21.
3. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007.
4. Тулубеева Е. В. Дискурсивные характеристики политической коммуникации во Франции в период Фронды (1648–1653) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864) С. 112–118. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_112
5. Naudé Gabriel. Considérations politiques sur les coups d'État, 1èr« éd., Rome, 1639 (éd. consultée: Paris, 1667), p. 24.
6. Ozouf Mona. Quelques remarques sur la notion d'opinion publique au XVIIIe siècle. In: Réseaux, volume 5, n°22, 1987. URL: https://www.persee.fr/doc/reso_0751-7971_1987_num_5_22_1239
7. Аносова Т. В., Вальдман И. А. «Общественное мнение» во французских энциклопедиях второй половины XVIII в.: эволюция понятия» // Идеи и Идеалы. 2017. Т. 1. № 3 (33). С. 54–62.
8. Ozouf Mona. Le concept d'opinion publique au XVIIIe siècle. In: Reseaux, volume 1, n°1, 1997. Sociologie de la communication. pp. 349–365. DOI: https://doi.org/10.3406/reso.1997.3847 www.persee.fr/doc/reso_004357302_1997_mon_1_1_3847

REFERENCES

1. Kuznetsov, V. G. (2007). Subject matter and objectives of diachronic contrastive conceptology.Issues of cognitive linguistics. № 2. P. 26–34. (In Russ.)
2. Sorokina, T. S. (2012). Diachronic approach to conceptual evolution: methods of analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 660, 9–21. (In Russ.)
3. Stepanov, Yu. S. (2007). Koncepty. Tonkaya plenka civilizacii = Concepts. The thin film of civilization. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
4. Tulubeeva, E.V. (2022). Discursive characteristics of political communication in France in the Fronde period (1648–1653). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9 (864), 112–118. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_112
5. Naudé, Gabriel. Considérations politiques sur les coups d'État, 1èr« éd., Rome, 1639 (éd. consultée: Paris, 1667), p. 24.
6. Ozouf, Mona. Quelques remarques sur la notion d'opinion publique au XVIIIe siècle. In: Réseaux, volume 5, n°22, 1987. https://www.persee.fr/doc/reso_0751-7971_1987_num_5_22_1239

7. Anosova, T. V., Valdman, I. A. (2017). "Public opinion" in the French encyclopedias of the second half of the XVIII century: the evolution of the concept. Ideas & Ideals. Vol. 1. No 3 (33). P. 54–62.
8. Ozouf, Mona. Le concept d'opinion publique au XVIIIe siècle. In: Reseaux, volume 1, n°1, 1997. Sociologie de la communication. pp. 349–365. DOI: https://doi.org/10.3406/reso.1997.3847 www.persee.fr/doc/reso_004357302_1997_mon_1_1_3847

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тулубеева Елена Валерьевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tulubeeva Elena Valerievna
PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of the French Language
Faculty of French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	30.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	28.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’246

«La lenga d’oé» в оригинале и литературной имитации Умберто Эко

О. Ю. Школьникова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
chkolnikova@icloud.com

Аннотация. В романе «Баудолино» итальянский писатель и медиевист Умберто Эко создает имитацию документа на пьемонтском диалекте XII века. Статья посвящена рассмотрению лингвистических характеристик данной литературной имитации в сопоставлении с языком реально существующего раннего памятника пьемонтского диалекта, сборника проповедей рубежа XII и XIII веков «Sermoni subalpini». Анализ выявил точную имитацию основных фонетических характеристик пьемонтского диалекта и разнообразные лингвографические приемы архаизации текста, которые использует писатель.

Ключевые слова: Умберто Эко, пьемонтский диалект, Sermoni subalpini, конструирование языка

Для цитирования: Школьникова О. Ю. «La lenga d’oé» в оригинале и литературной имитации Умберто Эко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 1 (882). С. 73–78.

Original article

«La lenga d’oé» in the Original and in the Literary Imitation by Umberto Eco

Olga Yu. Shkolnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
chkolnikova@icloud.com

Abstract. In his novel “Baudolino”, the Italian writer and medievalist Umberto Eco creates an imitation of a document in the Piedmontese dialect of the 12th century. The article is devoted to the consideration of the linguistic characteristics of this literary imitation in comparison with the language of a real-life early monument of the Piedmontese dialect, a collection of sermons at the turn of the 12th and 13th centuries “Sermoni subalpine”. The analysis revealed an exact imitation of the main phonetic characteristics of the Piedmontese dialect and various linguo-graphic methods of text archaization used by the writer.

Keywords: Umberto Eco, Piedmontese dialect, Sermoni subalpini, language construction

For citation: Shkolnikova, O. Yu. (2024). «La lenga d’oé» in the original and in the literary imitation by Umberto Eco. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 73–78.

ВВЕДЕНИЕ

В интервью Фредерику Бегбедеру Умберто Эко сказал: «Я поставил перед собой интересную задачу. Я хотел дать слово мальчику, который впервые в жизни взялся за перо и который родился в моем городе. Надо было воскресить диалект того места и той эпохи. У меня было одно преимущество: на этом старинном народном наречии не сохранилось ни одного письменного документа. Я мог сам сконструировать этот язык» [Бегбедер, 2016]. И, действительно, первые страницы романа «Баудолино» бросаются в глаза диковинным наречием и известны даже тем, кто не читал самого романа.

Умберто Эко родился в Пьемонте в провинции Алессандрия, регионе распространения пьемонтского диалекта, входящего в группу галло-итальянских языков. Эти языки, если характеризовать по классификации Данте, представляют собой язык *oé* (или *oel* < *illu est* – так звучит утвердительная частица)[1], однако сам Данте об этой группе не упоминает.

Регион расположен на северо-западе Италии и граничит с областями Ломбардия, Лигурия, Эмилия-Романия и Валле-д'Аоста, а также с южными областями Франции и Швейцарией (кантоны Вале и Тичино). Пограничное географическое положение повлияло на особенности языка региона, который сформировал набор характеристик, включающих черты, типичные для итальянских диалектов, и черты, сближающие его с языками северной и южной Франции.

Умберто Эко утверждает, что на наречии, на котором говорит его герой, не сохранилось ни одного документа. Время действия романа точно определено – это декабрь 1155 года. Место действия также указано точно – герой происходит из города Бриньяно-Фраската, в провинции Алессандрия. Местных письменных артефактов, датирующихся серединой XII века действительно учеными не обнаружено. Однако существует ранний памятник пьемонтского – «Sermoni subalpini», который датируется рубежом XII и XIII веков[2]. Это собрание 22 проповедей на религиозные праздники, записанное, предположительно, в Верчелли (севернее Алессандрии). Язык проповедей содержит очень отчетливые характеристики языков *oc* и *oïl*, так что при обнаружении рукописи ученые сочли, что она написана на смеси латинского, провансальского и французского языков или же представляет провансальские говоры, однако принадлежность к пьемонтскому доказали, сопоставив данный текст с более поздними свидетельствами пьемонтского диалекта.

[1] Первым такое название предложил Бруно Виллата.

[2] Кодекс D.VI.10 из Национальной библиотеки в Турине.

Таким образом, интересно сравнить язык «Субальпийских проповедей» с «рукописью Баудолино» (их должны «разделять» около пятидесяти лет и около ста километров) и попробовать понять механизмы реконструкции, которые применил итальянский писатель и ученый.

ЧЕРТЫ ПЬЕМОНТСКОГО ДИАЛЕКТА В «SERMONI SUBALPINI» И «БАУДОЛИНО»

Исследователи истории жанра проповеди отмечают латино-народный билингвизм составителя «Субальпйских проповедей» [Топорова, 2011, с. 4]. Однако «народный» элемент языка сам по себе неоднороден: в языке первых «Проповедей» сразу обращают на себя внимание явные галлицизмы: сигматические формы множественного числа существительных, окончания глагольных форм, формы двухпадежного склонения, форма перфекта, лексические заимствования:

> L**es** desm**es** et les primici**es** li **Chrestien** feel Deu dev**ent doner** a **sainte Eglise** e as preveires et pauperibus, e deve**z** saver por **quei** e per **quel** auctori**té furent** trov**ees**. Tut premerement que Deus feist **nule** creature, sì fist dez ordin**es** d'angel**es**… (*Sermone I: Sermo de Decimis et Primiciis*)

В последующих проповедях количество галлицизмов сокращается, но возрастает влияние провансализмов:

> Un **eisemple direm** d'un bon hom qui ot tres **amìs**. L'un era **ric** e l'autre era **ric**, mas non era sì **ric** cum era lo premer; lo terz era povre. Or quest bon hom, qui **avìa** questi trei amì, si era gastaldo d'un alt hom. Or aven que so ser, cui bailìa el **tenea**, s'irò cum lui per offensiun qu'el li **avea faita** (*Sermone VII: Exemplum de Tribus Amicis*).

Сравним данные тексты, опираясь на описание характеристик пьемонтского диалекта, в том числе представленных в справочном издании «Языки мира. Романские языки» [Языки мира: Романские языки, 2001].

Три фонетические особенности пьемонтского считают обусловленными ***кельтским субстратом***, среди них выдвижение *u<ū* в [y], лениция интервокальных согласных и переход *ct* > *it*. Все эти процессы характерны и для французского языка. Выдвижение *u* > *y*, вероятно, присутствует в «Проповедях», но не зафиксировано графически, тогда как в «Баудолино» используется специальная графема *ü*. Ослабление и выпадение интервокальных согласных можно видеть в обоих текстах; слова,

Таблица 1

«Языки мира»	Sermoni subalpini	Baudolino
[u] > [y]		büs (ср. *um.* buso) cü (недописанное) < *лат.* culus
лениция интервокальных	lavoraor avea	toeschi < *лат.* theodiscum
ct > it	saint fait	lacte < *лат.* lactem sancto < *лат.* sanctum

Таблица 2

«Языки мира»	Sermoni subalpini	Baudolino
a > e	engenerer	cercarci
ǫ >[ø]	fous [ø] < *лат.* focus	foco (ср. *um.* fuoco) novo (ср. *um.* nuovo) tu poi (ср. *um.* tu puoi) si movevano (ср. *um.* si muovevano) cocere (ср. *um.* cuocere)

Таблица 3

«Языки мира»	Sermoni subalpini	Baudolino
редукция безударных	chrestian<christianum	lengua<lingua
апокопа конечных, кроме *a*	cel < caelum pecar < peccare adonc < ad dunque lavor < laborem	sta le Frouwe (ср. *um.* stanno le Frouwe) parla (ср. *um.* parlano)
синкопа безударных в начале слова	faint < infantes *Acc Pl* Glesia < ecclesia Vangeli < evangelium	na testa (ср. *um.* una testa) labarde (ср. *um.* alabarde) ndovinano (ср. *um.* indovinano) mi masavano / amasavano / mazzavano (ср. *um.* ammazzavano) re di Ragona (ср. *um.* Aragona) ntelligente (ср. *um.* intelligente) a nsegnato (ср. *um.* ha insegnato)
тенденция к протезе и эпентезе	escala	drentro < *лат.* in de retro
назализация конечных гласных при утрате носового	не отражается на графике	не отражается на графике

содержащие группу *ct* > *it*, в тексте Эко представлены в латинизированном варианте (см. табл. 1).

Особенности ***ударного вокализма***, характерные для пьемонтского и сближающие его с французским вокализмом – выдвижение ударного *a* > *e* и дифтонгизация краткого *o* с последующим стягиванием дифтонга в огубленный [ø], что мы можем видеть в «Проповедях», не находят отражения в реконструкции Умберто Эко: ударный *a* сохраняется, как в итальянском (и провансальском), ударный *o*̨ также сохраняется по типу венетских или тосканского диалектов (без тосканской дифтонгизации, которая присутствует в современном итальянском языке, см. табл. 2).

В области ***безударного вокализма*** отмечают три направления развития: редукции гласных в разных позициях, в том числе апокопа конечных гласных, кроме *a*, синкопа безударных в начале слова; тенденция к протезе и эпентезе и назализация конечного гласного при утрате носового. Последнее явление не имеет специальной фиксации на письме, поэтому мы не можем сказать, задействует ли его Умберто Эко, редукцию и протезу / эпентезу мы можем наблюдать в обоих текстах, особенно много примеров с синкопой начальных (см. табл. 3).

В тексте «Проповедей» можно обратить внимание на закрытие безударных *e* > *i*, Умберто Эко также активно вводит эту черту в свою реконструкцию.

Таблица 4

«Языки мира»	Sermoni subalpini	Baudolino
закрытие безударных e > i	criator (ср. *um.* creatore) cria (ср. *um.* crea)	Fridericus siniur

Таблица 5

«Языки мира»	Sermoni subalpini	Baudolino
упрощения групп	frare < fratrem	tuti / tutti queli Frasketa gratati < *франк.* grattar
p > v	saver<sapere	cavra < *лат.* capram cavelli < *лат.* capilli
k+e > ts > z / s	comenzo creizer (ср. *um.* crescere) naiser (ср. *um.* nascere)	capise (ср. *um.* capisce) li a lasiati usire (ср. *um.* li ha lasciati uscire) pansa (ср. *um.* pancia < *лат.* pance)
cl > tš, gl > dž		orege < *лат.* auric(u)lae

Таблица 6

«Языки мира»	Sermoni subalpini	Baudolino
Фоносинтаксическое удвоение отсутствует		de la apena *но*: akkanto

Таблица 7

«Языки мира»	Sermoni subalpini	Baudolino
глагольные флексии ***-s*** во 2-м л. ед. и мн. ч.	vols (*совр. пьемонт.* veus) deis fas vos creez	tu vedi parli fatevi

Авторы энциклопедии не отмечают эту черту как присущую пьемонтскому и другим галло-итальянским диалектам. Такое закрытие присутствует в триестинском и диалекте бизиакко, совпадение в наших текстах свидетельствуют о присутствии данной характеристики и в пьемонтском. В форме *siniur* закрывается также и *o* (см. табл. 4).

Консонантизм в пьемонтском представлен различного вида ассимиляциями, среди которых упрощения групп согласных, в том числе геминат, фрикативизация *p, b*, палатализация *k+e> ts> z /s* и *cl>tš, gl>dž* (см. табл. 5).

Фоносинтаксическое удвоение в пьемонтском отсутствует, и Умберто Эко следует этой тенденции, хотя есть и примеры с его присутствием (см. табл. 6).

В области ***морфологии*** автор «Баудолино» не считает нужным проводить такую же последовательную стилизацию, как в области фонетики. Так, например, характерной чертой пьемонтского является обязательное наличие субъекта при глаголе, и, действительно, субъект-местоимение употребляется значительно чаще, чем того требовали бы нормы итальянского языка. Второй отличительной чертой являются сигматические формы второго лица единственного числа по французской модели, что не находит отражение в имитации Эко. По-видимому, следование морфологическим особенностям диалекта затруднило бы понимание текста рядовым читателем, поэтому текст строится на основе морфологии итальянского языка (см. табл. 7).

С точки зрения ***лексических заимствований***, которыми изобилуют «Проповеди», включая и галлицизмы и провансализмы, а также воспроизведение правильных падежных форм, речь Баудолино не богата: можем отметить разве что провансализм *chivaus*. Эко вводит ряд немецких слов, что обусловлено сюжетом и становится основой разного вида

Таблица 8

«Языки мира»	Sermoni subalpini	Baudolino
заимствования	guisa < *франк.* wisa *пров.* bosare < bauzar ‘лжец’ *пров.* eisament < ipsima mente *пров.* aquel < *лат.* accu ille lare CS < *фр.* ladre < *лат.* latro, nis fel CS < *лат.* fello < *фр.* fillo reis CS < *лат.* rex, regem *фр.* montavan e descendean lei < lege *фр.* / *пров.* < lex, legem *фр.* soleil < *нар. лат.* solliculum	chivaus

языковой игры, но не имеет отношения к механизмам реконструкции (см. табл. 8).

СПОСОБЫ АРХАИЗАЦИИ ТЕКСТА

Итак, мы выверили особенности процесса «диалектизации» текста У. Эко по современным описаниям пьемонтского диалекта и сравнили по языковым параметрам с реально существующим историческим документом, восходящим к нужной нам эпохе. Следующий момент, который необходимо рассмотреть – механизмы, которые У. Эко применяет помимо диалектных характеристик для того, чтобы создать у читателя ощущение достоверности эпохи, то есть способами архаизации текста.

Во-первых, конечно, таким средством служит использование латыни, латинизмы многочисленны и в большинстве случаев искажены. Сам герой указывает, что он не умеет писать на латыни, латинские слова появляются окказионально (например, *striga*, *nebula*) часто в оборванном или искаженном виде (*scarsitate*, *caballo*) и как бы в переходном состоянии, например, латинское слово с итальянским окончанием или итальянским артиклем или эпитетом (*parvulo*, *i verba*, *librum latino*). Мальчик колеблется в формах, и в его рассуждении сквозит авторская ирония: «…Non so mai se è equus o equum et sbaglio sempre mentre da noi un caballo è sempre un chivaus et non sbaglio mai perké nesuno scrive Kavallo anzi scrive proprio gnente perké non sa legere»[1] (*U. Eco. Baudolino. C. 10*).

Неуверенность пишущего передается с помощью графической игры – зачеркиваний – например, после неудачных попыток написать число словом, пишущий решил воспользоваться цифрой: ~~cincue~~ ~~quinkue~~ V.

С помощью графической игры с зачеркиваниями и шрифтами Умберто Эко убеждает читателя, что перед ним рукопись середины XII века, написанная на использованном и выскобленном пергаменте (автор якобы украл его в императорской канцелярии). Основной шрифт – это курсив, так как рукопись содержит личные заметки, однако местами мальчику не удается устранить предыдущий слой текста, и тут появляются фрагменты на латыни в готическом шрифте, близком к книжному письму литургических книг в его округлой итальянской разновидности. Интересно, что «Sermoni subalpini» в единственном дошедшем до нас манускрипте записаны именно таким шрифтом. Игру со шрифтами У. Эко развивает дальше: немецкие вкрапления (речь персонажей-германцев – слова и отдельные фразы) напечатаны немецким готическим письмом с изломом, напоминающим шрифт, использовавшийся в Германии еще в XX веке. Острые формы этого шрифта как бы подчеркивают резкое звучание немецких слов, которые, повторяясь в устах Баудолино (курсив), «звучат» намного мягче.

Очень похожа на графику ранних письменных памятников на народных языках и противоречивая неустоявшаяся орфография, а также фонетическое письмо. Так, например, звук [к] передается самыми различными способами: графемами *c*, *k*, *ch* (например, *skrivere*, *schrivere*, *chontenti*), что вполне достоверно и встречается в романских рукописях данного периода, а вот английский диграф *ck* является, конечно, шуткой Умберто Эко: *ocki*, *ginocki*.

Также вполне достоверны и искажения географических названий, призванные подчеркнуть необразованность героя. Можно увидеть метатезу, характерную для просторечия в вариантах *Terdona – Derthona*. Интересно искажение *Cafarnaum* от названия *Capernaum*, в котором можно увидеть возможную фрикативизацию интервокального *p*, однако оно совершенно точно передает звучание древнееврейского варианта названия – *Kfar-Nahum*, что

[1] ну просто чума не вспомню когда он *equus* когда он *equum* а вот у нас в фраскете как скажут Конь то значит Конь а писать никогда не ошибутся потому как никто не пишет потому как никто и читать то не умеет (*пер. Е. Костюкович*).

говорит о том, что ничего случайного в текстах Умберто Эко не бывает.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Соединяя знания ученого-медиевиста и талант романиста-постмодерниста, профессор Эко создал для своего читателя очень точную во многих отношениях имитацию лингвистического документа, допускающего разные уровни прочтения, в том числе и научную интерпретацию, и одновременно популяризирующего его родной пьемонтский диалект, относящийся к пропущенной великим Данте группе галло-итальянских языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бегбедер Ф. Интервью с Умберто Эко и Антонио Табукки // Иностранная литература. № 12. 2016. URL: https://arzamas.academy/mag/628-eco
2. Топорова А.В. Проповедь и проповедники в Италии: от Средних веков к Возрождению. М.: Тезаурус, 2011.
3. Языки мира: Романские языки / редакционная коллегия тома: И. И. Челышева, Б. П. Нарумов, О. И. Романова. М.: Academia, 2001.

REFERENCES

1. Begbeder, F. (2016). Interv'yu s Umberto Eko i Antonio Tabukki = Interview with Umberto Eco and Antonio Tabucchi. Inostrannaya literature, 12. URL: https://arzamas.academy/mag/628-eco (In Russ.)
2. Toporova, A. V. (2011). Propoved' i propovedniki v Italii: ot Srednikh vekov k Vozrozhdeniyu = Preaching and Preachers in Italy: From the Middle Ages to the Renaissance. Moscow: Tezaurus. (In Russ.)
3. Chelysheva, I. I., Narumov, B. P., Romanova, O. I. (2001). Yazyki mira: Romanskie yazyki = Languages of the world: Romance languages. Moscow: Academia. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Школьникова Ольга Юрьевна
доктор филологических наук, профессор
и. о. заведующего кафедрой романского языкознания филологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shkolnikova Olga Yuryevna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Acting Head of the Romance Languages Department, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	27.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	24.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81-114.2

Дискурс сонета в диахронии: лингвостилистические характеристики

К. И. Шпетный

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kon5804@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются сущностные особенности дискурса сонета в исторической перспективе на материале текстов на итальянском, французском, английском и русском языках. Прослеживается история его возникновения в Сицилии в XIII веке и постепенное распространение в Европе в эпоху Возрождения и до Нового времени. Последовательно описываются ведущие структурно-композиционные и когнитивно-стилистические признаки сонета. Лапидарность представлена как дистинктивная характеристика жанра в пяти аспектах.

Ключевые слова: сонет, диахрония, когнитивная стилистика, лапидарность, концепт, метафора, метонимия

Для цитирования: Шпетный К. И. Дискурс сонета в диахронии: лингвостилистические характеристики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 79–86.

Original article

Discourse of the Sonnet in Diachrony: Linguostylistic Features

Constantine I. Shpetny

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kon5804@yandex.ru

Abstract. Basic features of the discourse of the sonnet in Italian, French, English and Russian languages are viewed in the historic perspective since its emergence in the XIII-th century in Cecily followed by its gradual spread in Europe during the Age of Renaissance up to the New Time. The core structural-compositional and cognitive-stylistic peculiarities of the sonnet are consistently revealed. Lapidarity is introduced as the distinctive characteristic of the genre along five aspects.

Keywords: sonnet, diachrony, cognitive stylistics, lapidarity, concept, metaphor, metonymy

For citation: Shpetny, C. I. (2024). Discourse of the sonnet in diachrony: linguostylistic features. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 79–86.

"Η αξιοπρέπεια της συλλαβής πρέπει να είναι σαφής και όχι χαμηλήεν εί"

"Достоинство слога должно быть ясным и не низким"
Ἀριστοτέλης (Περὶ ποιητικῆς / Поэтика, 335 г. до Р. Х.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем исследовании предпринимается попытка диахронического анализа сущностных особенностей дискурса сонета с позиций лингвистической стилистики.

Исследование будет состоять из двух разделов. *Часть I* посвящается рассмотрению истории возникновения жанра сонета на Сицилии и его развития в Италии. *Часть II* обращается к изучению дистинктивных когнитивно-стилистических характеристик сонета при его последующем распространении во Франции, Британии и в России.

По мнению основателя этой отрасли языкознания в России профессора И. Р. Гальперина, «лингвистическую стилистику можно определить как науку о природе особых маркированных элементов, сочетаний особых языковых единиц, способных сообщить дополнительную информацию к основному содержанию высказывания (текста) и об отношении одних средств выражения к другим в данном типе текста» [Гальперин, 1973, с. 19].

Когнитивная стилистика, являясь современным этапом развития лингвистической стилистики, представляется отдельной и самостоятельной областью фундаментальных исследований в языковедческой науке XXI века: «The cognitive power of our mind is predetermined by the level of scientific research» [Galperin, 1968, с. 13].

Когнитивная стилистика «ставит своей задачей комплексное описание речевых средств передачи ментальных сущностей – процессов и состояний, которые связаны с переработкой основной концептуальной и дополнительной информаций в данном типе текста / дискурса» [Шпетный, 2019, с. 380].

Изучение дистинктивных особенностей дискурса сонета в лингвостилистическом аспекте представляется весьма актуальным, поскольку он является малоизученным и его исследование предполагает привлечение оригинальных текстов сонетов на разных языках.

Следует подчеркнуть, что труды различных авторов, посвященные изучению особенностей сонета как в России, так и за рубежом, носят преимущественно или исключительно литературоведческий характер.

Как отмечает известный американский писатель, издатель и переводчик Уильям Баер (William Baer, 1948–), «The sonnet is one of the distinguishing cultural markers of western civilization. Throughout our literary past, the sonnet has been used by our greatest poets – from Petrarch and Shakespeare to Borges and Auden. Now, in the twenty-first century, after a period of general dismissal in the latter decades of the twentieth century, the sonnet is in the midst of an extraordinary revival and has once again returned to the center of the literary landscape» [Baer, 2005].

И. Р. Гальперин в работе «An Essay in Stylistic Analysis» предлагает образец концептуально-содержательного лингвостилистического анализа дискурса сонета на примерах четырех текстов[1] [Galperin, 1968].

В своем исследовании С. А. Андреева привлекает текст сонета английского поэта и художника Данте Габриэля Россетти (Dante Gabriel Rossetti, 1828–1882) «For the Wine of Circe» (1869) и «изучает связи между поэтическими произведением и живописным полотном, которые принадлежат одному и тому же автору» [Андреева, 2015, с. 37]. Автор опирается при этом на диссертационное исследование Е. В. Первенцевой о трех функциях визуальной составляющей формирования смысла художественного дискурса, именно «якорной, когерентной и аддитивной» [Первенцева, 2007].

М. Ю. Десятова в статье о сицилийской литературно-письменной традиции предлагает обзор основных письменных источников XIV–XV веков, «по которым можно изучать историю сицилийского языка и литературы, и делается попытка классификации произведений с учетом их языковых и жанровых особенностей». Однако в данной работе не затрагиваются *per se* лингвистические характеристики дискурса сонета [Десятова, 2014, с. 36], как и в работе А. А. Гордеевой «Миф об Актеоне в английской петраркистской лирике», которая также носит литературоведческий характер [Гордеева, 2018].

ОСНОВНЫЕ КОГНИТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДИСКУРСА СОНЕТА

Зарождение дискурса сонета происходит в эпоху раннего Ренессанса в Италии на острове Сицилия в XIII веке, и в дальнейшем он получает распространение на пространстве европейского Возрождения.

Название исследуемого жанра проистекает из итальянского термина *sonetto*, которое является производным от слова *suono* – *рус.* звук, звучание, тон[2].

[1] W. Shakespeare. Sonnets 21, 90, 24, 66.

[2] Большой итальянско-русский и русско-итальянский словарь. 380 000 слов и словосочетаний с практической транскрипцией / сост.: И. В. Забазная, А. Е. Ковач. М.: Интеллект-книга ; Хит-Книга, 2022.

Создатель сонетной формы Джакомо да Лентини (Giacomo da Lentini, ок. 1210 – ок. 1260, подробнее см. ниже) нередко подражает провансальским трубадурам, но он отказывается от провансальского языка, на котором нередко писали его современники, ради родного диалекта. Одновременно он привносит в поэзию мотивы, тональность и стиль народной итальянской лирики.

Трубаду́ры (*фр.* troubadour*, мн. ч.* troubadours) были средневековыми поэтами-музыкантами (инструменталистами и певцами), преимущественно из Окситании. Творчество трубадуров охватывает период с конца XI до XIII веков, и его расцвет пришелся на XII – начало XIII веков. Трубадуры слагали свои стихи на провансальском языке, на котором говорили в некоторых регионах современной Южной Франции.

Творчество трубадуров оказало существенное влияние на структурно-содержательное и стилистическое становление дискурса сонета.

Можно выделить три основных концептуальных этапа в становлении и развитии данного типа текста: итальянский сонет (XIII–XIV века), французский сонет (XIV–XVI века), английский сонет (XV–XVII века). Расцвет сложившегося жанра приходится на период позднего Возрождения в Европе. В последующее время интерес к сонету начинает ослабевать, однако он по-прежнему продолжает привлекать к себе внимание поэтико-философской мысли и в более позднее время, вплоть до XX–XXI веков.

Сонетный канон был в новое время кратко описан одним из представителей немецкого романтизма в литературе Августом Вильгельмом Шлегелем (*нем.* August Wilhelm von Schlegel, 1767–1845) [Брокгауз, 2013].

С когнитивной и структурно-композиционной точек зрения дискурс сонета итальянского Ренессанса представляет собой поэтическое произведение лирико-философского концептуального содержания со строго фиксированной формой, включающей в себя 14 строк: октавы (два катрена / четверостишия в восемь строк) и два терцета / трехстишия в шесть строк) с моделью рифмования abab abab cde cde.

Стихотворный размер сонета в четырнадцать строк сохраняется неизменным вплоть до настоящего времени, при этом его структурно-композиционное членение на протяжении веков видоизменялось у авторов-создателей, которые творили на различных языках и в разных культурах.

Как отмечает З. И. Плавскин, жанр сонета характеризуется особой устойчивой системой рифмовки: «…в классическом сонете: перекрестная или, предпочтительней, охватная рифма в катренах, несколько более разнообразная схема рифмовки в терцетах); постоянный размер (обычно это наиболее распространенный в национальной поэзии размер: пяти- или шестистопный ямб в русской, немецкой, голландской, скандинавской поэзии; пятистопный – в английской; одиннадцатисложный стих – в Италии, Испании и Португалии; так называемый александрийский стих – двенадцатисложный с цезурой посредине – в классическом французском сонете)» [Плавскин, 1988, с. 3–4].

Размышляя о логико-философском компоненте дискурса сонета, Иоганнес Р. Бехер в своей статье «Философия сонета, или Маленькие наставления по сонету» утверждает, в частности, что «в сонете на минимальной площади концентрируется наибольшая поэтическая сила и что слова – «мастеру нужен лишь минимум средств» – стали наивысшим принципом для сонета» [Бехер, 1965, с. 191].

Отмеченную особенность дискурса сонета можно обозначить термином *лапидарность* (*лат.* lapidarius – каменный, присущий надписям на камне).

Лапидарность дискурса сонета следует отнести к его дистинктивной когнитивно-стилистической характеристике. Она означает краткость, сжатость, выразительность слога и стиля речевого высказывания и может рассматриваться в пяти аспектах: когнитивном, структурно-композиционном, семантическом, стилистическом и прагматическом.

ИТАЛЬЯНСКИЙ СОНЕТ

Разработка исходных лингвостилистических и структурно-композиционных оснований жанра сонета принадлежит Джакомо да Лентини – известному итальянскому витии сицилийской школы поэзии первой половины XIII века при дворе Императора Священной Римской Империи Фредерика II (Frederick II, 1194–1250, см. рис. 1).

Рис. 1. Giacomo da Lentini. Detail in the mural of the National Central Library in Florence

Ниже приводим текст сонета 26 Джакомо да Лентини, написанного на сицилийском диалекте итальянского языка.

Giacomo da Lentini. XIII secolo
Sonetto 26

A l`aire claro o̓ vista ploggia dare,
ed a lo scuro rendere clarore;
e foco arzente ghiaccia diventare,
e freda neve render calore;

e dolze cose molto amareare,
e de l`amare rendere dolzore;
e dui guerreri infin a pace stare,
e `ntra dui amici nascereci errore.

Ed o̓ vista d`Amor – cosa più forte,
ch`era feruto e sanòmi ferendo,
lo foco donde ardea stutò con foco;

la vita che mi dè fue la mia morte,
lo foco che mi stinse ora ne `ncendo,
d`amor mi trasse e misemi in su' loco.

Размер сонета 26 (word count) Джакомо да Лентини составляет 92 слова. Рифмовка данного дискурса представляется моделью **abab abab cde cde.**

Обратимся к анализу основных концептов этого дискурса.

1-я строфа:

l`aire claro – прозрачный воздух
vista ploggia – прекрасный вид
dare – дароваться
scuro – темнота
rendere – даваться, производить
clarore – прояснение
foco – пламя, молния
ghiaccia – лед
diventare – превращаться
freda – холод
neve – снег
render – придавать
calore – тепло

Лапидарный концептуальный набор 1-й строфы сонета позволяет читателю / слушателю ощутить метафорический образ живой и меняющейся природы вечной жизни, транспонируя ее на события личной судьбы отдельного человека.

Обращает на себя внимание особая форма когерентности 1-й и 2-й строф посредством фразоначального союза *e*: шесть строк 1-й и 2-й строф открываются одним и тем же союзом, что воспроизводит особый эффект мелодичности и напевности нарратива и одновременно придает ему некую дополнительную ораторскую интонацию, предполагающую, очевидно, публичное озвучивание поэтического произведения.

Во 2-й строфе выделяется стилистически значимый повтор *amareare* (*горький*) и *amare* (*горечь*, *перен.* обида) в антиномии с *dolzore* (*блаженство*), а также противопоставление *guerreri* (*враги*) и *amici* (*друзья*). Таким образом, 2-й катрен построен также на базе стилистико-когнитивного приема антитезы.

В 1-м терцете также можно встретить морфологический повтор *feruto* (*рана*) и *ferendo* (*ранить*) и другой уже повтор слова *foco* (*пламя*, *молния*, *огонь*), который перекликается с 1-й строфой. В целях эмоционального усиления здесь также использован стилистической прием аллитерации.

2-й терцет является заключением к основной концептуальной идее всего дискурса: *vita* (*жизнь*) в противопоставлении к *morte* (*смерть*) при испытании человека страданиями любви: *d`amor mi trasse e misemi in su' loco*.

Сонет 26 Джакомо да Лентини представляется неким лирико-философским манифестом, или каноном для авторов сонета. На выделяемых пяти уровнях лапидарного дискурса – когнитивном, структурно-композиционном, семантическом, стилистическом и прагматическом –отчетливо прослеживается использование автором принципов и речевых приемов компрессии формы и содержания, чтобы придать тексту стилистическую выразительность особого поэтического артефакта.

Имя Джакомо да Лентини многократно встречается в трудах другого известного итальянского поэта и одного из основоположников литературного итальянского языка Данте Алигьери (Dante Alighieri, 1265–1321, см. рис. 2) [Итальянская поэзия, 2000].

Рис. 2. Dante Alighieri

Ниже следует текст сонета 22 Данте Алигьери.

Dante Alighieri. XIII secolo
Sonetto XXII

Tanto gentile e tanto onesta pare
la donna mia, quand'ella altrui saluta,
ch'ogne lingua devèn, tremando, muta,
e li occhi no l`ardiscon di guardare.

Ella si va, sentendosi laudare,
benignamente d'umiltà vestuta,
e par che sia una cosa venuta
da cielo in terra a miracol mostrare.

Mostrasi sì piacente a chi la mira
che dà per li occhi una dolcezza al core,
che 'ntender no la può chi no la prova;

e par che de la sua labbia si mova
un spirito soave pien d'amore,
che va dicendo a l'anima: Sospira.

Приводим своеобразную рифмовку данного сонета: **abba abba cde edc**.

В приведенном тексте сонета Данте Алигьери можно заметить определенный сдвиг в когнитивном содержании дискурса – в сторону значительно меньшего акцента на философское осмысление окружающей действительности и придание нарративу подчеркнуто любовно-романтического настроения и чувственного восторга. Данная тенденция в дальнейшем закрепится как одна из ведущих особенностей дискурса Сонета.

Об этом здесь свидетельствует основной состав лирикосодержащих концептов с опорой на возвышенную литературную лексику. В дискурсе автора также начинают явственно звучать христианские мотивы и используется евангельская лексика.

1-я строфа:

gentile – нежный, приятный
onesta – целомудрие, скромность
la donna mia – Мадонна
salute – приветствую
ch`ogne – огонь
tremando – дрожащий
muta – смена, изменение

2-я строфа:

sentendosi – чувство, восторг
benignamente d'umiltà – добросердечие смирения
una cosa – нечто
da cielo in terra – небо на земле
miracol mostrare – показывать чудо

3-я строфа:

mostrasi si piacente – любезно показать
occhi una dolcezza al core – сладость глаз и сердца

4-я строфа:

un spirito soave pien d'amore – учтивый дух любви
va dicendo a l'anima – говорит душе
Sospira – вздохни

Лингвостилистические средства и приемы в сонете Данте Алигьери, именно эпитеты, метафорические сравнения и олицетворение, зримо обогащают его концептуальную составляющую и также способствуют усилению прагматической компоненты текста: передаче чувств и страданий влюбленного сердца средневекового европейца.

В сонетных дискурсах Франческо Петрарки (Francesco Petrarca, 1304–1374, см. рис. 3) очевидно дальнейшее развитие ренессансного мировоззрения. «Как поэт Петрарка не только синтезирует художественные завоевания всей предшествующей эпохи — от провансальских трубадуров до Данте, но и выступает зачинателем новой европейской поэзии», – отмечает исследователь [Плавскин, 1988, с. 8].

Рис. 3. Francesco Petrarca

Главное произведение Франческо Петрарки, написанное на родном для него итальянском языке, – это двухчастный сборник сонетов и канцон, посвященных возлюбленной им Лауре *la vita e la morte di Madonna Laura* (*на жизнь и на смерть мадонны Лауры*) и традиционно называемый *Il Canzoniere* (*ит. букв.* 'Песенник'), или *Rime Sparse*, или *лат.* Rerum vulgarium fragmenta. Книга увидела свет в конце его жизни. В сборнике представлены разножанровые дискурсы – канцоны, баллады, секстины, мадригалы, но подавляющее большинство поэтических текстов – это сонеты. Их всего 317, и они обретают здесь современную каноническую форму.

Центральным концептом в книге *Il Canzoniere* является *любовь*, поскольку предметом поэтического осмысления мира у автора было его нежное чувство к мадонне Лауре, возникшее при первой встрече 6 апреля 1327 года и не угасавшее до ее кончины в тот же день в 1348 году.

Приводим в качестве примера дискурс сонета 272.

Francesco Petrarca. XIV secolo
Sonetto CCLXXII

La vita fugge, et non s'arresta una hora,
et la morte vien dietro a gran giornate,
et le cose presenti et le passate
mi dànno guerra, et le future anchora;

e 'l rimembrare et l'aspettar m'accora,
or quinci or quindi, sí che 'n veritate,
se non ch'i' ò di me stesso pietate,
i' sarei già di questi penser' fòra.

Tornami avanti, s'alcun dolce mai
ebbe 'l cor tristo; et poi da l'altra parte
veggio al mio navigar turbati i vènti;

veggio fortuna in porto, et stanco omai
il mio nocchier, et rotte arbore et sarte,
e i lumi bei che mirar soglio, spenti.

Структурно-композиционное построение данного дискурса сохраняет преемственность с итальянским типом этого текста, равно как и характерную для него модель рифмования – **abba abba cde cde**.

Сонет для Франческо Петрарки – это концептуальная форма образно-аллегорического рассказа о земной и небесной любви в человеке, о торжестве целомудрия, о победе жизни над смертью, о призвании человека к вечности.

Уже в 1-й строке дискурса формулируется основной посыл текста: *La vita fugge – жизнь мимолетна*, и *ее не остановить ни на мгновение – non s'arresta una hora*. 2-я строка первого катрена сразу открывается антитезой *la morte*, которая подступает незаметно сзади – *vien dietro a gran giornate*, и жизнь, точнее главное ее дело – *le cose* – приходит и уходит, борьба и сейчас и в будущем продолжается – *mi dànno guerra, et le future anchora*.

Дистинктивный признак дискурса сонета – когнитивная лапидарность – проявляется через вполне преемственное звучание темы «жизнь – смерть», которая сопровождается философскими концептами «время» и «борьба». Стилистический прием аллитерации – *quinci or quindi* – здесь и там подкрепляется почти фольклорными конструкциями во 2-м катрене. Предложение *se non ch'i' ò di me stesso pietate* (*если я не жалею себя / я не могу на самого себя рассчитывать*) свидетельствует об обращении смиренного автора к Высшим силам, которые управляют судьбами людей в этом мире.

Оба терцета представляют собой одну развернутую метафору: путь человека уподобляется плаванию на ладье по волнам жизни, когда утлое судно настигает грозная буря, шквалы ветра губят мачту и паруса и нет надежды на спасение. Франческо Петрарка создает полный экспрессии образ личной человеческой драмы. Особый ритмический рисунок терцетов порождает живописную и почти явно слышимую

звуковую картину трагедии несостоявшейся судьбы личности, сопровождаемой едва ли не звоном колоколов *mai – omai*, *parte – sarte*, *venti – spenti*. Не случайно известный русский ученый А. Н. Веселовский назвал книгу Франческо Петрарки *Il Canzoniere* «поэтической исповедью» [Веселовский, 1939].

Франческо Петрарка создал совершенную художественную форму итальянской сонетной философии и лирики, которую отличают композиционная, семантическая, стилистическая точность и выразительность лапидарного слога.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гальперин И. Р. О понятиях «стиль» и «стилистика» // Вопросы языкознания. 1973. № 3. С. 14–25.
2. Шпетный К. И. Об основаниях когнитивной стилистики. Вестник МГЛУ, Гуманитарные науки. Выпуск 1 (817), 2019. С. 370–382.
3. Galperin I. R. An essay in stylistic analysis. Издательство «Высшая школа», 1968.
4. Baer W. (ed.). Sonnets: 150 Contemporary Sonnets. University of Evansville, Indiana, 2005.
5. Андреева С. А. Диалог вербального и визуального: художник и слово (на материале сонета Д. Г. Россетти «Вино Церцеи» и одноименной картины Э. Бёрн-Джонса). Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 11 (730). С. 37–44.
6. Первенцева Е. В. Смысловое пространство художественного дискурса и роль визуальной составляющей в ее формировании (на материале англоязычной художественной прозы): дис. … канд. филол. наук. М., 2007.
7. Десятова М. Ю. Начальный этап сицилийской литературно-письменной традиции. Вестник ПСТГУ. III. Филология. 2014. Вып. 2 (37). С. 36–54.
8. Гордеева А. А. Миф об Актеоне в английской петраркистской лирике». Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 212–226.
9. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М.: Рипол Классик, 2013.
10. Плавскин З. И. Четырнадцать магических строк. В кн.: Западноевропейский сонет XIII–XVII веков: Поэтическая антология / сост.: А. А. Чамеев и др. ; авт. вступ. ст. З. И. Плавскин. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. С. 3–28.
11. Бехер И. Р. Философия сонета, или Маленькое наставление по сонету // Вопросы литературы. 1965. №10. С. 190–208.
12. Итальянская поэзия в переводах Евгения Солоновича / Poeti Italiani tradotti da Evgenij Solonovich: сборник. М.: Радуга, 2000.
13. Francesco Petrarca. Canzoniere (Rerum vulgarium fragmenta). XIV secolo. Edizione: “Il Canzoniere” di Francesco Petrarca a cura di Gianfranco Contini Edizione Einaudi, 1964.
14. Веселовский А. Н. Избранные статьи / под общ. ред. М. П. Алексеева и др. ; вступ. ст. В. М. Жирмунского. Л.: Художественная литература, 1939.

REFERENCES

1. Gal’perin, I. R. (1973). O ponyatiyah «stil’» i «stilistika». Voprosy yazykoznaniya = About the concepts of “style” and “stylistics”. Topics in the Study of Language. (In Russ.)
2. Shpetny, C. I. (2019). On the basics of cognitive stylistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1 (817), 370–382. (In Russ.)
3. Galperin, I. R. (1968). An essay in stylistic analysis. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Baer, W. (ed.). (2005). Sonnets: 150 Contemporary Sonnets. University of Evansville, Indiana.
5. Andreeva, S. A. (2015). Dialogue of verbal and visual: the artist and the word (based on D. G. Rossetti’s sonnet “The Wine of Cercea” and the painting of the same name by E. Burne-Jones). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(370), 37–44. (In Russ.)
6. Pervenceva, E. V. (2007). Smyslovoe prostranstvo hudozhestvennogo diskursa i rol’ vizual’noj sostavlyayushchej v ee formirovanii (na materiale angloyazychnoj hudozhestvennoj prozy) = The semantic space of artistic discourse and the role of the visual component in its formation (based on the material of English-language fiction): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Desyatova, M. Ju. (2014). The initial period of literary written tradition in Sicilian (XIV–XV cc.). St. Tikhon’s University Review. Series III: Philology. 2 (37), 36–54.

8. Gordeeva, A. A. (2018). Actaeon Myth in English Petrarch Lyrics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 16(811), 212–226. (In Russ.)
9. Brockhaus, F. A. (2013). Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona = Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron. Moscow: Ripol Klassik. (In Russ.)
10. Plavskin, Z. I. (1988). Chetyrnadcat' magicheskih strok = Fourteen magic lines. V kn.: Zapadnoyevropeyskiy sonet XIII–XVII vekov: Poeticheskaya antologiya = The Western European Sonnet of the XIII–XVII centuries: A poetic Anthology. Moscow: Izdetel'stvo Leningradskogo Universiteta. (In Russ.)
11. Becher, I. R. (1965). Filosofiya soneta, ili Malen'koe nastavlenie po sonetu = Philosophy of the sonnet, or a short instruction on the sonnet. Voprosy literatury (Problems of Literature). (In Russ.)
12. Poeti Italiani tradotti da Evgenij Solonovich. (2000). Moscow: Raduga.
13. Petrarca, Francesco. (1964). Canzoniere (Rerum vulgarium fragmenta). XIV secolo. Edizione: «Il Canzoniere» di Francesco Petrarca a cura di Gianfranco Contini. Edizione Einaudi.
14. Veselovskij, A. N. (1939). Izbrannye stat'I = Selected articles. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шпетный Константин Иванович
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shpetny Constantine Ivanovich
PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of English Stylistics
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	11.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.42

CC BY

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Дискурсивные характеристики франкоязычной интернет-коммуникации

О. А. Быкова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
bykoolya@yandex.ru

Аннотация. Интернет-дискурс представляет собой сложное социокультурное явление, оказывающее влияние на современную коммуникацию. Он образует особую среду для общения и обмена информацией, предоставляя уникальные возможности для социализации и инкультурации пользователей. В статье предпринимается попытка обобщить и рассмотреть ключевые особенности франкоязычного сегмента интернет-дискурса, а именно: характер реализации социальных ролей, гибридность (полифонию, письменно-устный характер, интердискурсивность, гипертекстуальность), пространственно-временные параметры.

Ключевые слова: интернет-дискурс, интернет-общение, интернет-коммуникация, типология дискурса, гибридность

Для цитирования: Быкова О. А. Дискурсивные характеристики франкоязычной интернет-коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 87–92.

Original article

Discursive Features of French-Language Internet Communication

Olga A. Bykova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
bykoolya@yandex.ru

Abstract. Internet discourse is a complex sociocultural phenomenon that influences modern social dynamics and communication practices. It creates a special environment for communication and information exchange, providing unique opportunities for socialization and enculturation of its users. The article attempts to summarize and consider the key features of the French segment of Internet discourse, such as: the special nature of the implementation of social roles, its hybridity (polyphony; written / oral nature; interdiscursivity; hypertextuality); spatiotemporal parameters.

Keywords: Internet-discourse, internet communication, computer-mediated communication, typology of discourse, hybridity

For citation: Bykova, O. A. (2024). Discursive features of French-language Internet communication. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 87–92.

ВВЕДЕНИЕ

В рамках дискурс-анализа и современного подхода к исследованию языкового материала приобретает важность изучение различных типов дискурса, которые рассматриваются как особые социальные конструкты, не только обладающие лингвистическими особенностями, но и создающие особую социальную реальность, собственную дискурсивную парадигму. Интернет-дискурс выделяется на основании платформы, на которой происходит коммуникативное взаимодействие. Несмотря на то, что первоочередная функция этой платформы – хранение и обмен информацией, сегодня Интернет рассматривается как особая сфера социальной жизни, так как информационное пространство неразрывно связано с социальным пространством (являясь подпространством социального пространства), под которым в социологии коммуникации подразумевается «форма существования общества и совершения событий в социальном мире» [Горошко, 2012, с. 37].

Таким образом, интернет-дискурс представляет собой сложное социокультурное явление, формирующее особую дискурсивную среду, основными признаками которой становятся гибридность и гетерогенность. С одной стороны, он заимствует модели и сценарии реального общения, с другой – создает собственные жанры, а также модели и сценарии речевого взаимодействия. Е. В. Горина характеризует интернет-пространство как глобальное дискурсивное образование, имеющее составной характер и формирующееся из множества субдискурсов [Горина, 2016].

Рассмотрим подробнее группы дискурсообразующих характеристик интернет-коммуникации.

ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС КАК ОСОБАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Статусно-ролевые динамики из реального мира отражены в виртуальном пространстве лишь частично, что приводит к особому распределению в интернет-коммуникации социальных ролей.

С одной стороны, такие жанры как личная переписка в социальных сетях или общение по электронной почте в большей степени институционализированы и перенимают дискурсивные практики реальной коммуникации. С другой стороны, демократичность и открытость интернет-пространства приводит к статусному равноправию участников, которое Е. Н. Галичкина выделяет в качестве одного из конститутивных признаков интернет-общения [Галичкина, 2001]. Электронная коммуникация также характеризуется анонимностью, что приводит к переосмыслению и перераспределению социальных ролей: тот, кто в реальной жизни может не занимать ведущие позиции, в онлайн-сообществе может стать лидером и наоборот.

Кроме того, интернет-дискурс гибриден и с позиции классификации типов дискурса, предложенной В. И. Карасиком (персональный / личностно ориентированный и институциональный / статусно ориентированный). И. Г. Сидорова подчеркивает, что современная интернет-коммуникация открывает совершенно новые возможности для коммуникативного взаимодействия, что приводит к размыванию границ между традиционным представлением о персональном и институциональном дискурсах. Исследователь справедливо отмечает, что на пересечении институционального и виртуального дискурса формируется персональный интернет-дискурс, который реализуется через такие коммуникативные жанры, как персональные сайты, личные блоги, социальные сети и интернет-комментарии [Сидорова, 2014].

О. В. Лутовинова предлагает расширенную типологию – моделирование интернет-общения с позиции институционального / персонального характера:

1) личностно ориентированный (бытовой) реальный дискурс, где одним из каналов связи выступает Интернет;
2) институциональный реальный дискурс, где также одним из каналов связи выступает Интернет;
3) виртуальный бытовой дискурс;
4) виртуальный институциональный дискурс [Лутовинова, 2009].

Подобный подход делает возможной классификацию жанров интернет-дискурса с позиции дихотомии институционального / персонального общения.

Интернет-дискурс играет важную роль в социокультурной адаптации и социализации пользователя, которая, согласно О. В. Лутовиновой, является наиболее важной функцией интернет-общения [Лутовинова, 2009]. Действительно, онлайн-среда представляет собой особое социокультурное пространство, практики которого переносятся и в реальное общение. Поэтому интернет-коммуникация выполняет еще одну существенную функцию – инкультурацию интернет-пользователя, которая обеспечивается осознанием и усвоением реалий данной среды.

Так, в примере на рисунке 1 автор сообщения использует хэштег GGWP (*good game, well played*) из сферы видеоигр, функционирующий как в интернет-среде, так и в реальной коммуникации как иронический антифразис. В данном контексте автор употребляет его для выражения осуждения, негативной оценки политики, проводимой государством в сфере

образования. Заимствованное из англоязычного сегмента Интернета сокращение служит маркером, позволяющим верно интерпретировать содержание текста. Но для этого читатель должен владеть соответствующим культурным кодом.

Рис. 1

Помимо владения культурным и языковым кодом, согласно И. А. Смольянниковой, участники интернет-общения должны обладать определенным набором компетенций, которые можно охарактеризовать как социально-значимые: знание фактического материала, т. е. технического функционирования устройства; знание норм и традиций (веб-этикета); владение определенным набором социальных и ситуативных ролей; умением выбрать вербальное поведение в соответствии с исполняемой ролью; знанием правил паралингвистического поведения [Смольянникова, 2003].

УЧАСТНИКИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Значительное влияние на гетерогенную социальную природу интернет-дискурса играет идентичность участников интернет-коммуникации, которую исследователи обозначают термином «виртуальная языковая личность». Этот образ, порожденный реальной языковой личностью и используемый коммуникантом в целях самопрезентации, включает динамические элементы, которые влияют на процессы коммуникации и восприятие информации. Возможность «примерять» разные идентичности, адаптируя их характеристики к целям и условиям общения, выражается на разных уровнях: от выбора «псевдонима» – никнейма – до конкретных речевых стратегий (например, троллинга).

Так, «визитной карточкой» пользователя становится никнейм и аватар, которые могут быть как выражением его реальной идентичности, так и вымышленными, искусственно созданными – для сохранения и поддержания анонимности, акцентирования различных аспектов идентичности (см. рис. 2), реализации людической потребности и стремления к лингвокреативности (см. рис. 3) и т. д.

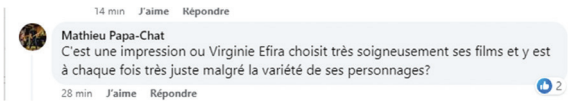

Рис. 2

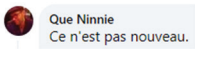

Рис. 3

Вместе с тем часто взаимодействие носит полностью анонимный характер: например, в комментариях интернет-пользователи далеко не всегда знакомятся с профилем человека, с которым они вступают в дискуссию, и реагируют лишь на содержание сообщения. В действительности языковая личность представлена в интернет-пространстве прежде всего текстами, которые она публикует. Соответственно, у коммуникантов зачастую отсутствует информация о собеседнике, что и упрощает, и одновременно затрудняет процесс коммуникативного планирования и мониторинга.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЯ

Гипертекстуальность или нелинейность организации информации в Интернете, многомерность интернет-пространства, которую исследователи выделяют в качестве одной из основных дискурсообразующих характеристик интернет-коммуникации проявляется не только на уровне восприятия информации, но и на уровне организации коммуникативного взаимодействия. Например, рисунок 4 иллюстрирует, как один из интернет-пользователей упоминает в своем комментарии имя другого пользователя, побуждая его таким образом присоединиться к коммуникации. Последний в таком случае получает уведомление о том, что его приглашают ознакомиться с информацией и отреагировать на нее.

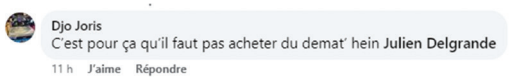

Рис. 4

Нелинейность коммуникативного взаимодействия проявляется также в возможности участвовать в нескольких подразговорах одновременно, как показано на рисунке 5.

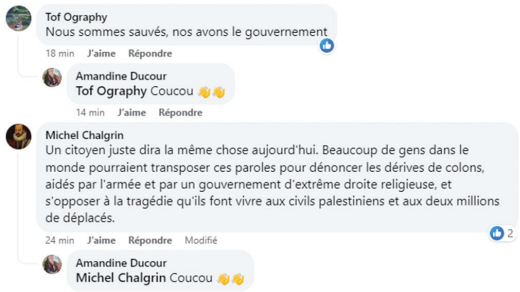

Рис. 5

Кроме того, важной характеристикой интернет-общения является возможность синхронной и асинхронной коммуникации. К единому

пространственно-временно́му континууму Интернета каждый может подключиться в любой момент, получить информацию и оставить отклик, приняв участие в его формировании, изменив его своим присутствием [Назарова, 2010].

Эта особенность предоставляет коммуникантам множество возможностей, которые неосуществимы в реальной интеракции: параллельно общаться с несколькими собеседниками; одновременно высказываться по теме, не соблюдая принцип поочередного вступления в разговор; совершать одновременно несколько коммуникативных действий; брать паузу с сохранением прогресса в коммуникации; вернуться к содержанию беседы спустя некоторое время и проанализировать свои реплики или реплики других интерактантов.

Однако Д. Кристал справедливо отмечает, что даже применительно к синхронной коммуникации невозможно говорить о полной идентичности общения лицом к лицу и интернет-коммуникации. Сообщения, отправленные посредством компьютера, являются полными и однонаправленными. Когда мы пишем сообщение кому-то, мы набираем его постепенно, однако наш собеседник получает его целиком и не может следить за его развертыванием, а мы – за его реакцией, и, соответственно, оценить успешность или неуспешность речевого акта [Crystal, 2006].

ГИБРИДНОСТЬ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Помимо гибридности на уровне реализации социальных ролей и на уровне конфигурации коммуникативного взаимодействия, дискурс гибриден и с точки зрения других характеристик.

1. Интернет-дискурс характеризуется высокой степенью ***полифоничности***, это «многоголосный» дискурс, где различные социальные группы и отдельные индивиды выражают свои убеждения, точки зрения и идеологии. Разные культурные контексты и идентичности сливаются в полифоническом дискурсе, формируя богатую и динамичную коммуникативную среду. Действительно, объединяя людей из разных культурных контекстов, виртуальная среда преобразует интернет. В результате интернет-дискурс становится транскультурной площадкой для взаимодействия и соприкосновения различных культурных перспектив.

2. Интернет-дискурс представляет ***собой синтез устной и письменной форм коммуникации***. Безусловно, эта характеристика относится лишь к некоторым жанрам интернет-дискурса, где есть возможность синхронной коммуникации и отсутствует институциональное регулирование, а соответственно, снижены требования к нормативности высказывания.

Г. Н. Трофимова отмечает: «В средствах электронной коммуникации инкорпорированы обе формы речи – и устная, и письменная. <…> Письменная фиксация устной формы привела к возникновению <…> попытки передать все особенности разговорной фразы, особенности произношения и интенсивности тона (“звуковое письмо”)» [Трофимова, 2004, с. 196].

Так, в примере на рисунке 6 автор сообщения использует языковые средства, свойственные устному общению (восклицание, междометие *pfffff*, номинативное предложение), а также фонетическое письмо (*tt*).

Рис. 6

Гибридность в интернет-дискурсе усиливается и в силу разнообразия технических возможностей коммуникации. Участники могут использовать различные средства выражения, такие как текст, графика, аудио и видео, для создания более комплексных коммуникативных сообщений.

Во многих речевых произведениях интернет-дискурса наблюдается смешение стилей и регистров. Наиболее яркий пример – это социальные сети, где пользователи практически не ограничены в выборе контента.

В примере (см. рис. 7), взятом со страницы France Inter, гибридность прослеживается на разных уровнях:

Рис. 7

– смешения бытового и институционального дискурса (так как автором инициирующего сообщения является медиагруппа France Inter, а в комментариях вступают в интеракцию уже отдельные пользователи);
– средств выражения (так, в инициирующем сообщении используется креолизованный текст, аудиовизуальный и текстовый каналы передачи информации, а также гипертекстовая ссылка);
– стилей (нейтрального в статье и комментариях некоторых пользователей (L1) и разговорного (L2)).

3. Интернет-дискурсу присуща категория интердискурсивности, так как в диалогическое соприкосновение приходят дискурсивные системы, такие как: когнитивные системы мышления, культурные коды, коммуникативно-речевые стратегии [Чернявская, 2007]. Интердискурсивность интернет-пространства определяется, с одной стороны, сосуществованием в нем различных социальных сфер, с другой стороны, большей свободой выражения и меньшими структурными, жанровыми, стилевыми и иными ограничениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интернет-дискурс представляет собой сложное, многоаспектное социокультурное явление, которое оказывает значительное воздействие на современные коммуникативные и культурные практики. Этот тип дискурса является интересным и перспективным объектом для изучения в силу его уникальных характеристик, которые в первую очередь определяются гибридностью интернет-коммуникации.

Интернет-коммуникация является важным инструментом социализации и инкультурации, в ней формируется особый культурный код, который проникает и в реальное общение. Гибридность, в частности, проявляется на уровне реализации социальных ролей, что приводит к стиранию различий между институциональной и персональной коммуникацией в большинстве интернет-жанров.

На коммуникативном уровне интернет-дискурсу свойственны: многомерность, которая реализуется не только в гипертекстуальности, но и в комплексном, нелинейном характере конфигурации коммуникативного взаимодействия, а также полифоничность и поликодовость, интердискурсивность, синтез характеристик устной и письменной форм коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горошко Е. И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация М.: ФЛИНТА : Наука, 2012. С. 9–53.
2. Горина Е. В. Подходы к анализу дискурса Интернета // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2 ч. Ч. 2. С. 73–76.
3. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дис. … канд. филол. наук. Астрахань, 2001.
4. Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров пресонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2014.
5. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена, 2009.
6. Смольянникова И. А. Формирование иноязычной компетенции в социокультурном пространстве диалога: дис. … канд. пед. наук. М., 2003.
7. Назарова Л. В. Гипертекст и интернет-дискурс // Текст – дискурс. Гипертекст – интернет-дискурс: сборник научных статей. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2010. С. 118–141.
8. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge University Press, 2006.
9. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М.: Изд-во РУДН, 2004.
10. Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сборник научных статей. Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2007. С. 22–23.

REFERENCES

1. Goroshko, E. I. (2012). Sovremennaya internet-kommunikaciya: struktura i osnovny`e parametry0` = Modern Internet communication: structure and main parameters. In Internet-kommunikaciya kak novaya rechevaya formaciya (pp. 9–53). Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.)

2. Gorina, E. V. (2016). Approaches to Internet discourse analysis. Philology. Theory & Practice (part 2), 3(57), 73–76. Tambov: Gramota. (In Russ.)
3. Galichkina, E. N. (2001). Specifika komp'yuternogo diskursa na anglijskom i russkom yazykah (na materiale zhanra komp'yuternyh konferencij) = The specifics of computer discourse in English and Russian (based on the genre of computer conferences): PhD in Philology. Astrakhan. (In Russ.)
4. Sidorova, I. G. (2014). Kommunikativno-pragmaticheskie xarakteristiki zhanrov presonal`nogo internet-diskursa (sajt, blog, social`nayaset`, kommentarij) = Communicative and pragmatic characteristics of genres of presonal Internet discourse (website, blog, social network, comment): PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
5. Lutovinova, O. V. (2009). Lingvokul`turologicheskie xarakteristiki virtual`nogo diskursa = Linguistic and cultural characteristics of virtual discourse. Volgograd: Peremena.
6. Smol`yannikova, I. A. (2003). Formirovanie inoyazy`chnoj kompetencii v socio- kul`turnom prostranstve dialoga = Formation of foreign language competence in the socio-cultural space of dialogue: PhD in Pedagogy. Moscow. (In Russ.)
7. Nazarova, L. V. (2010). Gipertekst i internet-diskurs = Hypertext and Internet discourse. In Tekst – diskurs. Gipertekst – internet-diskurs (pp. 118–141): collection of scientific articles. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics. (In Russ.)
8. Crystal, D. (2006). Language and the Internet. Cambridge University Press.
9. Trofimova, G. N. (2004). Yazy`kovoj vkus Internet-e`poxi v Rossii. Funkcionirovanie russkogo yazy`ka v Internete: konceptual`no-sushhnostny`e dominanty` = The linguistic taste of the Internet age in Russia. The functioning of the Russian language in the Internet: conceptual and essential dominants. Moscow: RUDN. (In Russ.)
10. Chernyavskaya, V. E. (2007). Otkry`ty`j tekst i otkry`ty`j diskurs: intertekstual`nost` – diskursivnost` – interdiskursivnost` = Open text and open Discourse: intertextuality – discursivity – interdiscursivity. In Lingvistika teksta i diskursivny`j analiz: tradicii i perspektivy` (pp. 22–23): collection of scientific articles. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Быкова Ольга Алексеевна
кандидат филологических наук
и. о. заведующего кафедрой лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bykova Olga Alekseyevna
PhD (Philology)
Acting Head of the Department of French Lexicology and Stylistics
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.133.1+81.342+81.367.2

Особенности вокализма французского телевизионного ток-шоу

Е. А. Когалова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
koelena05@mail.ru

Аннотация. В статье разбираются особенности в системе гласных звуков в телевизионных ток-шоу на французском языке. Экспериментально-фонетическое исследование, основанное на перцептивном анализе, позволяет раскрыть фонетическую специфику вокализма данного типа дискурса. Рассматриваются качественные изменения и выпадения гласных звуков, выявляется корреляция произношения участников ток-шоу с определенным произносительным регистром, обозначаются современные тенденции вокализма.

Ключевые слова: ток-шоу, система вокализма, тенденции, перцептивный анализ, французский язык

Для цитирования: Когалова Е. А. Особенности вокализма французского телевизионного ток-шоу // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 93–98.

Original article

Features of the French TV Talk-Show Vocalism

Elena A. Kogalova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
koelena05@mail.ru

Abstract. The article is a description of the main features in the vocalism system in television talk-show in French. Experimental phonetic research based on a perceptual analysis allows to reveal the phonetic specificity of this type of discourse. The pronunciation of vowel sounds is considered, the correlation of this pronunciation with certain pronunciation register is revealed, modern trends of the vocalism are identified.

Keywords: talk-show, vocalism system, trends, perceptual analysis, the French language

For citation: Kogalova, E. A. (2024). Features of the French TV talk-show vocalism. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 93–98.

ВВЕДЕНИЕ

Массмедиа всецело стали неотъемлемой частью социокультурной жизни человека, воздействуя на его мировоззрение, культуру, язык.

Они всесторонне исследуются представителями таких наук, как философия, политология, психология, социология, журналистика, лингвистика.

На современном телевидении существует особый жанр, вобравший в себя элементы других жанров общения (развлекательных и информационно-аналитических) – ток-шоу. В рамках данной статьи представляется интересным рассмотреть ток-шоу с лингвистической точки зрения, а именно изучить специфику произношения (на примере системы вокализма французского языка) в речи участников передач для определения произносительного регистра исследуемого жанра, выявления тенденций и анализа поведения языковой личности с точки зрения соблюдения культуры речевого общения.

ТОК-ШОУ КАК ЖАНР ТЕЛЕВИЗИОННОГО ДИСКУРСА

Жанр ток-шоу (*англ.* talk – разговаривать, show – представление) возник на американском телевидении еще в 60-х годах XX века и в настоящее время является одним из наиболее распространенных телевизионных жанров. Этот тип передач имеет множество разновидностей (телемост, теледебаты, беседа, дискуссия) и характеризуется тематической широтой (политические, социальные, культурно-просветительские, бытовые ток-шоу). Среди основных характеристик ток-шоу как самостоятельного жанра следует отметить его вопросно-ответную форму, т. е. метод интервью; наличие в зале зрителей и экспертов; заранее продуманный сценарий, так как ток-шоу – это прежде всего создаваемое представление, рассчитанное на зрелищность. Соответственно, и зрители по другую сторону экрана являются непосредственными участниками, вовлеченными в диалог.

Современные программы такого рода в основном носят развлекательный характер, обеспечивая эмоциональное настроение зрителя. В ток-шоу приглашенные участники обсуждают предлагаемую ведущим тему. Именно ведущий создает атмосферу общения с аудиторией, поэтому ему необходимо обладать такими качествами, как профессионализм, образованность, красноречие, обаяние, артистизм. Шоумен должен не только грамотно и логично вести передачу, но и в нужный момент помочь приглашенному ответить так, чтобы это было информативно, должен уметь слушать своего гостя и быть внимательным к публике, являясь связующим звеном между всеми элементами и участниками передачи. В свою очередь, приглашенный гость должен быть интересен зрителям, иметь запоминающийся образ, уметь хорошо излагать свои мысли [Cotte, 2005].

У ведущего заранее заготовлены вопросы, и его речь можно охарактеризовать как квазиспонтанную, а речь приглашенных участников является неподготовленной, т. е. характеризуется спонтанностью. Высказывание формируется постепенно, по мере осознания того, что сказано, что следует сказать далее, что надо повторить или уточнить. Говорящему необходимо контролировать логико-композиционный, синтаксический, лексический, морфологический и фонетический уровни языка.

РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ

С фонетической точки зрения, чтобы быть понятным огромной аудитории, которая смотрит и слушает такие шоу, говорящему следует придерживаться определенного произносительного регистра, а именно разговорного, т. е. общаться так, как он общается в повседневной жизни. И хотя типичной сферой проявления разговорного стиля является сфера бытовых отношений, общению в телевизионных передачах (неподготовленному, неофициальному) также свойственны особенности, присущие разговорному стилю.

Одной из характеристик разговорного произносительного стиля во французском языке является тенденция к краткости, очень явно проявляющаяся в системе вокализма [Léon, 1993]. Эта тенденция, заключающаяся в сокращении длины и количества элементов посредством эллипсиса (опущение звука, слога, слова) постепенно проникает и в другие произносительные регистры, что влечет за собой ее детальное изучение.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ВЫПАДЕНИЯ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Концепт нормы отражает произношение на всей территории Франции в пределах ее европейских границ и включает в себя особенности произношения средних слоев населения (исключая региональные, специфические, особенности) [Borell, Billières, 1989].

В настоящее время в системе вокализма французского языка можно отметить, что оппозиция гласных переднего и заднего ряда [a – *ɑ*] проявляется всё меньше и меньше в пользу гласной переднего ряда, а также всё чаще отмечается средний тембр

[A], более близкий к [a], чем к [*a*], что зависит от контекста, стиля, скорости произнесения [Nikou, 2011].

Оппозиция [ɛ – e] проявляется в пользу открытого звука в конечном открытом слоге, кроме *-é, -er, -ez*; колебания в произношении односложных слов *des, les, mes, tes, ses, ces, je sais*, *je vais, gai* происходят в пользу [ɛ]; отмечается тенденция смешения произношения таких грамматических форм, как *futur simple* и *conditionnel présent*, *passé simple* и *imparfait*, где произносится открытый звук [ɛ], часто употребляется промежуточный тембр [E] [Vargas, 2007].

В оппозиции [ɔ – o] открытый звук встречается в любых позициях, однако финальная позиция всё же имеет тенденцию к сохранению закрытого звука, а исследования последних лет показали, что в открытом слоге в середине слова реализация [ɔ] может приближаться к [œ] или [ə]: *un moment* [ɛ̃-mœ-'mɑ̃] [там же].

Наиболее устойчивой оппозицией на данный момент является [œ – ø].

Оппозиция [ɛ̃ – œ̃] не представляется на современном этапе актуальной, [œ̃] встречается к речи старшего поколения, а также в некоторых фонетических стилях, например, при чтении классических стихов, в публичной ораторской речи [Hansen, 2001], однако говорящий может в своей речи комбинировать [ɛ̃] и [œ̃].

Разговорному стилю свойственны неофициальность и непринужденность общения, неподготовленность речи, а также эмоциональная составляющая, что нашло выражение в его речевых особенностях.

Французский язык на фонетическом уровне этого регистра характеризуется ненапряженной артикуляцией, редукцией звуков, выпадением слогов, слов, богатством и разнообразием видов интонации, убыстренным темпом.

Согласно классическим орфоэпическим нормам, во французском языке гласные отличаются четкостью произношения как в ударной, так и безударной позициях, но в непринужденной спонтанной речи в безударной позиции появляются их редуцированные оттенки.

Небрежность артикуляции приводит к изменению тембра гласных: одни гласные звуки закрываются, другие, напротив, характеризуются тенденцией к увеличению открытости. При этом на произношение гласных оказывают влияние различные факторы. Одним из самых существенных факторов является характер слога. Известно, что реализация таких звуков, как [e], [ɛ], [ø], [o], [ɔ], подчиняется в большей или меньшей степени слоговой организации речевого потока, а именно: в закрытом слоге идет открытая реализация, в открытом – закрытая. Но подобная дистрибуция не является абсолютной, в некоторых случаях происходит нейтрализация противопоставлений [Landick, 2004]. Безударная позиция гласного оказывает решающее влияние на реализацию его тембра, в результате отмечается фонетическая неопределенность гласного.

Влияние фактора гармонизации на произношение гласных в разговорной речи очень сильно, благодаря этому возникает противопоставление произношения некоторых слов в полном и разговорном стилях произношения [Blanche-Benveniste, 2004].

Таким образом, качественная редукция безударных гласных – изменение тембра звука – во французском языке характеризуется либо смешением артикуляции, либо заменой гласного определенного тембра нейтральным звуком.

Надо отметить, что звуковые деформации не мешают восприятию смысла, если, конечно, они происходят в рамках разумного и с учетом допустимых оттенков варьирования той или иной фонемы.

Стремление к краткости в разговорном стиле произношения достигается за счет выпадения звуков и слогов, что происходит прежде всего в словах, часто употребляемых в речи. Выпадение гласного звука влечет за собой исчезновение слога и скопление безударных слогов, вследствие чего возможно изменение ритмического рисунка.

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Цели, методы, экспериментальный корпус

В экспериментально-фонетическом исследовании, основная цель которого – анализ произношения гласных в таком типе дискурса, как ток-шоу, были поставлены следующие задачи:

- проанализировать вокалическую систему французского языка в речи участников ток-шоу;
- изучить случаи проявления тенденции к краткости;
- соотнести речь участников передач с определенным произносительным регистром;
- проверить, соблюдается ли культура речевого общения в рамках данного регистра.

Корпус фонетического анализа состоял из 12 передач французских телевизионных ток-шоу:

1) C à vous[1]
2) Vivement dimanche[2]
3) Quotidien[3]
4) Touche pas à mon poste[4]

Тематикой передач были исторические, культурные, социальные события. Общая длительность

[1] https://www.youtube.com/@cavousofficiel
[2] https://www.france.tv/france-3/vivement-dimanche/
[3] https://www.tf1.fr/tmc/quotidien-avec-yann-barthes
[4] https://www.canalplus.com/c8/tpmp/touche-pas-a-mon-poste

материала исследования составила около трех часов, для более детального анализа речи выбранных участников (№=12) было отобрано 18 минут эфира.

При работе над экспериментальным материалом был использован аудитивный метод исследования, статистическая обработка полученных данных и их лингвистическая интерпретация.

Результаты исследования

В проанализированных фрагментах речи участников ток-шоу наиболее ярко было отмечено:

1) ослабление вокалической оппозиции [e – ɛ], особенно в конструкции *c'est*, в союзе *mais* и в окончаниях Imparfait *-ais*, *-ait*:

Mais [me] si t(u) es [te] sûr
Tu fais [ty-fe] quoi?
T(u) avais [ta-ve] pris le euh…
Ça se faisait [sa-sfə-ˊze] comme ça
Mais [me] pourquoi pas?
C(e) (n')est pas [se-pa] rien)

2) выпадение [a], особенно в часто употребляемых словах, таких как *parce (que), madame, année*, *village*:

bonjour, m(a)dame [mdam]
l'(a)nnée [lne] dernière
il faut s'humaniser p(a)rce [prs] qu'aujourd'hui on a un peu à part les religions;

3) выпадение [ɑ̃] было зафиксировано в слове *enfin*:

après le bac (en)fin [ˈfɛ̃]
Oui, mais (en)fin [me-ˊfɛ̃]
(en)fin [ˊfɛ̃] à l'époque elle était appelée comme ça

4) непроизнесение [ɛ] в таких примерах, как *mais enfin*, *c'est-à-dire*, *c'est parce que*:

c'(est) parce que [spask] je suis allergique;
oui, m(ais) enfin [mɑ̃-ˊfɛ̃]
c'(es)t-à-dire [sta-ˊdi:r] qu'ils sont obligés
(on) f(ait) un selfie [fɛ̃-sel-ˊfi]

5) выпадение [i]:

la plus haute valeur qu(i) est [kɛ] justement le corps
(i)l faut [lfo] que vous compreniez
i(l) s(e) lève tard [is-lɛv-ˊta:r]

6) опущение [y] в местоимении *tu*:

t(u) as [ta] rien à avoir là-bas
Ah oui, t(u) as [ta] raison
t(u) (n')as pas [ta-pa] compris
et t(u) as [ta] perdu d'avance

7) выпадение [œ] в наречии *peut-être*:

(il) y a p(eu)t-être [ja-ptɛt] quelque chose
c'est p(eu)t-être [ptɛt] grâce à mes cheveux
je n'étais p(eu)t-être [ptɛt] pas
mais c'est p(eu)t-être [ptɛt] une qui est passée comme ça

8) частотное выпадение беглого [ə]:

non, pas tout d(e) suite [tu-ˊtsɥit]
les gens n(e) m(e) r(e)connaissent pas [nmrkɔ-nɛs-ˊpa] vraiment
i(l) s(e) lève [is-ˊlɛ:v] tard
comment ça va s(e) passer [spa-ˊse]
on va m(e) d(e)mander [mdmɑ̃-ˊde]
i(l) d(e)vait v(e)nir [i-dve-ˊvni:r] à la maison
et j(e) crois [ˊʃkrwa] qu(e) j'ai [kʒe] bien fait
c(e) n'est pas [se-ˊpa] qu(e) je l(e) pense [kʒə-ˊlpɑ̃:s]
qui peut surgir d(e) ces moments-là [tse-mɔ-mɑ̃-ˊla]
qu'est-ce qu'on fait d(e) son physique [tsɔ̃-fi-ˊzik],
en très peu d(e) mots [ˊdmo] c(e) que [skə] j(e) pense [ˊʃpɑ̃:s].

Процентное соотношение выпадения гласных звуков в проанализированных ток-шоу может быть сведено к следующим данным (в порядке возрастания): [ɛ] – 0,27 %, [i] – 0,61 %, [a] – 1,18 %, [y] – 2,22 %, [ɑ̃] – 2,43 %, [œ] – 6,03 %, [ə] – 29,82 %; детальная статистика по каждому звуку приведена в таблице 1.

9) выпадение полугласной [ɥ]:

et p(u)is [ˊpis] en plus et je pense
et p(u)is [ˊpis] ce jour-là je ne me sentais vraiment pas bien
p(u)isque [pis-kə] les gens ne me reconnaissent pas
j(e) s(u)is [ʃi] partie
dep(u)is [də-ˊpi], professionnel, dep(u)is [də-'pi]
et p(u)is ['pis] pendant cinq ans je me suis plongé dans les livres
p(u)isque [pis-kə] toute ma vie a basculé
je pense que vous me poserez la question de s(u)ite [ˊtsit] tout à l'heure
p(u)is [pi] j'ai vu; (je) s(u)is [si] au fond);

10) выпадение полугласной [j]:

Таблица 1

ЭЛЛИПСИС ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ (в %)

Гласная	Участники											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
[a]	–	–	1,2	–	0,9	–	–	5,9	2,8	–	–	3,3
[ɑ̃]	6,7	12,4	–	–	3,7	–	–	–	1,9	–	4,5	–
[ɛ]	2	–	–	–	–	–	1,2	–	–	–	–	–
[i]	–	2,3	–	–	1	–	–	1,8	–	2,2	-	–
[y]	–	–	7,2	–	6,7	–	–	5,6	–	–	7,1	–
[œ]	–	–	37,5	–	–	14,8	–	–	20	–	–	–
[ə]	45,9	68,7	32,3	21,3	32,7	29,6	22,3	19,4	25,4	4,9	23,6	31,7

Таблица 2

ЭЛЛИПСИС ПОЛУГЛАСНЫХ (в %)

Полугласная	Участники											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
[ɥ]	26,2	30,2	47	28,2	16,2	33,3	11,5	33,3	–	12,7	12,3	27,3
[j]	34,8	33,3	3,8	12,5	9,3	8,4	–	4,8	3,1	–	–	–

Таблица 3

Звук	Возраст участников			
	<25	25–45	45–65	>65
[ə]	51,2	28,4	25,8	22,4
[œ]	12,5	–	6,7	–
[ɑ̃]	6,9	–	2,6	1,8
[ɛ]	1,7	–	0,8	–
[y]	2,4	–	–	–
[a]	–	0,3	2,1	–
[i]	–	0,3	0,7	–
[j]	34,4	6,9	2,3	3
[ɥ]	28,2	28	20,8	21,4

et b(i)en [bɛ̃] non, non, moi, je…
euh j'ai dit ça b(i)en [bɛ̃] oui
le thème de votre émission colle parfaitement au livre que j'ai écrit l'année dern(i)ère [dɛr-'nɛ:r]
b(i)en [bɛ̃], voilà, c'est comme ça en France.

Детальное количество непроизнесения полугласных звуков приведено в таблице 2: в среднем [ɥ] выпадало в 23,18 % случаев, [j] – в 9,17 %.

Если рассматривать случаи выпадения гласных звуков в зависимости от возраста коммуникантов, то вырисовывается следующая картина (табл. 3).

Можно отметить, что в возрастной категории старше 25 лет это явление встречается реже, что может быть связано как с образованием, так и с возможным замедлением темпа речи с возрастом.

Таким образом, наличие существующих изменений в системе гласных, а также значительное выпадение определенных гласных звуков дает основание для определения произносительного регистра речи участников как разговорного. Можно сказать, что культура речевого общения в рамках данного регистра соблюдается и говорящие следуют нормам, принятым в данном произносительном стиле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Непринужденность обстановки общения, спонтанность высказывания, отсутствие самоконтроля в процессе речи, непосредственный контакт участников коммуникации характеризуют разговорный стиль произношения, которого придерживались участники проанализированных телевизионных французских ток-шоу.

Отмечается тенденция к краткости как одна из характеристик разговорного произносительного стиля, что проявляется, в частности, в значительном выпадении гласных звуков, а также отмечается

гармонизация и редукция гласных звуков. При общении краткость позволяет осуществлять быстрый обмен мнениями, ведет к убыстрению темпа речи, что, несомненно, важно, так как передачи имеют определенный лимит времени, а информация, которую предполагается озвучить, может быть достаточно объемной.

Однако надо помнить, что при восприятии устной речи слушатель сосредотачивается на ее содержательной стороне, не обращая особого внимания на произносительный аспект, но только до тех пор, пока не происходит отклонений от нормы. Как только фиксируется что-то непривычное в произношении, оно тут же заставляет обратить на себя внимание. Проведенный анализ показывает, что в рамках разговорного регистра все присущие ему нормы соблюдались и не происходило недопонимания между коммуникантами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cotte D. Les médias au travail // Communication et langages. 2005. № 146/1. P. 83–92.
2. Léon P. Précis de phonostylistique. Paroles et expressivité. P.: Nathan, 1993.
3. Borell A., Billières M. L'évolution de la norme phonétique en français contemporain // La linguistique. 1989. Vol. 25. № 2. P. 45–62.
4. Nikou Ch. Phonétique et prononciation. Révision, Athènes, 2011.
5. Vargas M.C. Leçons de phonétique Française. Exercices de répétition. Exercices de transcription. Manuel de prononciation pour étudiants de FLE. Nouvelle Édition, 2007.
6. Hansen A. B. Les changements actuels des voyelles nasales du français parisien: confusions ou changement en chaine ? // La linguistique. 2001. Vol. 37. № 2. P. 33–48.
7. Landick M. Enquête sur la prononciation du français de référence: les voyelles et l'harmonie vocalique. P.: L'Harmattan, 2004.
8. Blanche-Benveniste C. Approches de la langue parlée en français. P.: Ophrys, 2004.

REFERENCES

1. Cotte, D. (2005). Les médias au travail. Communication et langages, 146/1, 83–92.
2. Léon, P. (1993). Précis de phonostylistique. Paroles et expressivité. Paris: Nathan.
3. Borell, A., Billières, M. (1989). L'évolution de la norme phonétique en français contemporain // La linguistique, N 2.
4. Nikou, Ch. (2011). Phonétique et prononciation. Révision, Athènes.
5. Vargas, M. C. (2007). Leçons de phonétique Française. Exercices de répétition. Exercices de transcription. Manuel de prononciation pour étudiants de FLE. Nouvelle Édition.
6. Hansen, A. B. (2001). Les changements actuels des voyelles nasales du français parisien : confusions ou changement en chaine ? La linguistique, 37.
7. Landick, M. (2004). Enquête sur la prononciation du français de référence : les voyelles et l'harmonie vocalique. Paris: L'Harmattan.
8. Blanche-Benveniste, C. (2004). Approches de la langue parlée en français. Paris: Ophrys.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Когалова Елена Александровна

кандидат филологических наук
доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kogalova Elena Aleksandrovna

PhD (Philology)
Associate Professor of the Department of Phonetics and Grammar of the French Language
Faculty of French, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	01.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.112'02

Этимологический и культурологический анализ латинской юридической фразеологии

А. И. Муравьева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
hommy774@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен последовательный культурологический и этимологический анализ фразеологизмов и крылатых выражений, которые составляют необходимую часть латинской юридической терминологии в римском и международном праве. Выделены основные группы: номинативные единицы, цитаты античных императоров, историков и поэтов, мифологические фразеологизмы, дипломатические формулы и девизы государств.

Ключевые слова: фразеологический фонд, паремиологический фонд, латинская юридическая терминология, номинативные фразеологизмы, афоризмы юристов, античная мифология

Для цитирования: Муравьева А. И. Этимологический и культурологический анализ латинской юридической фразеологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 99–105.

Original article

Etymological and Cultural Analysis of Latin Legal Phraseology

Alsu I. Muravyeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
hommy774@yandex.ru

Abstract. The article provides a cultural and etymological analysis of phraseologisms and winged expressions in Latin, which form a necessary part of legal terminology in Roman and international law. The main groups of phraseologisms are identified: nominative units; quotations of ancient emperors, historians and poets; mythological phraseological expressions; legal and diplomatic formulae; mottos of states.

Keywords: phraseology, paremiology, Latin legal terminology, nominative phraseological phrases, aphorisms of lawyers, ancient mythology

For citation: Muravyeva, A. I. (2024). Etymological and cultural analysis of Latin legal phraseology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 99–105.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение латинского языка в самых разных аспектах – лингвистическом, литературоведческом, юридическом, медицинском – традиционно сопровождается изучением фразеологии и паремиологии как отражения великой истории и культуры римского народа. Тысячелетиями мудрость народа, оставившего глобальный след в человеческой цивилизации, выражалась кратко и афористично, оказав огромное влияние на фразеологический и паремиологический состав новых языков. Латинские пословицы, крылатые выражения основоположников различных направлений науки и великих исторических деятелей расширяют лингвистический кругозор, открывают языковую картину мира древних римлян, создают возможность не механического заучивания, а осмысленного употребления терминологии в профессиональной деятельности.

Целью данной статьи является этимологический и культурологический анализ крылатых выражений, идиом, номинативных фразеологических единиц-определений, связанных с юридической терминологией римского и международного права. Называя юридическую терминологию «концентратом правового знания», исследователи говорят о том, что «для понимания культурно обусловленных особенностей национальной юридической терминологии имеет, помимо синхронного сопоставительного анализа специальных лексических единиц, обращение к источникам формирования правовой терминологии, иными словами, ее изучение в диахроническом аспекте» [Барабаш, Ворошилова, 2021, с. 89].

Основой профессионального обучения студентов-юристов служит овладение юридической терминологией, которая включает в себя не только собственно термины, но и знакомство с огромным пластом античных афоризмов и крылатых выражений. Источниками материала служат

- словари крылатых латинских выражений:
  - Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский «Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц» (1982);
  - Ю. С. Цыбульник «Крылатые латинские выражения» (2010);
  - П. В. Сомов «Словарь латинских выражений. По-латыни между прочим» (2009);
- учебники по римскому и международному праву:
  - О. А. Ахтерова, Т. В. Иваненко «Латинский язык и основы юридической терминологии» (1998);
  - Н. В. Маршалок, И. Л. Ульянова «Латинский язык в римском праве» (2021);
  - Н. В. Маршалок, И. Л. Ульянова «Латинский язык и латинская терминология в современном международном праве» (2023).

Результаты исследования можно применять в практике обучения основам юридической терминологии.

Согласно общепринятой во фразеологии классификации Н. М. Шанского, фразеологические единицы подразделяются на идиомы, фразеологические сочетания, фразеологические выражения, поговорки, пословицы и крылатые выражения [Шанский, 1996].

Для юридической терминологии особенно характерны номинативные идиомы, обозначающие культурные феномены древнеримской юридической и политической практики; выражения, отражающие моральные нормы древних римлян, блестящие высказывания древнеримских знатоков права Гая, Цельса, Ульпиана, Папиниана и др.; великого оратора Цицерона; знаменитых историков Светония, Плутарха, Тита Ливия. Кроме того, значительную часть крылатых выражений составляют общеизвестные высказывания древних правителей и императоров. Они обогащают речь современных юристов и составляют необходимый культурный пласт при подготовке студентов-юристов. Однако, заучивая номинативные идиомы и крылатые выражения, относящиеся к древней юридической и политической практике, невозможно обойти этимологию этих единиц. Культурологический комментарий дает возможность правильно применять их в своей речи, кратко и образно объясняя те или иные исторические или юридические коллизии.

В современных учебниках по латинской юридической терминологии фразеологизмы и афоризмы распределяются с грамматической точки зрения, иллюстрируя изучение определенных грамматических тем. В данной статье рассмотрен культурологический и этимологический аспект фразеологизмов и крылатых выражений, используемых при изучении римского и международного права.

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ЛАТИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РИМСКОГО ПРАВА

Первую группу составляют номинативные идиомы. Они представляют собой название, отсылающее

к общеизвестной исторической ситуации, традиции или обычаю, части судебного процесса или юридической коллизии.

Примером номинативных идиом в римском праве, требующих исторического или культурологического комментария, можно назвать следующие единицы:

- *Acta diurna / acta publica* (*букв.* 'продолжительные акты') – ежедневные события, хроника, общественные события. Так назывались приказы должностных лиц, которые ежедневно выставлялись на форуме для всеобщего ознакомления. Светоний рассказывает о Цезаре, что тот впервые ввел практику ежедневных сообщений для народа о распоряжениях властей и основных событиях дня [Светоний, 1990].

Ряд номинативных устойчивых выражений отражает римские обычаи, например, различные виды казни, наказаний или древнеримские моральные и религиозные нормы.

- *Ad bestias* (*букв.* 'к зверям') – выражение, означающее меру превышения наказания. По Светонию, некоторых преступников отправляли на арену сражаться с дикими зверями [Светоний, 1990]. Также в эпоху борьбы с христианством используется аналогичное выражение *christianos ad leonem* (*христиан ко львам*), отражающее этот жестокий обычай в более поздние века.
- *Poena cullei* (*букв.* 'наказание мешком'), где *culleus,i m* – мешок, представляющий собой самую большую древнеримскую меру емкости – 525,27 л. Идиома означала казнь путем зашивания преступника в кожаный мешок вместе с собакой, обезьяной, петухом и змеей и последующего утопления. Такая казнь считалась позорнейшей, ей подвергали паррицидов – отцеубийц или убийц близких родственников.
- *Supplicium servili* (*букв.* 'рабская казнь') – наказание для рабов, т. е. распятие.

Иногда номинативное выражение требует обращения к самым ранним легендам царского периода Рима, например:

- *Saxum Tarpeium* (*букв.* 'Тарпейская скала') – скала на Капитолии, с которой сбрасывали преступников и лжесвидетелей. Оно происходит от названия сабинской девушки Тарпеи, которая предала свой народ, прельстившись золотыми браслетами с левой руки осаждавших холм воинов. Она попросила за свое предательство отдать ей то, что воины носят на левой руке. И они, презирая предательство, забросали Тарпею щитами;
- *Hostis publicus* (*букв.* 'общественный враг') – враг государства. После того как Катилина был объявлен сенатом *hostis publicus*, его можно было безнаказанно убить [Саллюстий, 1981];
- *A mensa et toro* (*separatio*) (*букв.* 'отлучение от стола и ложа') формула развода;
- *Igni et aqua* (*indicere*) (*букв.* 'отлучить от огня и воды') – объявить преступника вне закона, отправить в изгнание;
- *Libra rubricata* (*вм.* libri rubricati, *букв.* 'красные книги') – книги по юридическим вопросам, где абзацы или названия выделялись красной краской;
- *Dies fastus / dies nefastus* (*букв.* '(не)дозволенный день') – присутственный / неприсутственный день. Жрецы определяли дозволенный / недозволенный с религиозной точки зрения день для государственной и правовой практики;
- *Securi Tenedia* (*букв.* 'тенедосским топором') – беспощадно. Выражение происходит от имени царя Тена с острова Тенедос (у побережья Троады в Малой Азии), казнившего за всякое ложное обвинение.

Ко ***второй группе*** крылатых выражений можно отнести остроумные высказывания или предсмертные слова знаменитых правителей или политических деятелей Древнего Рима.

- *Diem perdidi, amici. – Друзья, я потерял день.* Так, согласно Светонию, сказал император Тит о дне, в течение которого он не сделал никому ничего доброго [Светоний, 1990]. *Pecunia non olet*[1], – произнес император Веспасиан в ответ на упреки его сына Тита, который упрекнул отца за введение налога на общественные туалеты [там же].
- *Oderint, dum metuant. – Пусть ненавидят, лишь бы боялись* [там же]. Это известное высказывание императора Калигулы в отношении к подданным.

Третью группу афоризмов составляют крылатые выражения, представляющие собой цитаты из произведений знаменитых древнеримских поэтов и историков:

– нравоучительные цитаты из од поэта Горация:

Quid leges sine moribus? – Чего стоят законы без (добрых) нравов? (*Гораций. Оды, пер. Г. Церетели*);

Vilius est aur(o) / argentum, virtutibus aurum. – Серебро дешевле золота, а золото дешевле добродетели (*Гораций. Послания, пер. Н. Гинцбурга*).

– цитаты из сатир Ювенала:

Dat veniam corvis / vexat censura columbas. – К воронам милостив суд, но он угнетает голубок (*Ювенал. Сатиры*).

[1] Деньги не пахнут.

Сатира Ювенала говорит о мужчинах, падших гораздо ниже женщин, но осуждающих женскую распущенность.

– поговорки, восходящие к басням Эзопа и Федра: *Societas leonina u quia leo nominor* (*букв.* ‘Львиное сообщество, или Так как я зовусь львом’) – выражение говорит о несправедливом разделении дохода и праве сильного. «Появление термина *societas leonina* скорее всего связано с басней поэта I в. н. э. Федра, который был близок к юридическим кругам Рима» [Маршалок, Ульянова, 2018, с. 119].
– цитирование или парафразы выражений древнеримских историков, например: *periculum est in mora – опасность в промедлении*. Поговорку соотносят с рассказом историка Тита Ливия о бегстве римлян под ударами галлов.

Четвертую группу составляют поговорки, восходящие к древнегреческой и древнеримской мифологии. Они требуют обязательного культурологического комментария и дают возможность поговорить на занятиях со студентами-юристами о религии древних греков и римлян, расширить их кругозор, познакомив их с основными персонажами античной мифологии, например:

- *Invita Minerva* (*букв.* ‘без позволения Минервы’) – без должного мастерства. Поговорка основана на одной из функций богини Минервы как покровительницы ремесел.
- *Discordiae malum* (*букв.* ‘яблоко раздора’) в значении «причина конфликта». Эта поговорка отсылает к знаменитому мифу о причине Троянской войны.

Отдельно следует остановиться на афоризмах и знаменитых высказываниях древнеримских юристов (Гая, Ульпиана, Павла, Модестина и др.), а также великих римских ораторов, прежде всего Цицерона, которые составляют большую группу в терминологии римского права. Древнеримское право, развиваясь в трудах знаменитых юристов, также дало человечеству огромное число афоризмов и поговорок. Без знания исторического или юридического контекста невозможно понять их смысл и, соответственно, применять их в профессиональной деятельности. Неисчерпаемым источником юридических сентенций и афоризмов стали древние *Свод законов 12 таблиц*, которые были частично восстановлены благодаря цитированию их в трудах знаменитых древнеримских юристов, ораторов, историков.

Quod principi placuit, legis habet vigorem – То, что приказал правитель, имеет силу закона. Это высказывание римского юриста Ульпиана [Дигесты Юстиниана, 2008].

Для понимания некоторых высказываний необходимо знать исторический контекст. Примером такого выражения может послужить ответ юриста Папиниана императору Каракалле. Когда император Каракалла, расправившись со своим братом Гетой, с которым не желал делить власть, потребовал от него, знаменитого юриста, оправдать себя перед сенатом и народом, Папиниан ответил: *Non tam facile parricidium excusari potest, quam fieri. – Не так легко оправдать братоубийство, как совершить*. Вскоре Папиниан погиб от рук наемных убийц. Термин «parricidium» (убийство отца или кровного родственника) относится к одному из древнейших *crimina publica*, или *delicta publica*, – публичным деликтам, т. е. уголовным преступлениям, за которые виновный не просто несет ответственность перед пострадавшим или его семьей, но карается государством. Название это в самом римском праве классической эпохи не применялось (тогда подобные деяния именовались *crimina*, в противоположность частным правонарушениям – *delicta privata*, порождающим лишь обязанность выплатить штраф потерпевшему). Согласно И. А. Покровскому: «Преступления против частных лиц, по общему правилу, еще рассматриваются как дело… самого потерпевшего, как *delicta privata*. Лишь немногие из них влекут за собой уголовное наказание, налагаемое по инициативе государственной власти, и, таким образом, переводятся в разряд *delicta publica*. Таково, например, убийство – *parricidium*; для дел об убийстве существовали по преданию особые *quaestores parricidii*…» [Покровский, 1998, с. 55]. Наказанием служила упомянутая ранее страшная казнь – *poena cullei*.

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ЛАТИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Культурологический анализ фразеологического и паремиологического фонда юридической терминологии международного права показал, что наиболее частотными являются номинативные идиомы, афоризмы о власти и государственности, цитаты Цицерона и древнеримских историков, дипломатические формулы, а также общепринятые девизы королей и государств.

Первая группа – номинативные фразеологизмы, метафорически характеризующие властные структуры, простой народ, а также социальный статус

в римском обществе и государствах Нового времени. Например, *rector rei publicae* (*rector civitatis*) – *глава государства*.

• *Malus puer robustus / Puer robustus,sed malitiosus – малый крепкий, но злонравный* – этим эпитетом характеризуют обычно простой народ, толпу. Источником его послужило предисловие к трактату Т. Гоббса «О гражданине».

• *Advocatus Dei / Advocatus Diaboli* – так называют защитника априори выигрышного / безнадежного дела. Идиома происходит от наименования участников процесса канонизации нового святого в католической церкви, которое проходило в виде диспута.

Разрыв отношений в дипломатии именуют *ultima ratio / ultima ratio regum – последний довод* (*царей*) или *крайняя мера*. Девиз «Ultima ratio regum» был выбит на пушках по приказу кардинала Ришелье.

Ряд терминов в международном праве представляет собой субстантивированную превосходную степень латинских прилагательных, например: *Ultimatissimum – самое последнее,* означает строжайший ультиматум; *secretissima – самые секретные,* означает секретнейшие документы или пометка на документе; *articulus secretissimus – самая секретная статья,* означает секретнейшую часть договора; *Piissimus* – Благочестивейший – один из титулов короля Франции.

• *Misera contribuens plebs – жалкий, обложенный податями, народ.* Выражение представляет собой уничижительную характеристику обнищавшего народа.

Также к номинативным фразеологизмам относится обозначение разных стадий процесса голосования или избрания на должность: *uno ore / una voce – одним ртом / голосом*, означает единогласно; *ante faciem populi / coram populo – перед лицом народа / в присутствии народа*, т. е. публично; *uno spiritu et pari voce* – единодушно и единогласно; *per secreta voce* – закрытым голосованием.

Вторая группа афоризмов в терминологии международного права связана с характеристикой царя или правителя. Поскольку терминология международного права неразрывно связана с римским правом, а также историей и культурой Древнего Рима, то многие из них представляют собой известные цитаты из произведений античных авторов:

• *An nescis longas regibus esse manus. – Разве ты не знаешь, что у царей длинные руки?* [Вулих, 1996, с. 166]. Этимологически выражение восходит к цитате из сборника «Героиды» Овидия. Эти слова в своем послании произносит Елена, обращаясь к троянскому царевичу Парису.

• *Principis est virtus / maxima nosce suos – Величайшая добродетель государя – знать своих подданных* [Марциал, 1994, с. 7–8].

• *Si judicas, cognosce, si regnas, jube – Если берешься судить – узнай* (*обстоятельства дела*), *если правишь – приказывай* [Сенека, 1991, с. 92–194]. Подобные афоризмы требуют обращения к античной мифологии. Эти слова принадлежат Медее, персонажу древнегреческого мифа. Она говорит их царю Креонту, который захотел выслать ее из города, опасаясь мщения Медеи. Цитата взята из трагедии Сенеки «Медея».

Третья группа охватывает большое количество фразеологических единиц, относящихся к международному праву, характеризует простой народ. В основном, они имеют негативную коннотацию, подчеркивая переменчивость толпы: *calcat jacentem vulgus – топчет народ лежачего*; *aura popularis – народная благосклонность*; *ad captandam vulgus – в угоду черни*; *mobile vulgus – непостоянная толпа*; *Nihil est incertius vulgo – Нет ничего непостояннее толпы; Nerret vulgus, nisi metuat – Толпа внушает страх, если ее не держат в страхе.*

Четвертая группа афоризмов представляет собой краткую и иносказательную формулировку определенного политического устройства, например, суть конституционной монархии выражается при помощи тезиса: «Rex regnat, sed non gubernat». – «Король царствует, но не управляет».

Пятая группа представляет особую область юридической фразеологии в международном праве – девизы различных государств или отдельных областей и штатов, которые традиционно формулируют на латыни:

• *Plus ultra – Еще дальше* (*вперед*). Это девиз династии Габсбургов, начиная с 1282 года. Этот девиз представляет собой сокращенный вариант выражения *nec plus ultra – дальше некуда.*

Традиция использовать латинские крылатые выражения в качестве девизов современных государств сохраняется и в настоящее время: *Deo juvante – С божьей помощью* (Монако), *A mari usque ad mare – От моря до моря* (Канада); *Pro mundi beneficio – Во благо мира* (Панама) и т. п.

Шестую группу составляют дипломатические формулы, необходимые в международном праве:

• *grata, rata et accepta – угодно, законно и приемлемо* – так звучит формула одобрения переговоров;

• *interim / per interim / ad interim – временное положение*, т. е. существующее до урегулирования вопроса. Так, в частности, назывался устав Карла V, временно регулирующий отношения между протестантами и католиками;

- *persona* (*non*) *grata* (*букв.* '(не)желательная персона'), т. е. дипломат, имеющий / не имеющий право въезда и пребывания в какой-либо стране;
- *liberum veto – свободный запрет*, т. е. решение, которое может быть принятым только при согласии всех голосующих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, латинские устойчивые выражения, афоризмы великих юристов и ораторов Древнего мира и Нового времени, цитаты из античной литературы являются необходимой частью изучения юридической терминологии. В современных пособиях по латинской юридической терминологии они распределяются чаще всего в зависимости от изучаемой грамматической темы. Однако их метафоричность и связь с обычаями и историческими явлениями ушедшей в прошлое эпохи требует постоянного этимологического и культурологического комментария. Проведенный в данной статье анализ выделил основные группы устойчивых сочетаний и афоризмов, относящихся к римскому и международному праву: номинативные фразеологизмы, известные высказывания древнеримских правителей, цитаты великих древнеримских юристов, ораторов, поэтов, историков, мифологических и литературных персонажей; девизы государств и устойчивые формулы дипломатического протокола. Определение самых частотных источников юридической фразеологии и паремиологии, распределение их с хронологической и этимологической точки зрения может стать основой учебного пособия, которое позволит разнообразить процесс обучения, расширить кругозор и помочь в профессиональном становлении студентов-юристов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барабаш О. В., Ворошилова М. Б. Научные исследования в координатах языка и права // Политическая лингвистика, 2021. № 4 (88). С. 87–99.
2. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Специальная литература, 1996.
3. Светоний Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Художественная литература, 1990.
4. Саллюстий Г. К. Сочинения / пер. В. Горенштейна. М.: Наука, 1981.
5. Маршалок Н. В., Ульянова И. Л. «Societas leonina» – литературная метафора и юридический термин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 17 (815). С. 119–129.
6. Дигесты Юстиниана / пер. Л. Кофанова. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. Т. 1. Кн. I–IV.
7. Покровский И. А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1998.
8. Вулих Н. В. Овидий. М.: Молодая гвардия – ЖЗЛ, 1996.
9. Марциал М. В. Эпиграммы. СПб.: Комплект, 1994.
10. Сенека Л. А. Трагедии / пер. С. Ошерова. М.: Искусство, 1991.

REFERENCES

1. Barabash, O. V., Voroshilova, M. B. (2021). Scholarly Research in Terms of Language and Law. Politicheskaya lingvistika, 4(88), 87–99. (In Russ.)
2. Shanskij, N. M. (1996). Frazeologiya sovremennogo russkogo yazy`ka = Phraseology of the modern Russian language. 4th ed. St. Petersburg: Special`naya literatura. (In Russ.)
3. Svetonij, G. T. (1990). Zhizn`dvenadczati cezarej = The Life of the Twelve Caesars / translated by M. Gasparov. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1990. (In Russ.)
4. Sallyustij, G. K. (1981). Sochineniya = Writings / transated by V. Gorenshtejn. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Marshalok, N.V., Ulyanova, I. L. (2018). Societas Leonina – Literary Metaphor and Legal Term. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 17(815), 119–129. (In Russ.)
6. Kofanov, L. (ed.). (2008). Digesty` Yustiniana = Digesta Ivstinian (vol. 1, books I–IV). 2nd ed. Moscow: Statut. (In Russ.)
7. Pokrovskij, I. A. (1998). Istoriya rimskogo prava = The history of Roman Law. St. Petersburg: Publishing House "Letnij sad". (In Russ.)
8. Vulikh, N. V. (1996). Ovidij = Ovidiy. Moscow: Molodaya gvardiya – ZhZL. (In Russ.)

9. Marcial, M. V. (1994). E`pigrammy`= Epigrams. St. Petersburg: Komplekt. (In Russ.)
10. Seneka, L. A. (1991). Tragedii = Tragedies, translated by S. Osherov. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Муравьева Алсу Иршатовна
старший преподаватель кафедры классической филологии
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Muravyeva Alsu Irshatovna
Senior Lecturer at the Department of Classical Philology
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	23.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	12.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.111’371

Синтаксический и семантический анализ испанских фразеологизмов, содержащих гастрономический компонент

Е. А. Трофимова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
ekatrofimova@fa.ru

Аннотация. Фразеологические единицы являются неотъемлемой частью языка, в них содержится национальное своеобразие элементов духовной и материальной культуры, представление о мире того или иного этноса. Данная статья анализирует испанские фразеологизмы, содержащие гастрономический компонент. Рассматриваются семантический и функциональные аспекты испанских фразеологизмов, проведена их классификация. Выполнен семантический и синтаксический анализ различных фразеологических единиц в испанском языке.

Ключевые слова: фразеологическая единица, испанский язык, гастрономический компонент, семантическая классификация, синтаксическая классификация

Для цитирования: Трофимова Е. А. Синтаксический и семантический анализ испанских фразеологизмов, содержащих гастрономический компонент // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 106–112.

Original article

Syntactic and Semantic Analysis of Spanish Phraseological Units Containing a Gastronomic Component

Ekaterina A. Trofimova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ekatrofimova@fa.ru

Abstract. Phraseological units are an integral part of the language; they contain the national originality of the elements of spiritual and material culture, the idea of the world of a particular ethnic group. This article is devoted to the analysis of Spanish phraseological units containing a gastronomic component. The semantic and functional aspects of Spanish phraseological units are considered. A classification of phraseological units has been carried out. A semantic and syntactic analysis of various phraseological units in the Spanish language was performed.

Keywords: phraseological unit, the Spanish language, gastronomic component, semantic classification, syntactic classification

For citation: Trofimova, E. A. (2024). Syntactic and semantic analysis of Spanish phraseological units containing a gastronomic component. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 106–112.

ВВЕДЕНИЕ

В современной науке исследование фразеологических единиц привлекает внимание различных ученых, так как является комплексным явлением различных языков. Изучение и анализ фразеологии помогают рассмотреть культурные аспекты нации, проследить работу коллективного этнического сознания над осмыслением и категоризацией бытия человека. Фразеология является наиболее эффективным средством отображения объективной действительности, поскольку именно фразеологический состав языка играет особую роль в трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации, воплощая в образном содержании его единиц культурно-национальное мировидение [Телия, 1996].

Фразеологический состав языка являет собой сложную систему, компоненты которой обладают структурно-семантическими свойствами и характерными особенностями. Обычно фразеологизмы характеризуются высоким уровнем вариативности, что крайне затрудняет их изучение. Фразеологизмы могут быть несколько неуместны, например в научном тексте, из-за неоднозначности их семантики. Однако и в разговорной речи, и в художественном тексте фразеологизмы играют важную роль, придавая речи или тексту метафорическое значение, полное эмоций и экспрессии. Фразеологизмы отражают особенности культуры, обычаев, традиций, а также опыт, передаваемый от одного народа к другому, на протяжении всей истории их существования.

Фразеология раскрывает разнообразные стороны жизни народа, его существования; изучение фразеологии представляет большие трудности для иностранных студентов, а также для людей, посвятивших себя переводу различных текстов, так как они не только должны иметь достаточно высокий уровень владения изучаемым языком, но и знать культуру и традиции страны, в которой говорят на этих языках. Когда иностранный студент говорит по-испански, умело и уместно используя фразеологизмы, он демонстрирует не только высокое знание языка, но и прекрасное знание языковой картины изучаемого языка.

Изучение фразеологизмов также очень важно, потому что, если не носитель языка не знает значения фразеологизмов, возникают проблемы при общении с носителем языка, при чтении литературы или прессы.

В рамках данной статьи предпринята попытка рассмотреть фразеологические единицы, содержащие гастрономический компонент в испанском языке, с целью проведения их синтаксического и семантического анализа.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, СОДЕРЖАЩИХ ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ

В испанском языке фразеологические единицы, содержащие гастрономический компонент, соответствуют различным синтаксическим схемам. Синтаксический анализ фраз о гастрономии в основном основан на теории испанского лингвиста Руиса Гурильо, также связанной с исследованиями других лингвистов [Gurillo, 2001].

При выполнении анализа фразеологических единиц в испанском языке, содержащих гастрономический компонент, было обнаружено, что такие синтаксические конструкции, как «существительное + прилагательное» и «существительное + предлог + существительное», являются наиболее употребительными. Несмотря на то что традиционно в испанском языке существительное располагается с препозицией по отношению к прилагательному, иногда допускается постановка существительного после прилагательного, однако это происходит крайне редко (например, *mala uva*). Обычно установленный порядок слов не терпит изменений, например, в словосочетании *pan comido*, где *pan* является существительным, а *comido* причастием, иной порядок слов невозможен.

Выделяются следующие функции адъективных словосочетаний: функции, примыкающие к ядру именной фразы, функции атрибута или функции сказуемого. В первом случае в словосочетании типа «прилагательное / причастие + предлог + существительное» можно рассмотреть словосочетание *harto de ajos* (*невоспитанный*), в котором предлог связывает причастие и существительное, причем три элемента образуют составную фразу с функцией атрибуции.

Испанские фразеологизмы могут содержать сравнительные конструкции, служащие для изменения прилагательного. Согласно Академическому словарю испанского языка (RAE)[1], сравнительные конструкции – это те, которые устанавливают отношения превосходства, неполноценности или равенства между двумя понятиями с помощью грамматических средств. Сравнительные конструкции могут содержать в себе следующие фразы: *más... que...* (*более… чем…*), *menos...que...* (*менее… чем…*), *tan(to)... como...* (*такой… как…*); *el mismo... que...* (*тот же*, *что*); *igual... que...* и т. д.

Глагольные фразеологические единицы выступают ядром предиката и служат для выражения

[1]Cayo, B., Cortez, C., Zavala, D., León de Aranoa, F., Acosta, F. Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. 23 ed. 2014. URL: https://www.rae.es/corpes/

действий, могут употребляться как с дополнениями, так и без них. Для начала рассмотрим выражения с фиксированной атрибутивной структурой. В большинстве подобных фразеологических единиц прямое дополнение является фиксированным, например: *abrir el melón* (*приступить к дискуссии*), *cortar el bacalao* (*принимать важные решения*), *dar caña* (*задать взбучку*), *partir peras* (*быть вежливым, милым в отношении кого-либо / чего-либо*), *tocar la pera* (*мешать, раздражать*), *tocar los huevos* (*ставить кого-либо в неудобное положение*) и т. д. В некоторых фразеологических единицах фиксированными являются как прямое, так и косвенное дополнение: *poner los huevos sobre la mesa* (*проявить мужество, смелость*) *poner los huevos de corbata* (*замереть от ужаса*), *sacar las castañas del fuego* (*делать работу за кого-либо, отдуваться*).

Следует обратить внимание на конструкции, имеющие следующую структуру «глагол *importar* + дополнение». С формальной точки зрения существительное в данных конструкциях выполняет функцию прямого дополнения, однако в действительности оно выступает в роли подлежащего, например, *importar un pepino* (*не иметь никакой важности для говорящего*). В представленных фразах допускается употребление местоимений перед глаголом: *Me importa un pepino*.

Гастрономические компоненты в испанских фразеологизмах могут выполнять функции подлежащего, определения или прямого дополнения в соответствии с синтаксической структурой фразеологизма. Также они могут образовывать фиксированные глагольные конструкции, употребляться с предлогами, прилагательными и другими элементами. Кроме того, в некоторых случаях является невозможным заменить один гастрономический компонента на другой (например, во фразеологизме *dársela con queso – обвести вокруг пальца*, слово *queso* служит ядром номинальной синтагмы, поэтому замена данного слова не допускается).

Однако в некоторых случаях замена одного гастрономического компонента на другой представляется допустимой. Например, в словосочетании *importar un pepino* слово *pepino* (*огурец*) может быть заменено на слова *pimiento* (*перец*), *higo* (*инжир*), *huevo* (*яйцо*) или *rábano* (*редис*).

КЛАССИФИКАЦИЯ ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, СОДЕРЖАЩИХ ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ

При анализе испанских фразеологизмов, содержащих гастрономический компонент, было обнаружено, что чем чаще определенный продукт употребляется, тем чаще он встречается во фразеологических единицах. В испанском языке преобладают фразеологизмы, в которых используются такие слова, как *рис* (*arroz*), *виноград* (*uva*), *вино* (*vino*), *чеснок* (*ajo*), *хлеб* (*pan*), *хамон* (*jamón*), *сыр* (*queso*).

В статье приведены примеры фразеологизмов с гастрономическим компонентом, взятые из Испанского фразеологического словаря[1].

1. Фразеологизмы, содержащие слово *pan* (*хлеб*)

Хлеб занимает важное место в жизни каждого испанца и является основным продуктом питания. Неудивительно, что существует большое число фразеологизмов, содержащих данный компонент. Например, выражения:

más bueno que el pan – добрейшей души человек
quien hambre tiene con pan sueña – голодной курице просо снится
el pan mal conocido – черная неблагодарность
a pan y cuchillo – находиться на полном содержании у кого-либо.
con su pan se lo coma[2] – хоть трава не расти
de toma pan y moja / estar como un pan – неземной красоты[3]
venir con el pan bajo el / debajo del brazo – родиться с золотой ложкой во рту
el pan de cada día – хлеб насущный
ganar (se) el pan – сколотить состояние
hacer un pan como unas hostias – потерпеть неудачу / сесть в лужу
negar el pan y la sal (a alguien) – обращаться жестоко с кем-либо
no cocérsele el pan – сидеть как на иголках
no haber pan partido – быть верными друзьями, не разлей вода
pan sin sal – ни рыба ни мясо
pan y toros – хлеба и зрелищ
ser pan para hoy y hambre para mañana – сегодня едим хлеб, а завтра голодаем

Во фразеологизмах слово *pan* также может встречаться в комбинации с другими продуктами:

contigo pan y cebolla – и в горечи и в радости
con pan y cebolleta, no es menester trompeta – сочетать несочетаемое

[1]Seco M., Andrés O., Ramos G. Diccionario fraseológico documentado del español actual: Locuciones y modismos españoles. 2005. URL: http://hdl.handle.net/10017/24619

[2]Выражает безразличие к действиям другого человека или обстоятельствам в его жизни.

[3]Используется при положительной оценке внешности, черт характера.

con pan y vino se anda el camino – с выдержанным вином и мягким хлебом зима проходит
pan con pan, comida de bobos (*пословица означает, что выполнение повторяющихся действий скучено и не приносит удовольствия*)
pan mollete, hambre quita y hambre mete – аппетит приходит во время еды
pan tierno y leña verde, la casa pierden (*используется в ситуациях неразумного управления бюджетом*)
pan tierno y vino añejo, dan la vida al viejo – *букв.* 'мягкий хлеб и выдержанное вино радуют даже старика'
pan y vino, de casa de tu enemigo – доброму сухари в пользу, а злому мясо не впрок
pan y vino juega, que no camisa nueva – *букв.* 'вино, а не новая рубашка, сочетается с хлебом'
pan y nueces saben a amores[1] – *букв.* 'хлеб с орехами имеют потрясающий вкус'

2. Фразеологизмы, содержащие слово *arroz* (*рис*)

Изучив испанскую кухню, легко заметить, что рис занимает почетное место в испанской кулинарии. Например, известное на весь мир блюдо *paella valenciana* готовится из риса. Слово *рис* также широко используется в испанских фразеологизмах[2]:

estar para el arroz – валиться с ног от усталости
pasársele el arroz (a una mujer) – засидеться в «девках»
pegársele el arroz – быть обеспокоенным; делать что-либо в спешке
pegársele el arroz a una mujer – от семени плод, от плода семя

3. Фразеологизмы, содержащие слово *huevo* (*яйцо*)

В средиземноморской диете яйцо – один из основных элементов ежедневного рациона. Главным ингредиентом знаменитого испанского блюда *tortilla de patatas* (*картофельная тортилья – омлет с картошкой*) является именно яйцо. Приведем примеры фразеологических единиц, содержащих это слово:

hinchar los huevos – нарушить спокойствие кого-либо.
ir pisando huevos – ползти как черепаха (*перемещаться или делать что-либо очень медленно*)
manda huevos / tócate los huevos – валять дурака
parecerse como un huevo a otro huevo – быть на одно лицо (быть очень похожими)
parecerse como un huevo a una castaña – быть полностью непохожими
pasarse por los huevos – игнорировать человека, не повиноваться
poner los huevos encima de la mesa – бросать вызов кому-либо
tener huevos – быть мужественным
tener más huevos que El Espartero – быть храбрым
querer hacer la tortilla sin romper los huevos – говорится человеку, который намеревается выполнить важное дело, не причинив вреда или ущерба
romper el huevo – стать зрелым человеком

4. Фразеологизмы, содержащие слово *leche* (*молоко*)[3]

В испанском языке представлено значительное количество фразеологизмов, содержащих слово *молоко*, что также указывает на важность этого продукта для испанцев. Приведем примеры некоторых из них:

a toda leche – сломя голову
como la leche – белый как снег (*сравнительная конструкция*)
echar leches – быть разгневанным
estar que echa leches – находиться в напряженной ситуации
ser la leche – быть уникальным, чудесным
irse / marcharse / salir echando / cagando leches – бежать сломя голову

5. Фразеологизмы, содержащие слово *miel* (*мед*)

Фразеологические единицы, содержащие слово *мед*, также распространены в испанском языке. Мед часто используется в испанской кулинарии, особенно в блюдах высокой кухни. Фразеологизмы со словом *miel* часто имеют положительное значение. Рассмотрим следующие примеры:

como la miel / más que la miel – быть сладким как мед (*сравнительная конструкция, выражающая нежность по отношению к кому-либо*)
con la miel en los labios / la boca – иметь желание сделать что-либо, не довести до конца
hacerse (alguien) de miel – быть очень милым или добрым
miel sobre hojuelas – используется в ситуациях, когда говорящий хочет сказать, что грядет доброе будущее
ser pura miel – быть самим очарованием

[1] Пословица подчеркивает превосходную сочетаемость этих продуктов.
[2] Varela F., Kubarth H. Diccionario fraseológico español moderno. 1994
[3] Penadés Martínez I. Diccionario de locuciones verbales para la enseñanza del español. Madrid: Arco Libros, 2002.

6. Фразеологизмы, содержащие слово *pasta* (*паста*)

Несмотря на то что паста является традиционным итальянским блюдом, слово *pasta* также отображено в ФЕ испанского языка, однако в довольно большом количестве испанских фразеологизмов данное слово означает «деньги» (особенно в разговорных вариантах):

soltar / aflojar / sacudir la pasta – одалживать деньги
tocar la pasta – жить за счет другого человека
una pasta (gansa) – иметь много денег

7. Фразеологизмы, содержащие слово *patata* (*картофель*)

Картофель является базовым продуктом во многих культурах, испанская культура и язык также не стали исключением. Приведем примеры некоторых фразеологизмов, содержащих слово *patata*:

comérselo con patatas – съесть со всеми потрохами. Легко победить или устранить кого-либо
patata caliente – переложить ответственность на другого человека, перевести стрелки
ser una patata (*говорится о некомпетентном человеке, плохо выполняющем свою работу*)
ni (una) patata (*синоним слова **ничего***; *часто используется в сочетании с глаголами **saber** (**знать**) или **entender** (**понимать**) в отрицательных предложениях*)

8. Фразеологизмы, содержащие слово *pera* (*груша*)

Следует обратить внимание на то, что слова, обозначающие фрукты, также активно употребляются в испанских фразеологизмах. Рассмотрим следующие фразеологизмы, содержащие слово *груша*:

partir las peras – прекращать отношения с кем-либо
pedir peras al olmo – ждать невозможного (просить милостыню у нищего)
pera / perita en dulce – хороший продукт, удивительная красота человека (*используется, чтобы подчеркнуть превосходные качества*); быть лакомым кусочком (*употребляется также по отношению к выгодной сделке или выгодному предложению*)
poner las peras a cuarto – говорить горькую правду
tocar la pera – мешать кому-либо
tocarse la pera – не работать, быть безработным по собственному желанию
saber a peras (*выражает сильную боль, которую один человек причинил другому*)

В пунктах 9 и 10 представлены фразеологизмы, содержащие слова *sal* (*соль*) и *sopa* (*суп*)[1].

9. Фразеологизмы, содержащие слово *sal* (*соль*)

estatua de sal – быть очень удивленным, ошеломленным, застыть как вкопанный (*обычно сочетается с глаголами **quedarse como*** (*букв.* ‘застыть как соляной столб’), ***convertirse en*** (*превратиться в*), ***ser una*** (*стать*))
la sal de la tierra[2] – быть солью земли (*применяется по отношению к выдающимся личностям*)
volverse agua y sal – исчезнуть, раствориться как соль в воде
negarle a alguien el pan y la sal – отказать кому-либо, отвергнуть (*букв.* ‘отказать в хлебе и соли’)

10. Фразеологизмы, содержащие слово *sopa* (*суп*)

dar sopas con honda – легко победить / одолеть
estar para sopitas y buen vino – быть чахлым, дряхлым (*о человеке*)
poderse comer sopas – быть кристально чистым
estar para sopas / sopitas y buen caldo – быть физически слабым, немощным
querer / tener tetas y sopas – желание иметь всё и сразу
ni harto de sopas – ни под каким предлогом, ни за что

Исходя из вышеприведенных примеров испанских фразеологизмов, содержащих гастрономический компонент, можно заметить, что они могут иметь денотативное или коннотативное значение. Испанский ученый Корпас Пастор делит денотативное значение фразеологизмов на два класса, а коннотативное – на четыре [Corpas Pastor, 1996]. Денотативное значение состоит из буквального значения ФЕ и переводного или идиоматического, в то время как коннотативное значение ФЕ основано на стилистических, социально-географических, историко-культурных и экспрессивных коннотациях. Упомянутый автор указывает, что денотативное значение целостных элементов претерпевает в ФЕ минимальную степень делексикализации или грамматикализации, но при этом остается вполне узнаваемым. В этом случае семантическая идиоматичность фразеологизма служит его основной характеристикой.

В испанском языке существует большое количество фразеологизмов, относящихся к данной

[1]Buitrago J. A. Diccionario de dichos y frases hechas. 2012. URL: https://biblioteca.multiversidadreal.com/BB/Biblio/Alberto%20Buitralgo/Diccionario%20de%20dichos%20y%20frases%20hecha%20%2841%29/Diccionario%20de%20dichos%20y%20frases%20-%20Alberto%20Buitralgo.pdf

[2]Если данное выражение используется с глаголом ***creerse*** (***полагать***), оно приобретает ироничный смысл и означает, что человек слишком высокого мнения о себе.

категории, приведем наиболее репрезентативные примеры.

mala uva и mala leche – испорченный виноград и скисшее молоко (*однако данные словосочетания мы используем в качестве устойчивых выражений для описания недоброжелательного человека*)

cara de pan – *букв.* ‘хлебное лицо’ (*используется для описания простоты человека*)

montar un pollo – устроить скандал (*букв.* ‘оседлать курицу’)

abrir el melón – начать новое дело (*букв.* ‘разрезать дыню’)

dar calabazas – провалить экзамен или отказать кому-либо (*букв.* ‘дать тыкву’)

Стоит упомянуть, что также существуют устойчивые выражения, содержащие гастрономический компонент, которые обязаны своим происхождением историческим и культурным событиям, анекдотам и т. д., например:

- *caro como aceite de Aparicio* (*на вес золота*) используется для определения дорогой цены чего-либо, данное выражение было рождено историческим событием;
- *el pan de cada día* (*хлеб насущный*) имеет также библейское значение;
- *el chocolate del loro* (*экономить на мелочах, будучи богатым*) берет корни из испанской культуры: в XVII веке самым распространенным способом развлечь гостей было предложить им чашку шоколада с ломтиками хлеба; в XVIII веке шоколад стал национальным напитком, несмотря на его цену, поэтому только те, кто покорил Америку и имел хорошее финансовое положение, могли тратиться на него; эти люди держали дома попугая в качестве напоминания о своей старой жизни и клали ему в клетку некачественный шоколад, чтобы он мог его клевать.

Следует обратить внимание на стилистическую коннотацию фразеологизмов в контексте коннотативного значения. Некоторые фразеологические обороты могут употребляться:

- в нейтральном стиле: *cortar / partir el bacalao* (*командовать*), *más colorado que un pimiento* (*краснеть как помидор*);
- в книжном стиле: *tener castañas* (помогать кому-либо), *ser bueno como el pan* (*добрейшей души человек*);
- в разговорном стиле: *mala uva / mal yogur* (*иметь плохой характер*), *aburrirse como una ostra / aburrirse como un hongo* (*умирать от скуки*), *no estar el horno para bollos* (*быть в плохом настроении*), которые придают фразам уничижительное значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение испанских фразеологизмов, содержащих гастрономический компонент, позволяет сделать выводы о том, что гастрономия занимает важнейшее место в испанской картине мире, однако испанцы не имеют стереотипов в отношении «съедобных» элементов. По этой причине во фразеологизмах один и тот же продукт, например молоко, может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. Испанские фразеологизмы, содержащие гастрономический компонент, обладают широком синтаксическим и семантическим многообразием, что делает данный предмет исследования интересным как для изучающих испанский язык, так и для преподавателей, составителей учебников и учебных пособий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты // La Revue russe. 1996. Vol. 13. P. 69–70. URL: https://www.persee.fr/doc/russe_1161-0557_1998_num_13_1_1980_t1_0069_0000_2
2. Gurillo R. L. Las locuciones en español actual. Arco Libros, S. L., 2001. URL: https://phaidra.cab.unipd.it/api/object/o:458762/diss/Content/get
3. Corpas Pastor G. Manual de fraseología española. Biblioteca románica hispánica: Manuales, 3. Gredos, 1996. URL: https://books.google.ru/books?id=emRdAAAAMAAJ

REFERENCES

1. Teliya, V. N. (1996) Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul’turologicheskij aspekty = Russian Phraseology: Semantic, pragmatic and Linguocultural Aspects. La Revue russe, 13, 69–70. URL: https://www.persee.fr/doc/russe_1161-0557_1998_num_13_1_1980_t1_0069_0000_2 (In Russ).

2. Gurillo, R. L. (2001). Las locuciones en español actual. Arco Libros, S. L. URL: https://phaidra.cab.unipd.it/api/object/o:458762/diss/Content/get
3. Corpas Pastor, G. (1996). Manual de fraseología española. Biblioteca románica hispánica: Manuales, 3. Gredos. URL: https://books.google.ru/books?id=emRdAAAAMAAJ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трофимова Екатерина Александровна
преподаватель Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Trofimova Ekaterina Aleksandrovna
Lecturer, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication
Financial University under the Government of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	15.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	11.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’42

Категория лица в акте речи: сопоставление французского и русского языков

Е. Л. Туницкая

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации
Москва, Россия, thon@list.ru

Аннотация. Объект данного сопоставительного исследования – употребление категории лица в акте речи на французском и русском языке. Сопоставление выполнено в прагматическом аспекте, где высказывание рассматривается как отражение ситуации речи. Теоретическая значимость подхода заключается в том, что акцент при сопоставлении делается не столько на системных грамматических показателях, сколько на узусе, т. е. употребительности тех или иных форм лица в речевых актах, как в устной, так и в письменной форме – в административно-деловом и научном стилях.

Ключевые слова: категория лица, речевой акт, позиция говорящего, узус, административно-деловой стиль, научный стиль, номинативное предложение

Для цитирования: Туницкая Е. Л. Категория лица в акте речи: сопоставление французского и русского языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 113–119.

Original article

The Category of the Person in the Act of Speech: Comparison of French and Russian Languages

Elena L. Tunitskaya

The All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation
Moscow, Russia, thon@list.ru

Abstract. The object of this comparative study is the use of the category of a person in the act of speech in French and Russian. The comparison is carried out in a pragmatic aspect, where the statement is considered as a reflection of the situation of speech. The theoretical significance of the approach lies in the fact that the emphasis in the comparison is not so much on system grammatical indicators as on usus, that is, the use of certain forms of a person in speech acts, both orally and in writing – in administrative, business and scientific styles.

Keywords: category of person, act of speech, speaker’s position, usus, administrative and business style, scientific style, nominative sentence

For citation: Tunitskaya, E. L. (2024). The category of the person in the act of speech: comparison of French and Russian languages. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 113–119.

ВВЕДЕНИЕ

Под прагматической категорией лица мы понимаем совокупность параметров употребления формы лица на этапе высказывания (в координатах *moi*, *ici*, *maintenant*), т. е. в аспекте дейксиса. В орбиту нашего внимания могут попасть и формы, отсылающие к личным местоимениям – *mon*, *le tien* и т. п.

Цель исследования заключается в сопоставлении прагматической категории лица во французском и русском языках.

Наш выбор пал на данный термин «категория лица» в противовес термину «категория субъекта», поскольку последний может использоваться в аспекте логики построения суждения (оппозиция субъект – предикат), а также в исследованиях семантической (актантной) структуры предложения и даже в сфере актуального членения высказывания.

В то же время не рассматриваются собственно морфологические аспекты, такие как соотнесение лица подлежащего и глагольной формы.

Мы привлекли в качестве *материала* для анализа как устно-речевые высказывания диалогического характера, так и материалы официальной речи и деловой переписки.

Основным методом стало сопоставление французских речевых актов с их русскими эквивалентами.

Гипотетически говорящий субъект описывает ситуацию с позиции одного из коммуникантов (*moi / toi*) или третьего лица, причем выбор позиции при описании одной и той же ситуации франкоязычным и русскоязычным коммуникантом может не совпадать. Подобное несовпадение отмечалось рядом известных авторов, например, при создании курса сопоставительной грамматики.

Мы считаем *теоретически значимым* обращение не только к языковой системе, но и к узусу, который дает обширный материал для сопоставления.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В отечественной традиции на рассматриваемую нами проблему обращал свое внимание В. Г. Гак. В своей фундаментальной работе, посвященной французской грамматике, ученый отмечал, что при одном и том же содержании высказывания говорящий может ориентировать это высказывание на разные лица, участвующие или нет в речевом акте. Разница очевидна при эквивалентном переводе на русский язык французского высказывания: «Je te signale que… ⇨ Учти, что…» [Гак, 2004, с. 764].

Мы наблюдаем, что говорящий занимает определенную позицию: француз ориентирует речевой акт на себя, русский мысленно встает на позицию собеседника.

Очевиден вопрос, можно ли предложить переводческий эквивалент, структурно повторяющий оригинал: «Я обращаю (твое) внимание что….». Вопрос не в грамматической корректности (она соблюдена), а в частотности употребления такого варианта, т. е. в узусе. Тем более что такой перевод грешит рассогласованием обращения на «ты» и более официального лексического оформления высказывания. Таким образом, узус играет существенную роль в успешности коммуникации.

Преобладание той или иной узуальной модели в языке позволяет, по мнению известного исследователя А. Вежбицкой, говорить о менталитете носителей данного языка. Исследователь говорит о «прагматической маркированности» узуальных структур [Вежбицкая, 1996].

Фактически речь вновь идет о выборе точки зрения на описываемую ситуацию, который французский исследователь Б. Потье именовал термином «vision» [Pottier, 1992]. Оговоримся, что термин, предложенный Б. Потье, гораздо шире рассматриваемого нами явления: в данной статье мы говорим лишь об одной из форм проявления позиции говорящего – выражение ее личным местоимением, которое именует участника ситуации. В целом же позиция говорящего проявляется и другими разнообразными способами, например, через пространственный дейксис (*здесь / там*, *далеко / рядом*), через категорию залога и т. п.

Так, сравнивая французское «J'ai des ennuis» с русским «У меня (случились) неприятности», А. Вежбицкая подчеркивает тенденцию русскоязычного говорящего представить себя не агенсом, а пациенсом процесса, в чем автор усматривает стремление подчеркнуть свою зависимость от обстоятельств.

Добавим, что подобного рода конструкции, особенно семантически связанные с выражением чувств или иными процессами, в русском языке действительно изобилуют. Сравним:

J'ai réussi ⇨ Мне удалось….
Je regrette ⇨ Мне жаль.
J'ai mal ⇨ Мне больно.
Il est confus ⇨ Он сконфужен; ему неудобно.

Говоря о категории лица в акте речи, нельзя обойти вниманием французское местоимение *on*, обладающее, как известно неопределенным или обобщенным значением: *on frappe = quelqu'un frappe*; *on sait = tout le monde sait ⇨ общеизвестно*.

В целом речь идет о достаточно изученном явлении в аспекте морфологии и синтаксиса, а

подбор русского эквивалента этого местоимения в конкретных случаях диктуется обычно не узусом, а правилами традиционной грамматики.

Однако нас может заинтересовать возможность транспозиционной замены местоимением on в разговорной речи или художественном тексте практически любого лица при его повторной номинации. В ряде случаев, даже без повторной номинации, для понимания достаточно ситуационного контекста:

Alors, on est triste comme toujours? (*ироничное обращение к собеседнику*) ⇨ Ну что, (ты) как всегда, печален?

В подобных случаях справедливо говорить об узуальном использовании местоименной формы *on*.

В. Г. Гак относит данное явление к свойственному французскому языку использованию более абстрактного знака при повторной номинации.

Нам представляется также существенной тенденция к языковой экономии, поскольку данная замена позволяет говорящему упростить морфологию (спряжение) глагольной части высказывания. Заметим, что в русском или испанском языках, где морфологическая категория лица может быть выражена только глагольным окончанием при формальном отсутствии подлежащего, подобное явление не наблюдается.

Эквивалентом перевода с французского на русский чаще всего будет служить личное местоимение, которое восстанавливается по контексту или ситуации. Как показывает приведенный выше пример, местоимение *ты* может быть в русском переводе опущено.

Итак, по мнению В. Г. Гака, приводящего примеры разговорного стиля речи, для французского языка частотность употребления личных местоимений в речевой акте устанавливается от 1-го лица (максимум), через 2-е лицо к 3-му (минимум) [Гак, 2004]. Русский же, напротив, описывается по схеме 3-е лицо ⇨ 2-е лицо ⇨ 1-е лицо.

Например, для высказывания «Je laisse couler» предлагается эквивалент «Пусть идет как идет».

Данную схему можно принять с той оговоркой, что 3-му лицу в обоих языках чаще соответствует не собственно «он», а безличная или неопределенно-личная форма, в том числе и для французского формального подлежащего:

Il faut. ⇨ Надо.
Il est à noter. ⇨ Следует заметить.

Рассмотрим следующие примеры:

Est-ce que je pourrais emprunter ton portable? ⇨ Можно мне взять твой мобильник?

Je voudrais ajouter. ⇨ Мне бы хотелось добавить.

Они не столь однозначны, хотя мы вновь наблюдаем доминирование первого лица во французском варианте и безличный оборот в русском. Однако первое лицо говорящего здесь присутствует в форме косвенного падежа, так что его категориальная отнесенность к первому лицу отчасти сохранена. Правильнее говорить, в таких случаях, не о смене лица, а о понижении статуса лица от подлежащего к дополнению, тем более что иного лица – участника ситуации мы не наблюдаем.

Вслед за В. Г. Гаком и А. Вежбицкой, можно действительно констатировать склонность носителей русского языка в разговорной речи выражать свои чувства и ощущения, используя безличную форму глагола или номинативное предложение. Сравним:

J'éprouve (j'ai) une grande joie! ⇨ Мне так радостно! У меня большая радость. Какая радость!

Je suis mal à l'aise parmi mes collègues. ⇨ Среди коллег мне неуютно, неудобно.

Отметим, что высказывание «Я испытываю большую радость» грамматически вполне корректно, но вряд ли употребительно в устной речи. В случае же «(?)Я имею большую радость» язык полностью блокирует дословный перевод.

Перевод второго примера с подлежащим в 1-м лице также возможен: «Среди коллег я чувствую себя неуютно». Однако этот вариант искусственно усложнен.

В следующих примерах замене подвергается конструкция с подлежащим 2-го лица:

Tu aurais dû réfléchir avant de lui parler. ⇨ Тебе бы следовало подумать, прежде чем с ним разговаривать.

Tu devrais le remercier pour ce qu'il a fait pour toi. ⇨ Тебе стоит (следует) его поблагодарить за сделанное для тебя.

Мы вновь сталкиваемся в русском языке не столько со сменой лица участника ситуации, сколько с понижением его формально-синтаксического статуса в безличном высказывании. Это явления (чаще – в русском языке) соотносимо с предикатами семантики состояния (чувства), процесса, долженствования, но не действия.

Однако не следует упрощать проблему. Прежде всего необходимо, на наш взгляд, разграничить в анализе речи разговорно-бытовую речь

и официальный стиль как в устной, так и в письменной форме.

В официальной речи, особенно письменной (деловая переписка), наблюдается иная картина. Французский язык здесь часто использует форму 1-го лица (так называемые перформативные конструкции):

Je déclare la séance close! ⇨ Объявляю заседание закрытым. / Заседание объявляется закрытым.

Je passe la parole à Monsieur N. ⇨ Я предоставляю слово Господину Н. / Слово предоставляется Господину Н.

La jury décerne le prix à Monsieur Grassain ⇨ Жюри номинирует на премию Господина Грассена.

В примерах перформативный речевой акт часто сохраняется при переводе на русский язык, хотя вполне допустим и синонимичный вариант.

Je vous arrête! ⇨ Вы арестованы.

В последнем примере перформативный акт в русском языке не употребляется: (?) *Я вас арестую* (*тут же*, *немедленно*).

Рассмотрим также несколько примеров из официальной переписки:

Veuillez trouvez ci-joint notre nouveau catalogue.

Или:

Vous trouverez ci-dessous notre nouveau catalogue. ⇨ Направляем вам в приложении каталог…

Vous allez manipuler le nouvel appareil avec plus d'aisance. ⇨ Наш новый прибор более удобен в обращении.

Очевидно, что пишущий франкофон в подобной ситуации встает на позицию адресата речи (2-е лицо), тогда как русский, напротив, сохраняет 1-е лицо – непосредственно, как в примере один, или опосредованно косвенным падежом, как в примере два. То есть официальной речи свойственны иные тенденции, нежели речи разговорной.

La vérification a démontré un manquant important dans la deuxième caisse / A la vérification il s'est avéré un manquant important dans la deuxième caisse. ⇨ При проверке обнаружилась (была обнаружена, нами была обнаружена) недостача во втором ящике.

L'analyse a confirmé la qualité non conforme des tissus livrés / Au cours de l'analyse il a été constaté la qualité non conforme des tissus livrés. ⇨ Анализ подтвердил несоответствие качества ткани (образцам).

Показательно, что в подобных случаях официальной переписки, где намечается конфликтная ситуация, оба языка стремятся избегать высказываний от 1-го лица, которое грамматически вполне возможно, но узус свидетельствует о желании коммуникантов подчеркнуть объективный характер передаваемой информации, высказаться «отстраненно».

В том же аспекте следует остановиться на специфике научного стиля, которую мы рассмотрим на примере юридического научного исследования.

Для французского научного стиля характерно желание пишущего избежать высказываний от 1-го лица единственного числа. Это отмечалось, например, в работах В. А. Кожемякиной [Кожемякина, 1987]. Ту же тенденцию мы наблюдаем в русском языке.

Исследователи функциональных стилей говорили бы о стилистической особенности научного стиля, специалисты по лингвопрагматике – о языковой характеристике соответствующего жанра. Нам представляется, что одно вытекает из другого. С прагматической точки зрения речь идет о стремлении показать объективный, независимый от говорящего субъекта характер констатации (наблюдения). То есть стремление к объективации высказывания роднит французский и русский научный стили. Некоторое отличие можно отметить на уровне преобладания той или иной формы объективации. Так, в русском научном тексте доминирует местоимение *мы*, часто встречается также безличная конструкция, а для французского – характерно неопределенно-личное местоимение *on*, о котором говорилось выше. Сравним:

C'est dès récemment que l'on a pu constater que les juristes français avaient aussi investi ce nouveau champ de recherche [Truilhé-Morengo, 2002, с. 38]. ⇨ Ныне мы констатируем… / В последнее время стало ясно, что французские юристы также внесли свой вклад в это новое направление исследований.

Автор с целью аргументации иногда заявляет свою позицию не как сугубо личную, а как общепринятую, общеизвестную. Универсализация своей позиции в языковом плане также реализуется местоимением *on*:

On sait que… ⇨ Общеизвестно, что…
On considère que…, on conçoit que… ⇨ Обычно считается, что…

On envisage que… ⇨ Обычно рассматривают….

Тем не менее форма 1-го лица множественного числа *nous* иногда используется для объективации содержания во французском тексте:

Nous utiliserons donc la notion de contrats spéciaux [Truilhé-Morengo, 2002, c. 43]. ⇨ Итак, мы будем использовать понятие специализированных контрактов.

Употребление обобщающего *nous* обусловливает появление притяжательного прилагательного *notre*:

C'est à ce titre que les dispositions du droit communautaire entrent directement dans le cadre de notre étude [Truilhé-Morengo 2002, c. 43]. ⇨ Именно на этом основании наше исследование охватывает положения европейского права.

Близким по функции является использование императива 1-го лица множественного числа:

Notons que… ⇨ Отметим, что…

Во французском научном тексте мы встречаем и иные средства именования скрытого или обобщенного субъекта, такие как:

Tout porte à croire… ⇨ Всё заставляет полагать…
Il faut convenir que… ⇨ Следует признать, согласиться…
Il convient de soulingner… ⇨ Надлежит подчеркнуть…

Как видно из примеров, французский и русский научный стиль в равной мере опираются на безличные конструкции, которые используются для выражения утверждения, возможности и вероятности, полезности действия. Особенно часто речь идет об универсальном безличном долженствовании:

Il convient donc d'envisager… ⇨ Следует рассмотреть…
Il suffit d'observer… ⇨ Достаточно обратить внимание на…

Pour qu'un contrat se forme, il est nécessaire que soit émise une offre ferme [Goubeaux, Bihr, 2001, c. 89]. ⇨ Для формирования контракта необходимо, чтобы было сделано твердое предложение.

Частота употребления пассивной конструкции также способствует объективации высказывания на прагматическом уровне. Неоднократно отмечалось, что французский научный стиль чаще использует пассивную конструкцию, чем, например, разговорно-бытовая речь.

С точки зрения выражения категории лица, речь будет идти, как правило, о 3-м лице единственного или множественного числа. Однако в подобных примерах подлежащее третьего лица не будет являться субъектом описываемого действия.

Анализ примеров показывает, что русский язык предпочтет, скорее, местоименную форму глагола в ее пассивном значении, а не собственно пассивную конструкцию. Но прагматическая функция «десубъективации» подлежащего в третьем лице останется неизменной.

Loin d'avoir été trop souvent abordée, la question semble l'avoir été de manière imprécise [Truilhé-Morengo, 2002, c. 43]. ⇨ Этот вопрос, по-видимому, не слишком часто затрагивался, да и трактовался неточно.

Пассивная форма может служить «маскировке» авторской точки зрения под общепринятую:

Le terme évocateur de contrat d'adhésion est employé couramment pour désigner ce type de contrat… [Goubeaux, Bihr, 2001, c. 89]. ⇨ Для обозначения этого типа договора используется обычно наглядный термин «договор о присоединении».

Особый интерес представляет проблема выражения категории лица в номинативном предложении.

Прежде всего следует разграничить неполное номинативное предложение в диалоге (диалогическом единстве), когда лицо субъекта восстанавливается по контексту:

– Qui en est coupable?
– Mais les deux.

Однако в художественном тексте, особенно в поэтическом и прозаическом, наблюдаются номинативные предложения, не входящие в диалог. Их нельзя трактовать как неполные. Приведем пример общеизвестного стихотворения А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека…»

По мнению В. Г. Гака, с которым мы согласны, во французском языке их нельзя также трактовать как сокращенный вариант бытийных высказываний: «Bruit de pas très proche» нельзя рассматривать как сокращенный вариант для бытийного высказывания «Il y a un bruit de pas» или «On entend un bruit de pas» [Гак, 2002, с. 712]. Действительно, в языке существуют обе модели, и говорящий выбирает одну из них для решения, по всей вероятности, художественной задачи в прагматическом плане. Аналогичные выводы можно сделать и для

русского языка. Таким образом, подобные «поэтические» номинативные предложения являются нерасчлененными конструкциями, монoремами, включающими как субъект, так и предикат. Исследователь предлагает соотносить номинатив со сказуемым или с подлежащим в зависимости от контекста для каждого конкретного случая.

В рамках данной статьи отметим лишь, что во французской прозе подобные конструкции чаще всего являются частью внутреннего монолога или описания событий глазами персонажа:

> *Ce confort* qu'il a toujours protégé de ce que ressentait les autres…. Si normal qu'elle se lève sur la pointe des pieds nuit après nuit pour aller reconforter l'enfant qui pleurait. *Son monde à elle... Pas le sien* ! Si normal qu'elle reste seule à ranger la cuisine… [Oumhani, 2007, с. 105].

> Des toiles de femmes, immenses surfaces de couleurs, eaux tranquilles, ciels en fusion. .. Facile, trop lisible peut-être… [там же, с. 13].

> Rumeur de cris et d'un corps qui s'affole, pris au piège de ceux qui broient les êtres…. Des images entre les mains des hommes [там же, с. 85]

> Ahlam ralentit le pas. *Une rue adjacente, pavée de gris* [там же, с.10].

Имитируемый писателем процесс формирования речи-мысли персонажа еще фрагментарен, мысль лишь частично передается словом. Читатель сам во многом достраивает логику мысли. Не случайно подобные отрывки напоминают текст поэтический.

Русские номинативные конструкции в художественном тексте функционально аналогичны французским и сохраняются при переводе.

В этом случае возникает вопрос о выраженности в них категории лица: присутствует ли она в таком высказывании? Представляется, что данная проблема требует серьезного самостоятельного исследования.

Выскажем лишь некоторые предварительные суждения. Формально речь идет о неодушевленном 3-м лице единственного или множественного числа, которое не является субъектом действия. Значение такого номинативного предложения ближе к бытийному: «Il y a un bruit de pas» или «On entend un bruit de pas». Бытийное же предложение либо безлично, либо неопределенно-лично. Если же рассматривать текст с прагматической позиции как дискурс, то субъектом речемыслительного процесса или процесса наблюдения является созданный автором произведения персонаж, позицию которого сам автор разделяет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, использование того или иного прагматического лица при описании ситуации может не совпадать в разных языках, причем чаще на уровне узуса, а не грамматических требований системы. Это явление следует учитывать в обучении, в частности при подготовке переводчиков.

Первое или второе лицо (именование говорящего или адресата речи) часто не устраняется из высказывания, но наблюдается понижение его синтаксического статуса (подлежащее становится дополнением). При этом часто используется безличная форма предложения.

Особое место во французской грамматике, например, и в сфере узуального употребления грамматических форм, занимает местоимение *on*, обладающее не только уникальным неопределенным и обобщенным значением, но и специфической лингвопрагматической функцией замены любого лица в разговорной речи.

Именование прагматического лица в речевом акте зависит от семантики предиката. Так, русскоязычный говорящий часто избегает 1-го лица подлежащего *я*, говоря о состояниях, чувствах, процессах. Французскому языку это не свойственно. Однако и франкофон избегает употребления 1-го лица в официально письменной речи в связи с объективацией сообщаемого факта как независящего от его воли.

Отметим, что научный и административно-деловой стили в аспекте категории лица имеют ряд сходных черт, которые объясняются стремлением объективировать содержание высказывания, «скрыть» позицию говорящего субъекта. Тем не менее следует учитывать и ряд отличий в рассматриваемых языках. Например, использование местоимения *on* во французском научном стиле с преобладанием формы *мы* в русском, более частое использование пассивной конструкции во французском научном стиле.

Что касается специфики выражения категории лица в номинативном предложении, то определение лица в диалогическом высказывании (неполное предложение) затруднений не вызывает. Выражение данной категории в номинативных предложениях художественного (поэтического) текста как на французском языке, так и на русском, напротив является интересной самостоятельной задачей, требующей отдельного исследования.

Таким образом, рассматривая реализацию категории прагматического лица в речевом акте, необходимо учитывать стиль и форму речи, что, по нашему мнению, более продуктивно, чем делать самые широкие обобщения о ментальной картине мира носителя того или иного языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : [пер. с англ.] ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Рус. слов., 1996.
3. Pottier B. Théorie et analyse en linguistique. P.: Hachette, 1992.
4. Кожемякина В. А. Язык и стиль французских официально-деловых документов: учебное пособие. М.: МГИМО, 1987.
5. Truilhé-Morengo E. Vers un droit communautaire des contrats Thèse de doctorat en Droit Sous la direction de Emmanuel Putman. Soutenue en 2002 à Aix-Marseille.
6. Goubeaux G., Bihr Ph. Les épreuves écrites en droit civil: Dissertation, Consultation, Commentaire d'arrêt. P.: LGDJ, 2001.
7. Oumhani C. Plus loin que la nuit. Condé-sur-le-Noireau: Eitions de l'aube, 2007.

REFERENCES

1. Gak, V. G. (2004).Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka = Theoretical grammar of the French language. Moscow: Dobrosvet, 2004. (In Russ.)
2. Wierzbicka, A. (1996). Language, Culture and Cognition [transl. from English] ; ed. by M. A. Krongauz. Moscow: Rus. slov. (In Russ.)
3. Pottier, B. Théorie et analyse en linguistique. (1992). Paris: Hachette.
4. Kozhemyakina, V. A. (1987). Yazyk i stil' frantsuzskikh ofitsial'no-delovykh dokumentov = The language and style of French official business documents: Textbook. Moscow: MGIMO.
5. Truilhé-Morengo, E. (2002). Vers un droit communautaire des contrats Thèse de doctorat en Droit Sous la direction de Emmanuel Putman. Soutenue en 2002 à Aix-Marseille.
6. Goubeaux, G., Bihr, Ph. (2001). Les épreuves écrites en droit civil: Dissertation, Consultation, Commentaire d'arrêt. Paris: L G D J.
7. Oumhani, C. (2007). Plus loin que la nuit. Condé-sur-le-Noireau: Eitions de l'aube.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Туницкая Елена Леонидовна
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры романо-германских языков
Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tunitskaya Elena Leonidovna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Roman-Germanic languages
the All-Russian Academy of Foreign Trade, Ministry of Economic Development of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	17.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	22.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’42

Латинские выражения в дискурсе политиков Великобритании

Е. Е. Шеховцова

Ярославский государственный технический университет, Ярославль, Россия
shekhovtsova_eva@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется использование латинских выражений британскими премьер-министрами. До сих пор не установлена цель данных речевых действий политиков. При написании работы использовался метод сплошной выборки, метод контекстуального анализа и метод контент-анализа. Материалом исследования послужили высказывания политических деятелей, опубликованные в Интернете, результатом стала интерпретация латинских фраз премьер-министров и отсылок к истории Древнего Рима.

Ключевые слова: латинские выражения, латинский язык, политический дискурс, британские политики

Для цитирования: Шеховцова Е. Е. Латинские выражения в дискурсе политиков Великобритании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 120–126.

Original article

Latin Expressions in the Discourse of British Politicians

Eva E. Shekhovtsova

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia
shekhovtsova_eva@mail.ru

Abstract. The article analyzes the use of Latin expressions by British prime ministers. The problem is that the meaning of these speech actions of politicians has not yet been studied. In the work the method of continuous sampling, contextual analysis, content analysis was used. The research is based on statements by politicians published in the Internet; the result is the interpretation of the Latin phrases of prime ministers, references to the history of Ancient Rome.

Keywords: Latin expressions, Latin language, political discourse, British politicians

For citation: Shekhovtsova, E. Ye. (2024). Latin expressions in the discourse of British politicians. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 120–126.

ВВЕДЕНИЕ

Латинский язык является мертвым языком, однако окончательно не забытым. Он используется в юриспруденции, медицине, преподается в Германии и Италии, в Англии он стал прерогативой элиты[1]. Время от времени фразы на латыни встречаются в материалах зарубежных СМИ. В речах премьер-министров Великобритании неоднократно встречаются латинские цитаты, принадлежавшие видным политикам и писателям античности, ссылки на события древнеримской истории. Анализу использования британскими политическими лидерами высказываний римских деятелей и отсылок к истории Древнего Рима посвящена данная статья.

Актуальность исследования заключается в том, что изучение латинских выражений и исторических фактов, упомянутых британскими политиками, позволяет определить цели, которые они преследовали, и истинный смысл их посланий. Непосредственным поводом для написания работы стала публикация текста заключительной речи экс-премьер-министра Лиз Трасс, в которой прозвучала латинская цитата, переведенная на английский язык. В связи с этим возник вопрос о том, использовали ли другие премьер-министры Великобритании в своих выступлениях оригинальные и переведенные латинские высказывания.

Анализу речей политиков были посвящены работы исследователей А. В. Ваганова (2023), Л. С. Поляковой (2020), Дж. Оруэлла (2003), однако только некоторые специалисты, например Г. Кэмпбелл[2], занимались вопросом использования латинского языка в политическом дискурсе.

Англоязычные СМИ периодически публикуют статьи, которые констатируют факт употребления латинских выражений современными британскими политиками, но причины, по которым политики используют латынь, авторы не анализируют, а также не предпринимают попытки комплексного исследования латинских выражений в речах самых влиятельных премьер-министров Великобритании, находившихся у власти после окончания Второй мировой войны: У. Черчилля, М. Тэтчер, Б. Джонсона и Л. Трасс.

Целью настоящего исследования является анализ использования латинских выражений и упоминаний фактов из истории Древнего Рима британскими премьер-министрами. Задачи исследования: изучить материалы речей, телеграмм, интервью политических деятелей Великобритании; найти перевод на латинский язык тех фраз, которые политики цитировали не в оригинале.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалами исследования послужили различные виды источников: стенограммы выступлений премьер-министров Великобритании, тексты телеграмм, интервью и статьи, опубликованные на сайтах англоязычных СМИ: «Sunday Telegraph», «The Guardian» и др.

На первом этапе исследования использовался метод сплошной выборки, когда из массива текстов отбирались оригинальные латинские изречения и переведенные на английский язык, цитаты, упоминавшие события из древнеримской истории. На втором этапе применялся метод контекстуального анализа выбранных примеров, с помощью которого были найдены скрытые намерения говорящих, и контент-анализ. Полученные результаты исследования были проанализированы с помощью синтаксической и прагматической интерпретации. В. З. Демьянков писал о преимуществе такого подхода: «взаимодействие различных видов интерпретации дает понимание – внутренне реализованную, “удачную интерпретацию”» [Демьянков, 1999, с. 12].

При анализе собранных выражений изучался контекст, в котором они употреблялись, был найден перевод латинских и английских фраз на русский язык, установлено авторство высказываний и обстоятельства их появления.

АНАЛИЗ ДИСКУРСА БРИТАНСКИХ ПОЛИТИКОВ С ЦЕЛЬЮ НАХОЖДЕНИЯ ЛАТИНСКИХ ФРАЗ И УПОМИНАНИЙ О СОБЫТИЯХ РИМСКОЙ ИСТОРИИ

Латинский язык всегда занимал почетное место в образовании представителей высших кругов британского общества. А. Г. Следников утверждал, что в Великобритании, в древности являвшейся римской провинцией, с распространением христианства началось изучение латинского языка, и латынь стала фактически вторым языком ученой прослойки британского общества [прив. по: Габрелян, Данилина, 2022].

Об использовании латинского языка писал А. В. Ваганов. Он считал, что латинские высказывания выделяются в тексте благодаря «иноязычному облику», «книжной стилистической окрашенности», таким способом привлекается внимание аудитории к какому-то объекту, подчеркивается его важность и необычность [Ваганов, 2023].

[1]Campbell G. Why posh politicians pretend to speak Latin. Oxford University Press, 2019. June 10. URL: https://blog.oup.com/2019/06/why-posh-politicians-pretend-speak-latin/

[2]Campbell G. Why posh politicians pretend to speak Latin // Oxford University Press. 2019. June 10. URL: https://blog.oup.com/2019/06/why-posh-politicians-pretend-speak-latin/

Лидеры государств используют латинский язык не только для украшения своей речи, но и для того, чтобы завуалировать истинные намерения [Bloor, 2022]. Политики предпочитают скрывать свои цели, и в этом проявляется отличительная особенность политического дискурса. Истинные намерения политических деятелей можно понять, изучив использованные ими метафоры, услышав интонацию, проанализировав иные способы влияния на электорат [Polyakova et al., 2020].

Уинстон Черчилль (1940–1945, 1951–1955)[1]

Рассмотрим использование латинских выражений выдающимися политическими лидерами Великобритании, находившимися у власти во второй половине XX века. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль восхищался латынью и считал необходимым учить этот язык:

> I would make them all learn English: and then I would let the clever ones learn Latin as an honour, and Greek as a treat [Churchill, 1931, с. 31]. – Я бы заставил их всех выучить английский, а потом позволил бы умным выучить латынь как честь, и греческий как удовольствие[2].

Политик понимал, что публичные выступления являются мощным инструментом управления общественным мнением с помощью лингвистических средств [Polyakova et al., 2020]. В книге «Мои ранние годы» У. Черчилль упоминал о том, что латинский язык пригодился ему для составления речей:

> I sometimes adorned a Cabinet discussion by bringing out one of my few but faithful Latin quotations [Churchill, 1931, с. 36]. – Я иногда украшал обсуждение в кабинете министров одной из своих немногих, но верных цитат на латыни.

В первом томе сборника документов «Международные отношения Соединенных Штатов: дипломатические документы, Берлинская конференция (Потсдамская конференция), 1945» опубликована телеграмма У. Черчилля президенту США Гарри Трумэну (1884–1972) от 15 июня 1945 года (документ № 64), которая содержит латинскую фразу:

> «I have sent the same news, *mutatis mutandis*, to Stalin» [Foreign Relations, vol. 1, с. 99]. – Я отправил ту же новость, *с соответствующими изменениями*, Сталину.

Средневековая латинская фраза *mutatis mutandis* означает «с соответствующими изменениями; с изменением того, что должно быть изменено; как только будут внесены необходимые изменения»[3].

Во втором томе того же сборника документов в материалах шестого пленарного заседания Берлинской конференции от 22 июля 1945 года в стенограмме речи У. Черчилля есть фраза *status quo*:

> He said, of course, the British had great interests in the Mediterranean and that any marked alteration in the *status quo* in the Mediterranean would need long and careful examination [Foreign Relations, vol. 2, с. 254]. – Он сказал, конечно, что англичане имели большие интересы в Средиземноморье, и что любое заметное изменение *статус-кво* в Средиземноморье потребует длительного и тщательного изучения.

Status quo на поздней латыни означает «то же положение» (дел, что и в настоящее время)[4].

Тексты У. Черчилля не изобиловали латинскими фразами, однако иногда он использовал латынь для придания большей значимости своим речам.

Маргарет Тэтчер (1979–1990)

О роли латинского языка в своей жизни писала Маргарет Тэтчер:

> Me, I believe in grammar, but I did not really know all about grammar until I learnt Latin and that is an absolute gift, a gift. Everyone, if you want to learn about grammar you do a little bit of Latin[5]. – Что касается меня, я верю в грамматику, но на самом деле я ничего не знала о грамматике, пока не выучила латынь, и это был подарок, настоящий подарок. Если вы хотите изучить грамматику, вы должны немного изучить латынь.

В тексте радиообращения М. Тэтчер, сделанном 13 июня 2007 года по случаю 25-й годовщины освобождения Фолклендских островов, встречается латинская поговорка, переведенная на английский язык:

> Fortune *does*, in the end, favour the brave [Thatcher, 2007]. – Фортуна, в конце концов, благоволит храбрым.

Данную поговорку, на латинском языке звучавшую как *Fortes fortuna adiuvat* (*храбрым судьба*

[1]Зд. и далее: годы пребывания в должности премьер-министра.
[2]Зд. и далее перевод наш. – *Е. Ш.*

[3]Stanford J. F. The Stanford Dictionary of Anglicised Words and Phrases. Cambridge: Cambridge University Press, 1892. URL: https://archive.org/details/stanforddiction00unkngoog/page/562/mode/2up
[4]URL: https://archive.org/details/stanforddiction00unkngoog/page/562/mode/2up
[5]Thatcher M., Grove T. Interview for Sunday Telegraph // Sunday Telegraph. 1990. Apr 4. URL: https://www.margaretthatcher.org/document/107906

помогает), можно найти в произведениях классических писателей: Теренция (195 или 185 до н. э. – 159 до н. э.), Цицерона (106 до н. э. – 43 до н. э.), Ливия (59 до н. э. – 17), Плиния Старшего (между 22 и 24–79)[1].

Борис Джонсон (2019–2022)

Из всех британских премьер-министров, находившихся у власти после 1945 года, следует особо выделить Бориса Джонсона как любителя латинского языка.

> Johnson fetishizes Latin, which is not unusual for someone of his political persuasion and education[2]. – Джонсон фетишизирует латынь, что не является чем-то необычным для человека с его политическими взглядами и образованием.

В своей последней речи в должности премьер-министра Великобритании 6 сентября 2022 года Борис Джонсон сравнил себя с Луцием Квинкцием Цинциннатом (ок. 519 до н. э. – после 439 до н. э.):

> And like Cincinnatus I am returning to my plough and I will be offering this government nothing but the most fervent support[3]. – И, подобно Цинциннату, я возвращаюсь к своему плугу и буду оказывать правительству только самую горячую поддержку.

Упоминание о римском государственном деятеле свидетельствует о том, что Борис Джонсон планирует вернуться в большую политику. Согласно историческим сведениям, Цинциннат стал диктатором в 458 году до н. э., чтобы вести борьбу против вторжения, затем жил в своем имении и некоторое время спустя вновь пришел к власти. Он прославился тем, что сопротивлялся искушению удерживать власть в своих руках или заниматься политикой[4].

Борис Джонсон в своих речах цитировал поэта Публия Вергилия Марона (70 до н. э – 19 до н. э.):

> Asked how he felt about the BNP advising its supporters to give him their second-preference votes, he reached for Virgil: "Non tali auxilio nec defensoribus istis tempus eget" (Not such aid nor such defenders does the time require)[5]. – На вопрос, как он относится к тому, что Британская национальная партия советует своим сторонникам отдать ему вторичные голоса избирателей, он обратился к Вергилию: «Non tali auxilio nec defensoribus istis tempus eget» («Время не требует ни такой помощи, ни таких защитников»).

Данная фраза взята из произведения Вергилия «Энеида»:

> Non tali auxilio nec defensoribus istis tempus eget; non, si ipse meus nunc afforet Hector (*Vergili. Aeneis. II. 521–522*). – Помощи нам не такой, не таких и защитников нужно к этому времени; нет, будь сам на лицо тут мой Гектор (*Вергилий. Энеида. Кн. II. 521–522*).

Обращение Бориса Джонсона к «Энеиде» не случайно, так как в этом произведении Вергилий доносит до читателя свое собственное представление о долге человека, в руках которого управление миром. Представитель власти должен быть терпеливым, справедливым, служить человечеству, а не стремиться к своим собственным эгоистичным целям [Slaughter, 1917].

Как утверждает Г. Кэмпбелл, выдающиеся сторонники Брексита, в числе которых и Борис Джонсон, часто используют цитаты на латинском языке, чтобы показать свою образованность[6].

Лиз Трасс (2022)

Семьдесят восьмой премьер-министр Великобритании Лиз Трасс объявила об отставке спустя 45 дней пребывания у власти[7]. Согласно феминистской точке зрения гендер как социальный конструкт влияет на подчинение женщины. Представительницы слабого пола сталкиваются со значительно более высоким уровнем критики за свои действия, чем мужчины. Это справедливо и для женщин-политиков [Bloor, 2022]. Возможно, ошибки в управлении страной СМИ простили

[1]Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1902. Т. 36: Финляндия – Франкония. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003924189?page=320&rotate=0&theme=white

[2]Semple D. Boris and Latin: how to kill two birds with one headbutt // Though Cowards Flinch. 2010. March 18. URL: https://www.webarchive.org.uk/wayback/archive/20130422143257/http://thoughcowardsflinch.com/tag/boris-johnson/

[3]Boris Johnson's final speech as Prime Minister: 6 September 2022 // GOV.UK. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/boris-johnsons-final-speech-as-prime-minister-6-september-2022

[4]Osborne S. Boris Johnson's reference to Roman dictator Cincinnatus hints at his return // Sky UK. 2022. September 6. URL: https://news.sky.com/story/boris-johnsons-reference-to-roman-dictator-cincinnatus-hints-at-his-return-12691090

[5]Watt N., Jones S. Jester Boris eyes Ken's crown, with the help of some powerful friends // The Guardian. 2008. Apr 25. URL: https://www.theguardian.com/politics/2008/apr/25/london08.boris

[6]Campbell G. Why posh politicians pretend to speak Latin // Oxford University Press. 2019. June 10. URL: https://blog.oup.com/2019/06/why-posh-politicians-pretend-speak-latin/

[7]Walker P., Crerar P., Elgot J. Liz Truss resigns as PM and triggers fresh leadership election // The Guardian. 2022. Oct 20. URL: https://www.theguardian.com/politics/2022/oct/20/liz-truss-to-quit-as-prime-minister

бы мужчине, но на Лиз Трасс обрушился шквал критики.

Покидая пост, в своей прощальной речи Трасс произнесла латинскую фразу, переведенную на английский, принадлежавшую Луцию Аннею Сенеке (4 до н. э. – 65 н. э.):

> From my time as Prime Minister, I am more convinced than ever we need to be bold and confront the challenges that we face. As the Roman philosopher Seneca wrote: "It is not because things are difficult that we do not dare. It is because we do not dare that they are difficult"[1]. – Со времени моего пребывания на посту премьер-министра я как никогда убеждена в том, что мы должны проявить смелость и противостоять вызовам, с которыми мы сталкиваемся. Как писал римский философ Сенека: «Мы не осмеливаемся не потому, что вещи трудны. Именно потому, что мы не смеем, они трудны».

Данная фраза взята из трактата Сенеки «Нравственные письма к Луцилию»:

> Non quia difficilia sunt, non audemus, sed quia non audemus, difficilia sunt[2]. – Мы не потому не осмеливаемся, что трудно, – трудно оттого, что мы не осмеливаемся (*Сенека. Нравственные письма, CIV, 26*).

Философ рассуждал о том, что дело кажется человеку трудным, если он не решается за него взяться. В его опыте чувствовалось «наличие или предощущение "умных" созерцаний, восхождения к "чистому уму", которое почти ничего общего не имеет с выправкой приличного житейского поведения» [Лосев, 1995, с. 370].

С помощью цитаты из «Нравственных писем» Лиз Трасс попыталась убедить аудиторию в том, что народ Великобритании сможет преодолеть экономические трудности, с которыми страна столкнулась в 2022 году. Вместе с тем Трасс руководствовалась не только стремлением ободрить слушателей, используя мудрые мысли римского философа. Когда политики говорят на латыни, они провозглашают себя элитой, и, следовательно, заявляют о своей власти над населением, о своем праве управлять[3]. Британский писатель Джордж Оруэлл в эссе «Политика и английский язык» указывал, что политические деятели используют латинские слова, чтобы скрыть от слушателя важные детали. Он утверждал, что «политика – это масса лжи, увертoк, безрассудств, ненависти и шизофрении» [Оруэлл, 2003, с. 352].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лидеры Великобритании, управлявшие страной после окончания Второй мировой войны, получили прекрасное образование, имели возможность изучать латинский язык. В своих речах, обращенных к представителям СМИ, к общественности и к политическим соперникам, они стремились блеснуть знаниями, показать начитанность и эрудицию и с этой целью произносили латинские выражения из произведений писателей, политиков и философов Римской империи.

Можно сделать вывод о том, что, по мнению элиты, латинские фразы придают дискурсу политиков большую значимость, но в большинстве случаев можно без вреда для смысла текста использовать подобные фразы на языке, родном для целевой аудитории, в данном случае – английском. Цитаты из произведений античных авторов помогают поддержать, ободрить слушателей; используются в качестве особой похвалы за храбрость, смелость, проявленные в военных действиях, в решении внутриполитических и экономических проблем.

Латынь является своеобразным инструментом воздействия на публику, позволяет премьер-министрам замаскировать истинные намерения и сделать прозрачные намеки на дальнейшие действия, которые они планируют предпринять, привлечь внимание аудитории к определенным фразам и фактам, показать их с такой стороны, которая выгодна политикам в определенный момент.

[1] Liz Truss's final speech as Prime Minister: 25 October 2022 // GOV.UK. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/liz-trusss-final-speech-as-prime-minister-25-october-2022

[2] Seneca L. A. Ad Lucilium Epistulae Morales: in 3 vols. London: William Heinemann Ltd; Cambridge-Massachusetts-Harvard University Press, 1971. Vol. 3. URL: https://ia600308.us.archive.org/7/items/adluciliumepistu03sene/adluciliumepistu03sene.pdf

[3] Campbell G. Why posh politicians pretend to speak Latin // Oxford University Press. 2019. June 10. URL: https://blog.oup.com/2019/06/why-posh-politicians-pretend-speak-latin/

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ваганов А. В. Латинские слова и фразеологизмы как компонент речи повествователя в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка // Современное педагогическое образование. 2023. № 3. С. 209–214. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/latinskie-slova-i-frazeologizmy-kak-komponent-rechi-povestvovatelya-v-proizvedeniyah-d-n-mamina-sibiryaka

2. Polyakova L. S. et al. Linguistic Manipulation Means in English Political Discourse // Amazonia Investiga. 2020. Vol. 9, Iss. 33, Sept. P. 27–36. URL: https://www.researchgate.net/publication/347783107_Linguistic_Manipulation_Means_in_English_Political_Discourse
3. Оруэлл Дж. Политика и английский язык // Лев и Единорог: Эссе, ст., рецензии. М.: Московская школа политических исследований, 2003. С. 341–356. URL: https://biblio.school/wp-content/uploads/2021/12/Oruel_Lev_i_edinorog.pdf
4. Демьянков В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. 1999. № 2(2). С. 5–13. URL: http://infolex.ru/Interpret.html
5. Габрелян П. И., Данилина Н. И. Латинские девизы в наши дни // Studia Humanitatis. 2022. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/latinskie-devizy-v-nashi-dni
6. Bloor K. Understanding Global Politics. Bristol: E-International Relations Publishing, 2022. URL: https://www.e-ir.info/publication/understanding-global-politics/
7. Churchill W. S. My Early Life: A Roving Commission. London: Thornton Butterworth, 1931. 5th ed. URL: https://gutenberg.ca/ebooks/churchillws-myearlylife/churchillws-myearlylife-00-h-dir/churchillws-myearlylife-00-h.html
8. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945: in 2 vols. / edited by R. Dougall et al. Washington: Government Printing Office, 1960. Vol. 1. URL: https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/POWN6XXJYOWIY8X
9. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945: in 2 vols. / edited by R. Dougall et al. Washington: Government Printing Office, 1960. Vol. 2. URL: https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/7GGLWMQ3EPT338U
10. Thatcher M. Message on the 25th anniversary of the liberation of the Falklands ("Fortune does, in the end, favour the brave") // Margaret Thatcher Foundation. 2007, June 13. URL: https://www.margaretthatcher.org/document/110962
11. Slaughter M. S. Virgil: An Interpretation // The Classical Journal. 1917. Vol. 12. № 6, March. P. 359–377. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/3288381.pdf
12. Лосев А. Ф. Поздние стоики // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.: Республика, 1995. URL: https://imwerden.de/pdf/rimskie_stoiki_1995__ocr.pdf

REFERENCES

1. Vaganov, A. V. (2023). Latin words and phraseological units as a component of the narrator's speech in the works of D. N. Mamin-Sibiryak. Modern pedagogical education, 3, 209–214. (In Russ.) https://cyberleninka.ru/article/n/latinskie-slova-i-frazeologizmy-kak-komponent-rechi-povestvovatelya-v-proizvedeniyah-d-n-mamina-sibiryaka
2. Polyakova, L. S. et al. (2020, September). Linguistic Manipulation Means in English Political Discourse. Amazonia Investiga, 9 (33), 27–36. https://www.researchgate.net/publication/347783107_Linguistic_Manipulation_Means_in_English_Political_Discourse
3. Orwell, G. (2003). Politics and the English Language. Lev i Edinorog (pp. 341-356): Essays, articles, reviews. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanii. (In Russ.) https://biblio.school/wp-content/uploads/2021/12/Oruel_Lev_i_edinorog.pdf
4. Demyankov, V. Z. (1999). Interpretation as a tool and as an object of linguistics. Voprosy filologii, 2 (2), 5–13. (In Russ.) http://infolex.ru/Interpret.html
5. Gabrelyan, P. I., Danilina, N. I. (2022). Latin mottos today. Studia Humanitatis, 2. (In Russ.) https://cyberleninka.ru/article/n/latinskie-devizy-v-nashi-dni
6. Bloor, K. (2022). Understanding Global Politics. Bristol: E-International Relations Publishing. https://www.e-ir.info/publication/understanding-global-politics/
7. Churchill, W. S. (1931). My Early Life: A Roving Commission. London: Thornton Butterworth. 5th ed. https://gutenberg.ca/ebooks/churchillws-myearlylife/churchillws-myearlylife-00-h-dir/churchillws-myearlylife-00-h.html
8. Dougall, R. et al. (Eds.). (1960). Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945: in 2 vols. (Vol. 1). Washington: Government Printing Office. https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/POWN6XXJYOWIY8X
9. Dougall, R. et al. (Eds.). (1960). Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945: in 2 vols. (Vol. 2). Washington: Government Printing Office. https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/7GGLWMQ3EPT338U
10. Thatcher, M. (2007, June 13). Message on the 25th anniversary of the liberation of the Falklands ("Fortune does, in the end, favour the brave"). Margaret Thatcher Foundation. https://www.margaretthatcher.org/document/110962

11. Slaughter, M. S. (1917, March).Virgil: An Interpretation. The Classical Journal. 12(6), 359–377. https://www.jstor.org/stable/pdf/3288381.pdf
12. Losev, A. F. (1995). Late Stoics. Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avrelii = Roman Stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius. Moscow: Respublika. https://imwerden.de/pdf/rimskie_stoiki_1995__ocr.pdf (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шеховцова Ева Евгеньевна
кандидат исторических наук
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Ярославского государственного технического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shekhovtsova Eva Evgenievna
PhD (History)
Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages
Yaroslavl State Technical University

Статья поступила в редакцию	19.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	21.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 82-312.2

Буддийские аспекты образа Льва Толстого и идеи философии Махаяны в романе Виктора Пелевина «t»

Л. В. Дубаков

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай
dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация. В статье в рамках исследования, посвященного «буддийскому тексту» современной русской литературы, анализируются буддийские коннотации образа Л. Н. Толстого в романе Виктора Пелевина «t». Духовный поиск главного героя сопряжен с буддийскими интенциями художественного творчества и философской публицистики Льва Толстого. Писатель обращается к философии Махаяны, обосновывающей, в частности, идею об отсутствии постоянного отдельного «я» и идею об иллюзорности реальности.

Ключевые слова: В. О. Пелевин, Л. Н. Толстой, буддийские концепции, структура сознания, иллюзорность «я», мнимость реальности, мир как текст, мир как театр, деконструкция мифа

Для цитирования: Дубаков Л. В. Буддийские аспекты образа Льва Толстого и идеи философии Махаяны в романе Виктора Пелевина «t» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 127–132.

Original article

Buddhist Aspects of Leo Tolstoy's Image and Ideas of Mahayana Philosophy in Victor Pelevin's novel «t»

Leonid V. Dubakov

Shenzhen MSU-BIT University, People's Republic of China
dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. The article analyzes the Buddhist connotations of the image of Leo Tolstoy in Victor Pelevin's novel "t" in the framework of a study devoted to the "Buddhist text" of modern Russian literature. It is established that when plotting the spiritual search of the protagonist, the writer, referring to the Buddhist intentions of artistic creativity and philosophical journalism of the real Leo Tolstoy, refers, among other things, to the ideas of Mahayana philosophy. Among them, one can, in particular, note the idea of the absence of a permanent separate "I" and the idea of the illusory reality.

Keywords: V. Pelevin, L. Tolstoy, Buddhist concepts, structure of consciousness, illusory «I», imaginary reality, the world as a text, the world as a theater, deconstruction of myth

For citation: Dubakov, L. V. (2024). Buddhist aspects of Leo Tolstoy's image and ideas of Mahayana philosophy in Victor Pelevin's novel «t». Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1 (882), 127–132.

ВВЕДЕНИЕ

Лев Толстой – великий русский писатель и религиозный философ. Среди многих разных интересов в сфере духовного поиска можно отметить и его внимание к буддизму. Известно, что он начинал работать над биографией Будды Шакьямуни, что некоторые его рассказы проникнуты буддийскими мотивами (например, «Карма», «Это ты»), что отдельные положения его учения схожи с буддийскими философскими и этическими установками [Гречин, 2016; Серебряный, 2016; Уланов, 2010].

Русская литература отсчитывает осмысление образа Толстого как возможного буддийского мыслителя начиная с книги И. А. Бунина «Освобождение Толстого» (1937). В современной литературе к образу Толстого-буддиста или «буддиста» (в зависимости от конкретной оценки) обращаются А. Л. Иванченко (книга «Освобождение Толстого: буддийские мотивы в жизни и творчестве Л. Н. Толстого» (2005) [Дубаков, 2023] и ряд авторов эссе в цикле «“Homo Mysticus”. Сутры солнечного удара» (2010-е гг.)), В. С. Березин (роман «Путевые знаки» (2010)) и Виктор Пелевин (роман «t» (2009)).

Образ и творчество Льва Толстого не раз оказывались предметом художественного освоения в прозе Пелевина. Одно из первых появлений Толстого у этого писателя – комический эпизод в романе «Чапаев и Пустота», в котором Л. Н. Толстой на коньках в черном трико пересекает замерзший Стикс, а за ним гонится и не может его догнать Кербер (*В. Пелевин. Чапаев и Пустота*). Там же Пётр Пустота с иронией спрашивает Чапаева, перешедшего на простонародную речь, не перечитывал ли он недавно Толстого и не решил ли опроститься (*В. Пелевин. Чапаев и Пустота*). Эти эпизоды позже окажутся востребованы в романе «t» и получат там свое развитие.

В представленной статье образ Льва Толстого анализируется в рамках исследования, посвященного «буддийскому тексту» современной русской литературы, генетически восходящему к концепции «петербургского текста», разработанной В. Н. Топоровым [Топоров, 1995] и перенесенной литературоведами из культурно-урбанистической сферы в сферу религиозную [Бекметов, 2019].

ТРАВОСЛАВИЕ КАК ТОЛСТОВСТВО И БУДДИЗМ

Некоторые исследователи считают, что Лев Толстой книги «t» – это, с одной стороны, граф Т., «проекция фигуры Льва Николаевича Толстого на плоскость альтернативной русской истории» [Юзефович, 2016; Кабанова, 2011]. С другой стороны, это отдельный, самостоятельный герой-искатель и мыслитель, находящийся в диалоге с традицией русской религиозной философии и философии Востока, в частности – философии буддийской [Кириллина, 2015].

Его имя Т. – это, по словам Ариэля Брахмана, вариант коммерческого хода: «Т. – это загадочно, сексуально и романтично»[1]. Но в процессе развития действия имя «Т.» открывает в себе другие смыслы. Победоносцев (персонаж романа), рассказывая про секту *травославных* (аллюзия на толстовцев), говорит, что «Т» – это египетский крест, который символизирует Троицу и слово «ты». Ирония Победоносцева по поводу *травославия* – о несовместимости служения Господу и употребления конопли – позже сменяется иным истолкованием этого учения. По Соловьёву (также персонажу романа), Троица травославия – это триада «Автор, Ты и Читатель» (*В. Пелевин. t*). Сложная структура романа «t», в котором на статус автора претендует несколько фигур, получает мистико-религиозное, буддийское измерение: «…Между этими тремя понятиями есть разница. Но в действительности они указывают на одно и то же, и кроме него нет ничего вообще» (*В. Пелевин. t*). Автор, как и Читатель, как и «я» (обращенное в сторону читающего книгу посредством «ты»), иллюзорны и пустотны.

Трава (из каламбура *травославие*) актуализирует в «t» мотив внеконцептуальной жизни. В конце книги белая перчатка, в которой писал Т., измазана в травяном соке: знак того, что творчество исходит из природной, интуитивной сферы. Образ букашки, появляющийся вслед за отброшенной героем в траву перчаткой, рождает образ «зеленого человечка», который как будто молится солнцу: настоящая вера находится за пределами символьных оболочек и интеллектуальных интерпретаций. Букашка (= человек), несмотря на свою малость, вмещает в себя (порождает и прекращает) целый мир. Подлинную реальность невозможно описать словами («истинная реальность лишена каких-либо свойств и является как бы пределом для слов, и в этом пределе слово полагает конец слову» [Трактат о пробуждении веры в Махаяну, 2001, с. 50]) – на фоне ветра и травы, а также «тишины, наступившей, когда ветер стих» (*В. Пелевин. t*). Интересно, что глагол «стих», которым завершается роман, можно понять и как существительное. Таким образом, ветер словно становится произведением искусства – искусства, которое за границей слов.

[1]В качестве иллюстрации цитируется роман В. О. Пелевина «t» (2009).

ОПТИНА ПУСТЫНЬ КАК ОБРАЗ И ЦЕЛЬ БУДДИЙСКОГО СПАСЕНИЯ

Также последняя страница романа намекает на достижение графом Т. Оптиной Пустыни, которую Пелевин чуть ранее интерпретирует в буддийском ключе: Оптина – от *optare – выбирать, желать*. «Пустынь» – «это пустота» (*В. Пелевин. t*). И хоть писатель вкладывает это истолкование в уста лошади, которая утрированно настаивает на своей версии, и тем самым иронически ослабляет ее, финал книги поддерживает эту интерпретацию. Солнце являет на крыльях букашки «радужную сетку расщепленного света» (*В. Пелевин. t*). Расщепленный свет здесь можно понять как «ясный свет», «излучаемый пустотной природой абсолютного тела Будды (Дхармакая)», а «радужную сетку» – как «"радужное тело", лучистую энергию, в которое переходит физическое тело <…> после достижения состояния Будды» [Торчинов, 2002а, с. 52]. При этом в романе говорится не просто об Оптиной Пустыни, а об «Оптиной Пустыни соловьев». Здесь Пелевин использует игру смыслов: с одной стороны, называя фамилию В. С. Соловьёва, с другой – используя образ соловья как символа свободы. В буддийской традиции схожий по смыслу образ – образ кукушки, которая указывает на освобождение сознания.

Важно также, что выходит граф Т. из Ясной Поляны. Этот топоним может быть истолкован подобно Оптиной Пустыни: Ясная Поляна – состояние, в котором пребывает сознание, не отделенное от ясного света Дхармакайи. Путешествие графа Т. таким образом оказывается путешествием ума (который изначально пробужден, но просто забыл об этом) – к самому себе [Трактат о пробуждении веры в Махаяну, 2001, с. 9]: «тьма, полная невидимого света <…> единственный образ Божий, действительно данный свыше, потому что каждый человек с младенчества носит его с собой» (*В. Пелевин. t*).

ИЛЛЮЗОРНЫЙ АВТОР В ИЛЛЮЗОРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В романе «t» несколько возможных авторов. Первый претендент на авторство – это Ариэль Брахман. По его собственному замечанию, его имя пишется так же, как у героя «Бури» У. Шекспира. У Пелевина этот персонаж соединяет в себе черты шекспировского воздушного духа Ариэля, способного к превращениям, и уродливого и находящего в рабстве и желающего властвовать Калибана. В финале «t» как бы спавший и проснувшийся в Ясной Поляне Толстой, по версии своих домашних, сам предстает в виде Ариэля, придуманного им персонажа, с которым у него одно по значению имя – «Лев Божий» [Симкина, 2019, с. 140]. Отчасти Ариэль похож и на Ариэля из одноименного романа А. Р. Беляева: эзотерически-теософские знания, сверхспособность – общение с литературными героями, существование в грубой капиталистической реальности.

Ариэль – писатель, «один из работников <…> адской фабрики», который в команде с коллегами-маркетологами создает масскультный роман о графе Т. Ариэль шутит, что их «пять элементов» (*В. Пелевин. t*). Помимо сатиры Пелевина на некоторых российских писателей, что предполагает, например, В. Нестеров[1], это можно прочесть как намек на буддийские пять скандх, или групп привязанности, – от формы до сознания, что составляют конвенциональную личность человека [Торчинов, 2002б]. Соотнесение не безусловное, но возможное: Ариэль Брахман подобен виджняне, он производит отбор текста, созданного остальными, Гриша Овнюк подобно самскаре связан с действием, Митенька Бершадский как ведана отвечает за чувственное переживание, Гоша Пиворылов – рупа как самый грубый уровень, оставшийся безымянным пятый – это санджня, он отвечает за формирование концепций. В этих пяти литераторах можно увидеть и намек на пять уровней чувственного сознания, учение о которых было развито в буддизме: зрительное сознание, слуховое, обонятельное, вкусовое, осязательное, – и к которым позже добавляется шестое сознание, или мановиджняна, сознание ума, разум [Торчинов, 2002а, с. 160].

Граф Т. огорчается, когда Ариэль открывает ему, что он всего лишь литературный персонаж и все его поступки – продукт творчества этих пяти (шести) литераторов. В ответ Брахман замечает, что так существует всякий человек: «душа – это сценическая площадка, на которой действуют двадцать два могущества, семь сефирот и три. <…> Каждый человек в любую секунду жизни создается временным балансом могуществ. Когда эти древние силы выходят на сцену и играют свои роли, человеку кажется, что его обуревают страсти, посещают озарения, мучают фобии, разбивает лень и так далее» (*В. Пелевин. t*). Перечисленные Ариэлем «силы» и характеристика их функций заставляют вспомнить о 51-м ментальном факторе, или психическом состоянии, в буддизме [Геше Джампа Тинлей, 2013], который связан с восприятием качеств объекта. Выделяют благотворные и неблаготворные ментальные факторы. Среди первых – вера, владение ментальным телом, мудрость и др. Среди последних – ненависть, беспокойство, лень и др.

[1]Нестеров В. Я песню спел – она не прозвучала. Новый роман Виктора Пелевина «Т». URL: https://www.gazeta.ru/culture/2009/10/21/a_3275406.shtml

Таким образом, статус графа Т. оказывается призрачным: «Это как корабль, на котором борются друг с другом призрачные матросы» (*В. Пелевин. t*). Личности, согласно буддизму, нет, есть набор скандх: «Мы просто подворотня, сквозь которую движется хоровод страстей и состояний» (*В. Пелевин. t*). Можно вспомнить и первый диалог, состоявшийся между графом Т. и Ариэлем, где последний иронически переиначивает буддийскую притчу из «Вопросов Милинды» о колеснице, ни одна из частей которой не может быть сама по себе названа колесницей, как и ни одна часть человека не может быть названа человеком [Вопросы Милинды, 1989]. Ощущение же постоянной личности есть «лишь эхо телесности» (*В. Пелевин. t*) и результат постоянного думания. Пелевин каламбурит по поводу знаменитой философской максимы Рене Декарта «Cōgitō ergō sum»: ему «…надо было говорить не "я думаю", а думаю "я"» (*В. Пелевин. t*).

Призрачный онтологический статус не только у графа Т., но и у самого Ариэля: он «Раб обстоятельств, поставленный над другими рабами обстоятельств в качестве дополнительного порабощающего фактора…» (*В. Пелевин. t*). Кроме того, он «литературный призрак» (ghost writer) и по роду своих занятий. Мнимо существующего графа Т. создают мнимые сущности – «литературные призраки», и этот образ выступает в качестве метафоры существования человека вообще. Можно продолжить, что в этой связи реальный автор романа «t», то есть Виктор Пелевин, тоже не имеет подлинно реального статуса существования. Равно как и реальный читатель этой книги.

Граф Т. по ходу развития сюжета учится отслеживать, какая «скандха» или какое «психическое состояние» начинает главенствовать в нем, определять его поступки. В финале романа Соловьёв предупреждает его о том, что «шестой элемент» будет самым трудным соблазном для него. Граф Т. представляет себя Львом Толстым, а его домашние убеждают его в том, что это он настоящий автор, писатель, создавший своего героя, и не более того: «…меня <…> приглашают притвориться создателем мира <…> чтобы я не догадался, что я и так его создатель…» (*В. Пелевин. t*). Так, шестой автор (разум) создаёт свою, реалистическую историю. Но граф Т. совершает побег из этой интерпретации и из Алексеевского равелина. Уход-побег графа Т. связан с концепцией Соловьёва об Авторе, Ты и Читателе. Он предлагает обновленную версию Четырех благородных истин буддизма, в основе которой лежит каламбур: Дума – дума: «1) Жизнь есть тревога. 2) В основе тревоги лежит дума. 3) Думу нельзя додумать, а можно только распустить. 4) Чтобы распустить думу, нужен император» (*В. Пелевин. t*). Император здесь – «проявление активной ипостаси Читателя, если хотите – Автора», он «тот, кто замечает думу, распускает ее и исчезает вместе с ней» (*В. Пелевин. t*). Граф Т. в финале осознает себя как подлинного Автора своего существования и решает, где «будет последняя обзорная точка»[1] (*В. Пелевин. t*).

Иллюзорность реальности (а вышеупомянутых скандх, психических состояний, равно как и составляющих внешней реальности, в философии буддизма в абсолютном смысле не существует, как и личности) поддерживается в «t» мотивами театра, куклы, маски. Мир как театр проявляет себя в пейзаже: «Свод ровных перистых облаков казался крышей, превратившей пространство между землей и небом в огромный открытый павильон – прохладный летний театр, в котором играет все живое» (*В. Пелевин. t*); в обстановке помещений: шатер как «жилье кочевника – только не настоящее, а сымитированное театральным декоратором» (*В. Пелевин. t*). Граф Т., сворачивающий реальность Ариэля Брахмана [Иванова, 2012, с. 79], словно видит «представление в крошечном кукольном театре» (*В. Пелевин. t*). Персонажи ведут себя как актеры: Кнопф похож на мима (*В. Пелевин. t*), священник Варсонофий рядится в еврея с бородавкой на носу. В образе куклы, подобия «деревянного Пьеро» (*В. Пелевин. t*) с обрезанными нитями, графу Т. является Ариэль Брахман. Позже он признается графу Т., что они оба куклы: «Я ведь просто кукла. Совсем как черный паяц, с которым я беседовал у цыган…» (*В. Пелевин. t*). На Ариэле маска с буквами «A-Ь» (*В. Пелевин. t*); позже он покажется графу Т. из портрета Павла I, его глаза «казались нарисованными на закрытых веках» (*В. Пелевин. t*). Писатель, о котором рассказывает Соловьёв, это, согласно его определению, «безумец в маске» (*В. Пелевин. t*).

«УМНОЕ НЕДЕЛАНИЕ» КАК ОТКАЗ ОТ КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩЕГО СОЗНАНИЯ

В. С. Симкина отмечает, что Пелевин «рассредоточивает в своих текстах основные конвенции восприятия духовного пути Л. Толстого, оформляющие сопоставленный мифотворческий комплекс» [Симкина, 2019, с. 138]. Так, например, в концепте «умное неделание» (в романе «t» так называется учение Соловьёва), что восходит к статье Л. Толстого «Неделание» (1893), соединяется: «а) созерцательная пассивность У-вэй (недеяние), принятая в даосизме и обусловливающая принцип невмешательства; б) китайский военный канон «умное неделание»,

[1]Здесь пелевинский каламбур: точка как знак препинания и точка как видимое расстояние и угол зрения. Интонационная функция точки заменяется у него на интерпретационную.

подразумевающий исключительно со-действие и со-бытийность; в) исихастская практика умного делания, направленная на уничтожение греховных помыслов посредством перманентного чтения молитвы; г) категория «неделание» К. Кастанеды, выступающая произвольным актом замены стереотипного поведения другим действием» [Симкина, 2019, с. 139]. Кроме перечисленного исследовательницей, можно отметить и неделание в буддийском понимании. В традиции Дзогчен «недеяние <…> имеет две стороны: недеяние как медитация (sgom pa, санскр. бхавана) и недеяние как "поведение" (spyod pa, чарья)», это «спонтанный, непреднамеренный способ действий, при котором не нужно избегать никаких ситуаций, например, считающихся негативными», «Такая медитация представляет собой глубокое постижение "естественного состояния" ума, которое обычно именуют ригпа» [Манджушримитра, 2016, с. 51]. Иными словами, умное неделание в «t» – это уход от порождающей иллюзии работы ума, от творения им мнимой реальности [Кириллина, 2014]: «соловьевцы чаще всего расстаются с тем, что вчера еще знали наверняка, не получая ничего взамен» (*В. Пелевин. T*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в романе «t» образ Льва Толстого содержит множественные буддийские коннотации. В частности, духовные поиски главного героя книги графа Т. могут быть осмыслены с точки зрения ряда концепций философии буддизма. В романе утверждается отсутствие постоянного отдельного «я» (человек как набор скандх; мотивы театра, куклы, маски) и иллюзорность реальности (смена пространственно-временных локусов, онтологический статус каждого из которых сомнителен [Симкина, 2019]). Концепция «умного неделания» графа Т восходит в том числе к буддийскому избавлению от порождающей иллюзии работы ума. В буддийском ключе в «t» осмысляется проблема творчества и авторства. Творчество рассматривается и как деятельность, что умножает страдательную сансарическую реальность, и как способ освобождения из сансары героя и его автора. Структура романа, в котором обнаруживается несколько возможных создателей текста, опрокидывается писателем, который выводит на первый план в качестве настоящего автора Абсолют.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гречин Б. С. Апология русского буддизма. Ярославль: Местная буддийская религиозная организация «Буддийская община "Сангъе Чхо Линг"», 2016.
2. Серебряный С. Д. Лев Толстой и буддизм // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. №3. С. 10–24.
3. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России (социально-философский анализ): автореф. дис. … д-ра философ. наук. Ростов-на-Дону, 2010.
4. Дубаков Л. В. Два «Освобождения Толстого»: И. А. Бунин и А. Л. Иванченко о смерти и творчестве // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82, № 2. С. 86–91.
5. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.
6. Бекметов Р. Ф. Русская литература 1830-60-х годов в зеркале восточных (буддийских и даосских) традиций: дис. … д-ра филол. наук. Казань, 2019.
7. Юзефович Г. Л. Удивительные приключения рыбы-лоцмана: 150 000 слов о литературе. М.: Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016.
8. Кабанова И. В. Троица по Пелевину: автор-герой-читатель в романе «t» // Филологический класс. 2011. № 25. С. 15–20.
9. Кириллина О. М. Виктор Пелевин и Великий Лев: неизбежная встреча // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 3. С. 74–79.
10. Трактат о пробуждении веры в Махаяну / Философия китайского буддизма / пер. с кит. Е. А. Торчинова. СПб.: Азбука-классика, 2001.
11. Торчинов Е. А. Буддизм: Карманный словарь / Прилож. П. В. Берснева. СПб.: Амфора, 2002a.
12. Симкина В. С. Деконструкция мифа о духовном пути Л. Толстого в прозе В. Пелевин // Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков: материалы XXIII Шешуковских чтений, Москва, 01–02 февраля 2018 года. М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 138–144.
13. Торчинов Е. А. Философия буддизма Махаяны. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2002b.
14. Геше Джампа Тинлей. Буддийская логика: Комментарий к трактату Дхармакирти «Праманаварттика» / Под ред. И. С. Урбанаевой (отв. ред.) и А. Ю. Коноваловой. Новосибирск: Издательство «Дже Цонкапа», 2013.
15. Вопросы Милинды (Милиндапаньха) / пер. с пали, исслед. и коммент. А. В. Парибка. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. (Памятники письменности Востока. LXXXVIII. Bibliotheca Buddhica. XXXVI).
16. Манджушримитра. Изначальный опыт / Перевод с английского: Фарида Маликова. СПб.: Уддияна, Шанг-Шунг, 2016.
17. Кириллина О. М. Проповедь в искусстве: Лев Толстой и Виктор Пелевин // Художественное образование и наука. 2014. № 1. С. 105–110.

REFERENCES

1. Grechin, B. S. (2016). Apologiya russkogo buddizma = Apologia of Russian Buddhism. Yaroslavl: Local Buddhist religious organization "Buddhist community "Sangye Cho Ling"". (In Russ.)
2. Serebryany, S. D. (2016). Leo Tolstoy and Buddhism. BSU Bulletin. Humanities Research of Inner Asia, no. 3, 10–24. (In Russ.)
3. Ulanov, M. S. (2010). Buddizm v sociokul'turnom prostranstve Rossii (social'no-filosofskij analiz) = Buddhism in the socio-cultural space of Russia (socio-philosophical analysis): PhD in Philosophy. Rostov-on-Don. (In Russ.)
4. Dubakov, L. V. (2023). Two «Liberations of Tolstoy»: I. A. Bunin and A. L. Ivanchenko on death and creativity. News of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language, Vol. 82, no. 2, 86–91. (In Russ.)
5. Toporov, V. N. (1995). Peterburg i «Peterburgskij tekst russkoj literatury» = Petersburg and the "Petersburg text of Russian literature". In Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe = Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Favorites. Moscow: Publishing group "Progress" – "Culture", 259–367. (In Russ.)
6. Bekmetov, R. F. (2019). Russkaya literatura 1830–60-h godov v zerkale vostochnyh (buddijskih i daosskih) tradicij = Russian literature of the 1830s-60s in the mirror of Eastern (Buddhist and Taoist) traditions: PhD in Philology. Kazan. (In Russ.)
7. Yuzefovich, G. L. (2016). Udivitel'nye priklyucheniya ryby-locmana : 150 000 slov o literature = Amazing adventures of a pilot fish: 150,000 words about literature. Moscow: AST Publishing House: Edited by Elena Shubina. (In Russ.)
8. Kabanova, I. V. (2011). Troica po Pelevinu: avtor-geroj-chitatel' v romane «t» = Trinity according to Pelevin: author-hero-reader in the novel "t". Philological class, no. 25, 15–20. (In Russ.)
9. Kirillina, O. M. (2015). Viktor Pelevin i Velikij Lev: neizbezhnaya vstrecha = Victor Pelevin and the Great Leo: an inevitable meeting. Philological sciences. Scientific reports of the higher school, no. 3, 74–79. (In Russ.)
10. Torchinov, E. A. (ed.) (2001). Traktat o probuzhdenii very v Mahayanu = A treatise on the awakening of faith in Mahayana. In Torchinov, E. A. (ed.) Filosofiya kitajskogo buddizma = Philosophy of Chinese Buddhism. Translated from Chinese by E. A. Torchinov. St. Petersburg: ABC classics. (In Russ.)
11. Torchinov, E. A. (2002a). Buddizm: Karmannyj slovar' = Buddhism: Pocket dictionary. Appendix P. V. Bersneva. St. Petersburg: Amphora. (In Russ.)
12. Simkina, V. S. (2019). Dekonstrukciya mifa o duhovnom puti L. Tolstogo v proze V. Pelevina = Deconstruction of the myth of the spiritual path of L. Tolstoy in V. Pelevin's prose. Epic tradition in Russian literature of the XX–XXI centuries : materials of the XXIII Sheshukov Readings, Moscow, February 01–02, 2018. Moscow: Moscow Pedagogical State University, 138–144. (In Russ.)
13. Torchinov, E. A. (2002b). Filosofiya buddizma Mahayany = Philosophy of Mahayana Buddhism. St. Petersburg: Center "Petersburg Oriental Studies".(In Russ.)
14. Geshe Jumpa Tinley. (2013). Buddijskaya logika: Kommentarij k traktatu Dharmakirti «Pramanavarttika» = Buddhist Logic: Commentary on the treatise of Dharmakirti "Pramanavarttika". Edited by I. S. Urbanaeva (ed.) and A. Yu. Konovalova. Novosibirsk: Publishing house "Je Tsongkhapa". (In Russ.)
15. Paribok, A. V. (tr.). (1989). Voprosy Milindy (Milindapan'ha) = Questions of Milinda (Milindapanha). Translated from Pali, research and commentary by A.V. Parib. Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental Literature. (In Russ.)
16. Malikova, F. (tr.) (2016). Mandzhushrimitra. Iznachal'nyj opyt = Manjushrimitra. Initial experience. Translated from English by Farida Malikova. St. Petersburg: Uddiyana, Shang-Shung. (In Russ.)
17. Kirillina, O. M. (2014). Propoved' v iskusstve: Lev Tolstoj i Viktor Pelevin = Preaching in art: Leo Tolstoy and Victor Pelevin. Art education and science, no. 1, 105-110. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубаков Леонид Викторович

кандидат филологических наук
доцент факультета филологии Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне
https://orcid.org/0000-0003-1172-7435

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dubakov Leonid Viktorovich

PhD (Philology)
Associate Professor at the Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University
https://orcid.org/0000-0003-1172-7435

Статья поступила в редакцию	18.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.124

Римская литература и право: взаимосвязь и взаимопроникновение

Н. В. Маршалок[1], И. Л. Ульянова[2]

[1,2]*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия*
[1]*mshtch@yandex.ru*
[2]*oulianova555@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассмотрена связь права и литературы в Древнем Риме. В результате анализа произведений римской литературы различных жанров (любовной поэзии, героического эпоса, басни, исторического сочинения) показано взаимопроникновение литературы и права: правовые реалии отражаются в литературных текстах, а цитаты из литературных произведений становятся юридическими терминами. Приведены примеры использования взаимосвязи римской литературы и римского права на практике в преподавании латинского языка юристам.

***Ключевые слова*:** римская литература, римское право, латинский язык для юристов, взаимосвязь литературы и юриспруденции

***Для цитирования*:** Маршалок Н. В., Ульянова И. Л. Римская литература и право: взаимосвязь и взаимопроникновение // Вестник Московского государственного лингвистическогог университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 133–137.

Original article

Roman Literature and Law: Interrelation and Interpenetration

Nataliya V. Marshalok[1], Irina L.Ulianova[2]

[1,2]*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia*
[1]*mshtch@yandex.ru*
[2]*oulianova555@inbox.ru*

Abstract. The article examines the connection between law and literature in Ancient Rome. As a result of the study of works of Roman literature of various genres (love poetry, heroic epic, fable, historical work), the interpenetration of literature and law is shown: legal realities are reflected in literary texts, and quotations from literary works become legal terms. Examples of the use of the relationship between Roman literature and Roman law in practice in teaching the Latin language to lawyers are given.

***Keywords*:** Roman literature, Roman law, Latin for lawyers, interrelation of literature and jurisprudence

***For citation*:** Marshalok, N. V., Ulianova, I. L. (2024). Roman literature and Law: Interrelation and interpenetration. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 133–137.

ВВЕДЕНИЕ

На первый взгляд неочевидно, что области юриспруденции и литературы имеют много общего, но, если рассматривать право и литературу как два культурных феномена, как две области гуманитарного знания, созданные людьми и ориентированные на человека и общество, их связь становится явной. Ведь общим источником права и литературы является творчество человека, когда оно еще не разделилось на науки и искусства. Это единство просматривается в латинском слове *ars* (*ремесло, занятие; искусство, наука*)[1]. Со временем право и литература пошли разными путями, литература стала заниматься выражением человеческих эмоций и чувств, а право – поддержанием социального порядка. Тем не менее в дальнейшем их пути очень часто пересекались.

Литературу и юриспруденцию объединяет творческое мышление, которое в равной степени необходимо как в литературном труде, так и в профессиональной деятельности юриста. Тесная связь между правом и литературой проявляется и в их методах объяснения, описания, прочтения и выражения. Право римлян, как и право древних греков, было тесно связано с риторикой, речью и письмом. Эта связь наиболее очевидно проявляется в использовании лексических средств и риторических приемов. Но язык, используемый в законе, и язык в любом виде литературы несхожи – применяются разные его лексические пласты. Язык литературного произведения индивидуален, он отражает литературный стиль писателя. Язык права – четкий и логичный – должен избегать двусмысленности и отражать стабильность закона.

История римского права подтверждает, что юридические идеи развиваются не только во времени и пространстве [Mousorakis, 2013], но также из правовой реальности переходят в сферу воображения, например, в художественную литературу. Право, являясь частью культурно-исторического фона, способствует созданию литературных произведений, а литература рассматривает право как один из своих предметов.

В XX веке появилось новое направление в литературоведении и в юриспруденции, применяющее междисциплинарный подход к исследованию права и литературы. В этих исследованиях выделяются два течения: право в литературе – отражает правовые вопросы в литературе; литература в праве или право как литература – анализирует юридические тексты с помощью литературоведческих методов.

Впервые вопросом взаимосвязи литературы и права занялись в начале XX века, но особую популярность эта тема получила начиная с 70-х годов XX века. Это связано с деятельностью профессора права Джеймса Бойда Уайта (J. B. White) и его сочинения «The Legal Imagination» («Правовое воображение») [White, 1973]. Именно Уайт считается основателем этого направления в науке. Среди других ученых, исследующих эту проблему, нужно отметить самого цитируемого в мире профессора права Ричарда Познера (R. Posner).

При изучении художественной литературы можно анализировать правовые аспекты в ином, более широком контексте, чем в рамках научных исследований в области права. Благодаря популярности книги Уайта и многих других научных работ, исследующих эту тему, литература стала преподаваться студентам-юристам во многих высших учебных заведениях. Для обязательного чтения будущих юристов созданы списки произведений художественной литературы [Weisberg, Kretschman, 1977]. В этом списке художественных произведений, необходимых юристам для более широкого изучения права, представлены Шекспир, Достоевский, Диккенс, Камю, Кафка и другие.

Целью нашей статьи является исследование наиболее необычных примеров взаимосвязи и взаимовлияния римской литературы и римского права и анализ римской литературы как неспециального источника права.

ПРАВО В ЛИТЕРАТУРЕ

Катулл

Анализ отражения правовых вопросов в римской литературе мы начнем с творчества поэта, который, как кажется, далее всего находится от обсуждения каких-либо юридических проблем. Речь идет о знаменитых любовных стихотворениях первого римского лирического поэта Гая Валерия Катулла (I век до н. э.), в которых он увековечил свою любовь к Лесбии. Катулл не представлял себе любви без сердечной привязанности и душевной близости. Чтобы выразить духовные составляющие понятия *любовь*, выйти за границы понимания любви только как чувственного влечения, Катулл, как это ни удивительно, использовал юридическую терминологию. Так, определяя характер любовных отношений с Лесбией, Катулл употребляет

[1]Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: около 200 тыс. слов и словосочетаний. М.: Русский язык-Медиа, 2005. С. 77.

юридические термины ***foedus***[1] (*договор*), ***fides***[2] (*вера*, *доверие*), ***pietas***[3] (*благочестие*). В юриспруденции *foedus* предполагал обязательность выполнения условий договора обеими сторонами:

> nulla ***fides*** ullo fuit umquam in ***foedere*** tanta (*Catullus LXXXVII, 3*) – верности столько досель ни в одном не бывало союзе[4] (*Катулл 87, 3*).

Катулл усиливает использование здесь термина ***foedus*** термином ***fides*** – одним из основных творческих элементов римского правового мышления. Поэт называет любовь к Лесбии ***foedus amicitiae***[5] (*дружеским договором*), заимствуя это сочетание из терминологии международных отношений; поэт называет такой договор ***aeternum*** (*вечным*), а *дружбу* – ***sanctae*** (*священной*):

> Ut liceat nobis tota perducere vita ***aeternum*** hoc ***sanctae foedus amicitiae*** (*Catullus CIX, 5–6*) – чтобы могли провести мы один навсегда неизменный через всю нашу жизнь дружбы святой договор (*Катулл 109, 5–6*).

Поэт обращается к богам, свидетелям взаимных клятв, и надеется на их помощь в выполнении Лесбией своих обязательств в ответ *на его благочестие* (*Катулл 76, 26*) – ***pro pietate mea*** (*Catullus LXXXVI, 26*); поэт полагает, что он в юридическом значении ***pius***[6] (*благочестивый*), т. е. выполняющий свои обязательства:

> se cogitat esse ***pium*** (*Catullus LXXXVI, 2*) – жизнь благочестно провел (*Катулл 76, 2*).

Вергилий

Юридический термин ***pietas*** (*благочестие*), выражающийся в исполнении нравственных обязанностей, проходит также через всю поэму Вергилия «Aeneis» («Энеида», 29–19 до н. э.), ставшую национальным римским эпосом и прославившую как основателей Рима, так и род Юлиев и век Августа. В эпоху правления Октавиана Августа культ ***Pietas***, богини благочестия и исполнения долга, был одним из важнейших. ***Pietas***, предполагавшая благочестие, почитание богов, императора, родителей, детей, родственников, стала наиболее почитаемым божеством. ***Pietas*** – это то качество, которое соответствует правовому и культурному фону эпохи Августа и которым в наибольшей степени Вергилий наделяет своего героя. Именно оно отличает Энея от гомеровских Ахилла и Одиссея и делает его современником эпохи Августа. Эней – герой нового типа, он, сохраняя важнейшие черты эпических героев, обладает и типично римскими чертами, востребованными и во времена Энея и во времена Августа. Эти римские черты выражены прилагательным *pius* (*благочестивый*), ставшим постоянным эпитетом Энея в поэме. Ведь Эней не только выносит на плечах своего отца из горящей Трои, он ответственен за свой народ и за своих потомков и выполняет миссию, возложенную на него богами.

Сюжет *Энеиды* стал символом исполнения человеком своего долга, возложенной на него миссии: «истинным предметом Энеиды стали не история, а миф, не Август, а Рим, не свершенные подвиги, а предопределенная миссия» [Гаспаров, 1983, с. 439].

Таким образом, текст поэмы *Энеида* отражает определенные правовые нормы, характеризующие римское общество и во время действия поэмы, и в момент ее создания. Но Вергилий указывает и на те правовые реалии, которые были присущи обществу только во времена действия поэмы. Это – кровная месть, которая была основным способом охраны правопорядка: ближайшие родственники убитого были обязаны отомстить убийце. Так, убивая своего соперника Турна, Эней исполняет священный ***долг мщения***, которого ожидает от него отец убитого Турном Палланта. Этот священный долг, от которого нельзя уклониться, Эней совершает со словами:

> Pallas immolat et ***poenam*** scelerato ex sanguine ***sumit*** (*Aeneis XII, 948–949*). – Паллант за злодейство ***взимает*** кровью ***пеню*** с тебя![7] (*Энеида XII, 948–949*).

Раненый Турн, по мнению Энея, утратил всякое право на пощаду, потому что, убив Палланта, он сам тяжко согрешил против священных уз отца и сына. Возможно, мифические противники Энея служат примером того, как следовало расценивать вину исторических противников Октавиана Августа, который не проявил милосердия к убийцам Гая Юлия Цезаря, своего приемного отца, и к их сторонникам.

---

[1] **Foedus**, особенно клятвенный и постоянный союзнический договор с другим государством, содержащий конкретные определения взаимоотношений [Бартошек, 1989, с. 135].

[2] **Fides**, собственная честность и доверие к чужой честности, верность данному слову; нравственную обязанность всех людей выполнять своё обязательство, в чём бы оно ни выражалось [там же, с. 132].

[3] **Pietas**, благочестие, преданность, любовь к исполнению нравственных обязанностей [там же, с. 247].

[4] Зд. и далее Катулл в переводе С. В. Шервинского.

[5] **Foedus amicitiae**, *дружеский* союзнический договор, содержание которого определялось соотношением сил договаривающихся сторон [там же, с. 135].

[6] *Pius*, выполняющий свои нравственные обязанности [Бартошек, 1989, с. 246].

[7] Перевод С. А. Ошерова.

ЛИТЕРАТУРА В ПРАВЕ: КАК ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ СТАНОВЯТСЯ ЮРИДИЧЕСКИМИ ТЕРМИНАМИ

Федр

Мы рассмотрели примеры использования римскими поэтами юридических понятий для определения душевного состояния (Катулл) и этической нормы (Вергилий). Не менее интересны противоположные случаи, когда изречения писателей использовались римскими юристами и, таким образом, становились юридическими терминами.

В нашей статье [Маршалок, Ульянова, 2018] был рассмотрен подобный случай трансплантации [Husa, 2021, с. 388]. Литературным источником юридического термина **societas leonina** *львиное товарищество* стала басня «Canis et Capella, Ovis et Leo» («Корова, коза, овца и лев») римского поэта Федра (I век н. э.). Этому способствовало употребление слова *societas*[1] в значении юридического термина «товарищество» в первом стихе этой басни:

> Numquam est fidelis cum potente ***societas*** (*Canis et Capella, Ovis et Leo I, V, 1*).

Выражение *societas leonina* стало настолько популярным в I веке н. э., что его тогда уже как юридический термин использовал юрист Гай Кассий Лонгин, а спустя два века знаменитый юрист Ульпиан. Этот образ из басни перешел в юридический язык и право и остался на века в научной и учебной юридической литературе.

Перевод юридических терминов, в основе которых лежат латинские крылатые выражения, вызывает сложности и не всегда очевиден, потому что из самих высказываний невозможно понять их юридическое значение. «Буквальный перевод таких терминов не отражает их полисемичности, которая выражается в использовании как обычного, так и специального юридического значения, возникающего в результате метафорического переосмысления. Многие латинские правовые термины являются метафорами» [Маттила, 2006, с. 208].

Тит Ливий

Еще один пример юридической трансплантации – выражение *periculum est in mora* (*опасность в промедлении*). Этот афоризм известен из сочинения *Ab Urbe condita* (*История Рима от основания Города*) римского историка Тита Ливия (I век до н. э. – I век н. э.). Тит Ливий говорит здесь о римлянах, которые обратились в бегство, *увидев, что* ***больше опасности в промедлении****, чем защиты в сохранении строя*[2] (*История Рима от основания Города* XXX–VIII, 25, 13) – ***plus in mora periculi*** *quam in ordinibus conservandis praesidii esset* (*Ab Urbe condita XXXVIII, 25, 13*).

Это выражение, говорящее о необходимости срочно предпринять какие-то действия, чтобы предотвратить негативные последствия, было хорошо известно до Тита Ливия. Ранее оно встречалось в комедии «Mercator» («Купец») римского комедиографа Плавта (III–II вв. до н. э.). В комедии Плавта раб Акантфион, спеша на встречу со своим молодым хозяином Харином, подгоняет сам себя такими словами:

> quam restito, tam maxime res in periclo vortitur (Mercator I, 1, 121) – Чем больше медлишь, тем сильней опасность[3] (Купец I, 1, 121).

У Плавта говорится об опасности *maxime res in periclo vortitur*, а для понятия *промедление* используется глагол *restito* (*останавливаться, медлить, колебаться*)[4]. А у Тита Ливия *промедление* обозначается словом **mora**, которое кроме общеупотребительного значения *замедление, промедление, задержка*[5] используется и в специальном юридическом значении «отсрочка, просрочка, время, на которое исполнение обязательства задерживается по вине должника или кредитора» [Бартошек, 1989, с. 218]. Благодаря юридическому употреблению существительного *mora* афоризм *periculum in mora* целиком принял на себя его значение и стал использоваться в праве в качестве принципа, буквально означающего *опасность задержки*. Этот принцип закреплен в законодательных актах, в мерах предосторожности и устраняет риск неоправданной задержки в судебном разбирательстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования литературы через призму права и, наоборот, права через призму литературы являются новой и активно развивающейся областью гуманитарной науки, которая стремится понять культурные и правовые явления в их взаимосвязи и взаимопроникновении.

Материалом исследования стали произведения римской литературы, представляющие разные литературные жанры (любовная лирика, героическая поэма, басня, историческое повествование).

[1] **Societas**, товарищество, договор товарищества, Соединение имущества или труда двух и более лиц для общей пользы [Бартошек, 1989, с. 297].

[2] Перевод А. И. Солопова.

[3] Перевод А. В. Артюшкова.

[4] Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: около 200 тыс. слов и словосочетаний. С. 668.

[5] Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: около 200 тыс. слов и словосочетаний. С. 494.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Mousorakis G. Legal Transplants and Legal Development: A Jurisprudential and Comparative Law Approach // Acta Juridica Hungarica. 2013. Vol. 54. №3. P. 219–236.
2. White J. B. The Legal Imagination: studies in the Nature of Legal Thought and Expressions. Boston, Little Brown and Company, 1973.
3. Posner R. A. Law and Literature. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2009. 3rd ed.
4. Weisberg R. H., Kretschman K. L. Wigmore's "legal novels" expanded: a collaborative effort. Maryland law forum, VII. 1977.
5. Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения / Пер. с чешск. М.: Юридическая литература, 1989.
6. Гаспаров М. Л. Греческая и римская литература I в. до н. э. Эпоха и культура // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 437–443.
7. Маршалок Н. В., Ульянова И. Л. «Societas leonina» – литературная метафора и юридический термин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 17 (815). С.119–129.
8. Husa J. Comparative law, literature and imagination: Transplanting law into works of fiction // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2021. Vol. 28. № 3. P. 371–389.
9. Маттила Х. Э. С. Латинские изречения и термины в современном юридическом словоупотреблении // Ius antiquum = Древнее право. 2006. № 2 (18). С. 204–210.

REFERENCES

1. Mousorakis, G. (2013). Legal Transplants and Legal Development: A Jurisprudential and Comparative Law Approach. Acta Juridica Hungarica, 54 (3), 219–236.
2. White, J. B. (1973). The Legal Imagination: studies in the Nature of Legal Thought and Expressions. Boston, Little Brown and Company.
3. Posner, R. A. (2009). Law and Literature. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press. 3rd ed.
4. Weisberg, R. H., Kretschman, K. L. (1977). Wigmore's "legal novels" expanded: a collaborative effort. Maryland law forum, VII.
5. Bartoshek, M. (1989). Rimskoe pravo: Ponyatiya, terminy, opredeleniya = Roman Law: Concepts, terms, definitions / Per. s cheshsk. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.)
6. Gasparov, M. L. (1983). Grecheskaya i rimskaya literatura I v. do n. e. Epoha i kul'tura = Greek and Roman literature of the first century BC. Era and culture. Istoriya vsemirnoj literatury= The History of world Literature: in 8 vols. (Vol.1, 437 – 443). Moscow: Nauka, 1983–1994. (In Russ.)
7. Marshalok, N. V., Ulianova, I. L. (2018). "Societas Leonina – Literary Metaphor and Legal Term. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 17(815), 119 – 129. (In Russ.)
8. Husa, J. (2021). Comparative law, literature and imagination: Transplanting law into works of fiction. Maastricht Journal of European and Comparative Law, 28(3), 371 –389.
9. Mattila, H. E. S. (2006). Latinskie izrecheniya i terminy v sovremennom yuridicheskom slovoupotreblenii = Latin sayings and terms in modern legal usage. Ius antiquum = Drevnee pravo, 2(18), 204–210. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маршалок Наталия Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романских языков международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России

Ульянова Ирина Леонидовна

доцент, доцент кафедры романских языков международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marshalok Nataliya Vladimirovna

Associate Professor, PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Roman Languages Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Ulianova Irina Leonidovna

Associate Professor, Associate Professor of the Department of Roman Languages Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	28.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.134.2

Лексические средства создания образа карлизма в «Сонатах» Р. М. дель Валье-Инклана

А. А. Терещук

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
san_petersburgo@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается отражение карлистского движения в творчестве испанского писателя Р. М. дель Валье-Инклана. В качестве материала для исследования выступают тексты романного цикла «Сонаты». Анализируются лексические средства создания образа дона Карлоса, его сторонников и противников. Цикл произведений рассматривается в контексте карлистского политического дискурса. Делается вывод о положительном отношении автора к карлизму.

Ключевые слова: испанская литература, Валье-Инклан, карлизм, язык карлизма, политический дискурс

Для цитирования: Терещук А. А. Лексические средства создания образа карлизма в «Сонатах» Р. М. дель Валье-Инклана // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 138–144.

Original article

Lexical Means of Creating the Image of Carlism in the “Sonatas” by R. M. Del Valle-Inclán

Andrei A. Tereshchuk

Herzen University, Saint-Petersburg, Russia
san_petersburgo@inbox.ru

Abstract. The article is dedicated to the problem of describing the Carlist movement in the books of R. M. del Valle-Inclán. The texts of his cycle “Sonatas” serve as the material for the study. The lexical means of creating the image of Don Carlos, of his supporters and opponents are studied. The “Sonatas” are analyzed in the context of Carlist political discourse. It is concluded that the author has a positive attitude towards Carlism.

Keywords: Spanish literature, Valle-Inclán, Carlism, language of Carlism, political discourse

For citation: Tereshchuk, A. A. (2024). Lexical means of creating the image of carlism in the “Sonatas” by R. M. del Valle-Inclán. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 138–144.

ВВЕДЕНИЕ

В 1899 г. латиноамериканский поэт Рубен Дарио написал, что его друг, испанский писатель Рамон Мария дель Валье-Иклан, по своим политическим взглядам является сторонником карлизма[1], потому что «дон Карлос – славный малый, и живет в Венеции»[2] [Comesaña, 2021, с. 98]. Автор высказывания намекал на то, что интерес Валье-Инклана к идеям карлизма стал не столько отражением личных убеждений писателя, сколько увлечением эстетикой движения, а также романтическим ореолом используемой карлистами риторики «потерянного Дела» [Терещук, 2023, с. 9]. Мнение о Валье-Инклане как о человеке, которого в «Традиционалистской общине» («Comunión Tradicionalista») привлекала только «внешняя» сторона движения, часто подкрепляется известной цитатой из его романа «Зимняя соната» («Sonata de invierno»), главный герой которой говорит о своих политических пристрастиях: «Я был защитником традиции по эстетическим причинам. Карлизм имеет для меня торжественное очарование больших соборов, и даже во время войны я был бы не против, если бы его объявили памятником национальной старины» (*Sonata de invierno, с. 216–217*).

Как правило, в отечественных работах, особенно написанных в советский период, факт принадлежности писателя к карлистскому движению[3] (т. е. к испанским крайним правым) замалчивался, а его обращение к данной тематике во многих произведениях объяснялось исключительно художественными причинами [Плавскин, 1982]. А. Л. Штейн писал, что «симпатии Валье-Инклана к карлизму были во многом продиктованы его ненавистью к буржуазной современности» [Штейн, 2001, с. 463]. В таком же ключе высказывались Е. А. Костюкович и И. А. Тертерян, объяснявшие пристрастие писателя к движению «ненавистью, которую он питал к “гнилому” испанскому буржуазному либерализму» [Костюкович, Тертерян, 1994, с. 292]. Зарубежные авторы делятся на тех, кто считает, что Валье-Инклан искренне поддерживал карлизм [Aceda, 1993], и тех, кто полагает, что он просто восхищался его эстетикой [Gómez de la Serna, 2007]. Д. Понтрелли предлагает «компромиссный вариант»: «Валье-Инклан мог искренне поверить в карлизм, но затем, осознав слабость этого политического движения, продолжал поддерживать его только в качестве красивого жеста» [Pontrelli, 2003, с. 48].

В последние годы дискуссия получила новый импульс. Испанский историк и литературовед А. Комесанья опубликовал на эту тему крупную монографию, в которой постарался доказать, что карлистские мотивы пронизывают все творчество Валье-Инклана и что обращение к ним стало следствием глубокой рефлексии со стороны писателя [Comesaña, 2021]. В недавно вышедшей книге В. П. Ефименко данной проблеме посвящена одна глава. Автор показывает важность темы карлизма для Валье-Инклана, хотя и не дает однозначного ответа на истинное отношение писателя к движению, замечая при этом, что «жизненную позицию героя (*маркиза де Брадомина*) нельзя, как это иногда делалось, отождествлять с авторской точкой зрения» [Ефименко, 2023, с. 70]. Споры относительно политических преференций писателя затрудняет и тот факт, что взгляды Валье-Инклана постоянно менялись; кроме того, сам автор, по выражению Х. Ф. Аседы, отличался «буйной фантазией и лгал с удивительным спокойствием» [Aceda, 1993, с. 67].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Спор о том, был Валье-Инклан убежденным карлистом или его привлекала только эстетика движения, которую он отразил в ряде своих произведений, как правило, ведется в рамках литературоведения. Целью настоящей статьи является обращение к данной проблеме с позиций лингвистики. Мы предлагаем проанализировать лексико-семантические средства создания образа[4] карлистского движения в «Сонатах» Валье-Инклана. Их выбор в качестве материала для исследования обусловлен следующими факторами: (1) «Сонаты» – одно из наиболее известных произведений Валье-Инклана, давно ставшее классикой испанской литературы; (2) главный герой – маркиз де Брадомин – является участником карлистского движения; (3) «Сонаты» представляют собой законченный цикл произведений (в отличие, например, от неоконченного цикла «Карлистская война»); (4) после выхода последней из «Сонат» в жизни Валье-Инклана начнется этап активного участия в деятельности карлистского движения; (5) как показывает М. Альберка, после публикации «Сонат» Валье-Инклан начал идентифицировать себя со своим персонажем и создавать

[1]Карлизм – консервативное общественно-политическое движение в Испании, появившееся в 1833 г. и игравшее важную роль на испанской политической сцене в XIX и в первой половине XX вв. Название происходит от имени дона Карлоса (Карлоса Марии Исидро де Бурбона), претендента на престол и первого лидера карлистов. Карлистская ветвь династии Бурбонов не признавала легитимность монархов, правивших в стране после 1833 г.

[2]Зд. и далее перевод наш. – *А. Т.*

[3]Валье-Инклан даже выдвигался в качестве депутата от карлистов, однако попасть в парламент ему не удалось.

[4]Под образом будет пониматься «результат осмысления художником какого-либо явления, процесса» [Фесенко, 2008, с. 12].

себе репутацию своего рода реального маркиза де Брадомина [Alberca, 2015]; т. е. не автор наделил героя собственными чертами, а литературный герой начал влиять на своего создателя.

«Сонаты» – это четыре небольших романа, представляющие собой воспоминания вымышленного испанского аристократа маркиза де Брадомина: «Осенняя соната» (1902), «Летняя соната» (1903), «Весенняя соната» (1904) и «Зимняя соната» (1905). Основными темами «Сонат» являются религия, любовь и смерть [Alonso, 1928], с которыми сталкивается маркиз де Брадомин, «самый восхитительный из донжуанов: католик, некрасивый и сентиментальный» (*Sonata de invierno, c. 242*). Наиболее ярко карлистская тема проявляется в «Зимней сонате», действие которой происходит во время Третьей карлистской войны (1872–1876). Тем не менее мы также рассмотрим и первые три произведения цикла: хотя они и не затрагивают напрямую историю движения, но в каждом из них содержатся отсылки к карлистской тематике. В настоящей статье мы ссылаемся на издания «Сонат», вышедшие в издательстве «Rivadeneyra» в 1933 г. Мы не обращаемся к анализу интертекста, отсылок к историческим событиям и рассуждений нарратора, но, используя метод контекстного лексико-семантического анализа, рассматриваем лексические единицы, употребленные писателем для создания образа карлизма в «Сонатах».

КАРЛИЗМ В ПЕРВЫХ ТРЕХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЦИКЛА

Первой по времени действия идет «Весенняя соната», события в которой происходят в Лигурии. Маркиз де Брадомин пытается соблазнить Марию дель Росарио, девушку из знатной семьи, собирающуюся уйти в монастырь. В тексте есть несколько отсылок к карлистской тематике: ряд имен собственных, факт службы героя в дворянской гвардии (одной из частей вооруженных сил Папского государства). Аллюзии на историю карлистского движения в «Весенней сонате» могут представлять интерес для литературоведческого или исторического анализа, но ничего не приносят для нашего исследования.

После «Весенней сонаты» следует «Летняя соната», в которой рассказывается о любовной истории между маркизом и мексиканкой Ниньой Чоле. В начале книги маркиз упоминает, что после «Вергарского предательства» (*traición de Vergara* – здесь и далее значения приводимых лексических единиц уточнялись по Словарю Королевской академии испанского языка) (*Sonata de estío, c. 12*) он проживал в Лондоне. Речь идет о договоре в Вергаре (1839), который завершил боевые действия в Наварре и Стране Басков во время Первой карлистской войны [Терещук, 2023]. Часть карлистов сложила оружие и признала либеральное правительство, но сам дон Карлос и многие его сторонники договор осудили и отправились в эмиграцию. Употребляя лексему *traición*, маркиз де Брадомин четко маркирует свои политические взгляды.

Попав в Мексику, герой не просто «сходит с корабля»; он собирается «высадиться на священный берег» (*desembarcar en aquella playa sagrada*) (*Sonata de estío, c. 53*). Брадомин вспоминает о завоевании Империи ацтеков испанским конкистадором Эрнаном Кортесом в XVI веке. Некоторые поздние произведения Валье-Инклана, в первую очередь роман «Тиран Бандерас», могут быть отнесены к антиколониальному дискурсу, но в «Летней сонате» мы неоднократно сталкиваемся с восхищением конкистадорами (характерном для испанской картины мира в целом [Алдошина, 2023]). Отсылки к истории конкисты распространены в карлистском политическом дискурсе: карлисты критиковали современную им Испанию и декларировали, что их идеал лежал во временах Католических королей и Испанской империи.

Тема империи звучит и в словах дворецкого Брадомина, бывшего карлистского солдата. В беседе с маркизом слуга озвучивает свой план сделать дона Карлоса *императором* (*Emperador*) и восстановить *Империю* (*Imperio*), т. е. снова завоевать для Испании Мексику и другие страны Латинской Америки (*Sonata de estío, c. 226*). Валье-Инклан описывает эти фантастические планы с иронией: после прямой речи дворецкого автор дает описание его внешности и показывает, как он трясет *берберской бородой* (*barba berberisca*). Использование лексемы *berberisco* снижает весь пафос высказывания и служит маркером отношения писателя к персонажу. Конечно, как известно, отдельные языковые единицы «по самой природе своей лишены экспрессии, нейтральны» [Бахтин, 1986, с. 285], но для Валье-Инклана слово *berberisco* имеет деспективный характер. Так, в одном из выступлений в мадридском Атенео писатель противопоставлял Испанию «африканскую, семитскую и материалистическую» Испании «настоящей» с ее «латинским духом» [Comesaña, 2021, с. 308].

В «Осенней сонате» действие происходит в Галисии. Маркиз приезжает в гости к своей бывшей возлюбленной, которая находится на пороге смерти. Показывая поцелуй, которым они обмениваются, Брадомин сравнивает себя с крестоносцем (*Cruzado*), отправляющимся в Иерусалим (*Sonata de otoño, c. 140*). Появление в тексте лексемы *Крестоносец*,

написанной с прописной буквы, неслучайно. С самого начала своего существования карлисты позиционировали себя как защитников Католической церкви [Терещук, 2023]. Самоощущение участников движения как крестоносцев – характерная черта карлистской публицистики и мемуаристики. Разумеется, Валье-Инклан прекрасно об этом знал: в его родной Галисии, в городе Мондоньедо выходила карлистская газета с характерным наименованием «El Cruzado», а один из следующих романов писателя о карлистах получил название «Крестоносцы правого дела». Впоследствии, в «Зимней сонате», маркиз также будет называть себя «рыцарем правого дела»[1] (*caballero de la Causa*) (*Sonata de invierno, с. 63*).

Брадомин в «Осенней сонате» не только называет себя «Крестоносцем», что может служить намеком на его политические взгляды, но и составляет письмо секретарю Маргариты де Бурбон-Парма, супруги карлистского претендента на престол дона Карлоса-младшего. По отношению к Маргарите он использует лексемы *королева* (*Reina*) и *госпожа* (*Señora*) (*Sonata de otoño, с. 203–204*) – вторая лексическая единица также употребляется в испанском языке по отношению к Богоматери. Естественно, *королевой* супруга претендента на престол являлась только в глазах карлистов. В «Зимней сонате» маркиз встретится с Маргаритой, которая, по его словам, имела *руки как лилии* (*manos como lirios*) и *аромат легенды в своем имени бледной, святой и неземной принцессы* (*aroma de una leyenda en su nombre de princesa pálida, santa, lejana*) (*Sonata de invierno, с. 64*). В данном фрагменте Валье-Инклан отсылает читателя к испанскому тексту Ветхого Завета: «Como el lirio entre los espinos, así es mi amiga entre las doncellas», в русском синодальном переводе: «Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами» (*Песн., 2, 2*). Для описания своей *королевы* Брадомин использует библейский образ, уже ставший клише в европейской культуре. Кроме того, лилия – это гербовая фигура династии Бурбонов, к которой относились карлистские претенденты на престол.

ОБРАЗ КАРЛИЗМА В «ЗИМНЕЙ СОНАТЕ»

Как было отмечено выше, изучаемая тема выходит на первый план в «Зимней сонате». Для определения отношения автора к карлизму представляется релевантным отдельно рассмотреть, как автор изображает самого дона Карлоса, его сторонников и его противников, т. е. приверженцев короля Альфонсо XII (альфонсистов).

Маркиз прибывает ко «двору» дона Карлоса в Эстелье, в Наварре. Он знаком и с самим претендентом на престол, и со многими «придворными», поэтому он проводит некоторое время со своим *королем* (*Rey*). По отношению к дону Карлосу Валье-Инклан чаще всего употребляет данную лексему, либо называет его *Дон Карлос VII* (*Don Carlos VII*) или «Господин» (*Señor*). Дон Карлос также именуется *королем*, *как в старые времена* (*rey de los antiguos tiempos*) (*Sonata de invierno, с. 14*), что для любого традиционалиста является положительным оценочным суждением. При описании внешности дона Карлоса используются лексемы *статность* (*gallardía*), *благородство* (*nobleza*), *мощь* (*brío*); он отличается *живым и орлиным взглядом* (*vivo y aguileño mirar*) (*Sonata de invierno, с. 14*). В ряду экспрессивных лексем, выражающих положительную оценку, также встречается слово *arrogancia* (*там же*), которое может передавать как отрицательную оценку («спесь, чванство»), так и положительную («мужество»). В данном контексте *arrogancia* служит для положительной оценки. В беседе с Брадомином дон Карлос проявляет себя как чуткий и умный собеседник, который осуждает радикалов из числа своих сторонников и с сочувствием относится к маркизу, имеющему немало врагов при «дворе». Он улыбается с *грустной снисходительностью* (*triste indulgencia*) (*Sonata de invierno, с. 57*), говоря о «придворных» льстецах, которые завидуют Брадомину и пытаются добиться расположения претендента на престол.

Брадомин встречается не только с самим доном Карлосом, но и с его детьми, в том числе с маленьким Хайме, будущим лидером карлистов. В 1908 году Хайме подарит Валье-Инклану свою фотографию с дарственной надписью, и это изображение будет висеть в доме писателя на видном месте [Comesaña, 2021]. В тексте романа, на момент встречи с маркизом, Хайме всего 5 лет, но он уже показан как будущий лидер движения, обладающий *властным голосом перворожденного сына* (*voz autoritaria de niño primogenito*) (*Sonata de invierno, с. 70*). Он задает герою серьезные вопросы и беседует с ним, как настоящий *принц* (*Príncipe*) (*Sonata de invierno, с. 71*).

Изображение карлистской армии и Наварры, в которой происходит действие романа, вписывается в рамки политического дискурса карлистов. Сторонники дона Карлоса рисуются на страницах романа как *верные войска* (*tropas leales*) (*Sonata de invierno, с. 169*) и *солдаты правого дела* (*soldados de la Causa*) (*Sonata de invierno, с. 232*). Сам Брадомин, оказавшись

[1]Как известно, в испанском, как и в ряде других романских и германских языков, часто встречается элиминация существительного в атрибутивном словосочетании [Моисеенко, 2022, с. 99]. В данном случае, наоборот, имеет место опущение определения, т. е. просто «causa» («дело») вместо «nuestra causa» («наше дело»), «causa justa» («справедливое дело»), «causa carlista» («карлистское дело») и др.

на войне, чувствует в себе *воинский, деспотичный, феодальных дух* (*ánimo guerrero, despótico, feudal*), который превращает его в *человека из других времен* (*hombre de otros tiempos*) (*Sonata de invierno, с. 182–183*). Население городов севера Испании встречает дона Карлоса криками *Да здравствует Король* (¡*Viva el Rey*!), *как в религиозные времена Средневековья* (*como en los siglos medioevales y religiosos*) (*Sonata de invierno, с. 175*). Автор соотносит события XIX в. с идеализированным представлением о Средних веках, характерным для культуры романтизма и для традиционалистского дискурса в целом. Таким образом, в тексте Валье-Инклана мы видим реализацию мысли М. М. Бахтина, который писал, что «всякая память прошлого немного эстетизованна» [Бахтин, 1986, с. 141].

«Столица» карлистского квазигосударства Эстелья именуется Валье-Инкланом *верным городом, реликварием правого дела* (*ciudad leal, arca santa de la Causa*) (*Sonata de invierno, с. 35*) и *священным городом карлизма* (*ciudad santa del carlismo*) (*Sonata de invierno, с. 53*). Данный образный ряд перекликается с некоторыми текстами из карлистской мемуаристики, с которыми мог быть знаком Валье-Инклан. Например, французский роялист А. Сабатье, создавая свои воспоминания о Первой Карлистской войне, начинает их с восхваления Наварры: «Наварра! Слава тебе! Ты защищаешь дело Господа, дело Родины, дело Короля, дело настоящей свободы!» [Sabatier, 1836, с. IX].

Валье-Инклан создает идеализированный образ дона Карлоса и членов его семьи, но он далек от того, чтобы представлять всех карлистов как «рыцарей без страха и упрека». С самых первых лет существования карлизма внутри движения существовали различные течения и группы, которые враждовали друг с другом. В 1870-е гг. карлизм пережил серьезный кризис, связанный с уходом из движения генерала Р. Кабреры, знаковой фигуры в истории карлизма в 1830–1860-е годы. В романе Р. Кабрера предстает как противник вооруженного восстания и «ультрамонтанской партии» в рамках карлизма (*Sonata de invierno, с. 55*). Имя генерала несколько раз упоминается на страницах «Зимней сонаты», Валье-Инклан пишет о его *военном гении* (*genio militar*) (*Sonata de invierno, с. 26*), а Брадомин предстает как сторонник старого генерала.

Однако наиболее радикальная часть движения, в первую очередь священники, забросившие свои приходы и ставшие партизанами, изображаются автором совсем по-другому. По отношению к радикалам используются лексические единицы *фанатичный* (*fanático*) (*Sonata de invierno, с. 137*), *твердолобый* (*cabeza dura*) (*Sonata de invierno, с. 137*), *проклятый священник* (*maldito cura*) (*Sonata de invierno, с. 46*). Отдельного внимания заслуживает употребление лексемы *faccioso* (*мятежный*). В карлистских войнах XIX в. каждая из сторон заявляла о легитимности своей власти и объявляла своих противников «изменниками». Термин «facción» («мятеж; отряд мятежников») получил широкое распространение в либеральном дискурсе по отношению к карлистам. Валье-Инклан пишет о *мятежных священниках* (*curas facciosos*). В тексте романа он употребляет данное словосочетание 4 раза (*Sonata de invierno, с. 55, 56, 78, 137*), в том числе один раз оно встречается в прямой речи самого дона Карлоса (*Sonata de invierno, с. 137*). В контексте разговора Брадомина и дона Карлоса данное выражение имеет негативные коннотации: один из этих священников-партизан задержал двух русских путешественников и собирается сжечь их на костре как «еретиков»; дон Карлос отправляет Брадомина с приказом освободить иностранцев.

В то же время лексема *facción*, которая встречается в романе 5 раз, употребляется по отношению к правительственным войскам, 3 раза в словосочетании *facción alfonsina* (*Sonata de invierno, с. 108, 139, 187*), один раз *facción alfonsista* (*отряд мятежников-альфонсистов*) (*Sonata de invierno, с. 214*) и один раз правительственные войска сравниваются с *мятежным отрядом Сатаны* (*faccion de Satanás*) (*Sonata de invierno, с. 214*). Таким образом, Валье-Инклан использует две однокоренные лексические единицы с негативными коннотациями и для характеристики армии короля Альфонсо XII, и для описания наиболее радикальной части карлистов. Сопоставление противника с «силами ада» также весьма характерно для карлистского дискурса эпохи. Например, современник писателя, видный публицист и историк традиционалистского направления М. Феррер называл либерального политика XIX века Х. А. Мендисабаля *сатанинским отродьем* (*aborto de los poderes satánicos*) [Ferrer, Tejera, Acedo, 1948, с. 97].

Помимо лексемы *facción*, по отношению к альфонсистам в тексте встречаются и другие лексические единицы, передающие отрицательное оценочное суждение. Автор именует альфонсистов *черными* (*negros*) (*Sonata de invierno, с. 141*), используя лексему, широко распространенную в испанском политическом лексиконе XIX в. как уничижительное наименование либерала. Лексема *isabelino*, т. е. характерный для сторонников королевы Изабеллы II (1833–1868), противников карлистов в Первой карлистской войне (1833–1840), используется Валье-Инкланом как эпитет с негативной семантикой: он пишет про наглую и малосимпатичную служанку, что она имела *дух*

сторонников Изабеллы (*ánimo isabelino*) (*Sonata de invierno, с. 43*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав лексико-семантические особенности изображения карлизма в «Сонатах», можно сделать вывод о несомненных симпатиях автора к карлистскому движению. Валье-Инклан создает идеализированный образ дона Карлоса и членов его семьи, используя аллюзии на библейский текст и представляя лидера карлистов как монарха-рыцаря, короля из «доброго старого времени». Автор употребляет лексемы с положительными коннотациями для описания карлистской армии и Наварры как центра движения сторонников дона Карлоса. Мы не можем согласиться с Е. А. Костюкович и И. А. Тертерян, которые пишут, что в «Зимней сонате» «карлизм изображается иронически» [Костюкович, Тертерян, 1994, с. 292]: с определенной долей иронии представлен сам маркиз и некоторые второстепенные персонажи, но никак не идеи, которые они отстаивают.

В то же время Валье-Инклан критикует наиболее радикальную часть движения, тех, кого в романе называют «мятежными священниками», а также некоторых «придворных» из окружения дона Карлоса. Показательно, что с точки зрения выбора лексики описание этих «фанатиков» из числа карлистов соотносится с изображением альфонсистов.

Дискуссия на тему: «Валье-Инклан и карлизм» – это сложный и важный для истории испанской литературы вопрос, однозначный ответ на который невозможно дать в рамках одной статьи. Однако проведенный лингвистический анализ показывает, что на момент создания текста «Сонат» писатель безусловно поддерживал карлизм и прекрасно знал особенности карлистского политического дискурса, хотя и мог с осуждением относиться к некоторым представителям движения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Comesaña A. Tinta, Tierra y Tradición. Ramón María del Valle-Inclán y el carlismo. Madrid: Reino de Cordelia, 2021.
2. Терещук А. А. За Бога, Родину и Короля: военно-политическая история раннего карлизма. М.: Издательство «Спасское дело», 2023.
3. Плавскин З. И. Испанская литература XIX–XX веков. М.: Высшая школа, 1982.
4. Штейн А. Л. История испанской литературы. М.: Едиториал. УРСС, 2001.
5. Костюкович Е. А., Тертерян И. А. Валье-Инклан // История всемирной литературы. Т. 8. М.: Наука, 1994. С. 291–293.
6. Aceda J. F. La segunda guerra carlista en las novelas de Valle-Inclán // Boletín de la Real Academia Sevillana de Buenas Letras: Minervae Baeticae, 1993. № 21. P. 65–80.
7. Gómez de la Serna R. Don Ramón María del Valle-Inclán. Barcelona: Espasa, 2007.
8. Pontrelli G. Carlism in Valle-Inclan's Jardín umbrío (The Shaded Garden) // Scripta Mediterranea. 2003. Vol. XXIV. № 37. P. 37–48.
9. Ефименко В. П. Испанский исторический роман: от реализма к постмодернизму. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2023.
10. Фесенко Э. Я. Теория литературы. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2008.
11. Alberca M. La espada y la palabra: Vida de Valle-Inclán. Barcelona: Tusquets, 2015.
12. Alonso A. Estructura de las Sonatas de Valle Inclán // Verbum. 1928. Vol. 21. № 71. P. 7–42.
13. Алдошина С. А. Некоторые тенденции изменения базовых ценностей в современной испанской лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 122–128.
14. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
15. Моисеенко Л. В. Вариативность синтаксических структур (на материале атрибутивных словосочетаний в испанском и русском языках) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 98–103.
16. Sabatier A. Tío Tomas. Souvenirs d´un soldat de Charles V, par Alexis Sabatier, lieutenant-colonel d´infanterie au service d´Espagne, deux fois chevalier de première classe de l´ordre royal et militaire de Saint-Ferdinand. Bordeaux: Chez Granet, 1836.
17. Ferrer M., Tejera D., Acedo J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo X. Sevilla: Editorial católica española, 1948.

REFERENCES

1. Comesaña, A. (2021). Tinta, Tierra y Tradición. Ramón María del Valle-Inclán y el carlismo. Madrid: Reino de Cordelia.
2. Tereshchuk, A. A. (2023). Za Boga, Rodinu i Korolia: voenno-politicheskaia istoria rannego karlizma = For God, for the Fatherland, and for the King: Military and Political History of Early Carlism. Moscow: Spasskoe delo. (In Russ.)

3. Plavskin, Z. I. (1982). Ispanskaya literatura XIX–XX vekov = Spanish Literature of the 19th–20th Centuries. Moscow: Vyssh. shkola. (In Russ.)
4. Shtejn, A. L. (2001). Istoriya ispanskoj literatury = The History of Spanish Literature. Moscow: URSS Editorial. (In Russ.)
5. Kostiukovich, E. A., Terterian, I. A. (1994). Valle-Inclán. The History of World Literature. Vol. 8. Moscow: Nauka, 291–293. (In Russ.)
6. Aceda, J. F. (1993). La segunda guerra carlista en las novelas de Valle-Inclán. Boletín de la Real Academia Sevillana de Buenas Letras: Minervae Baeticae, 21, 65–80. (In Span.)
7. Gómez de la Serna, R. (2007). Don Ramón María del Valle-Inclán. Barcelona: Espasa.
8. Pontrelli, G. (2003). Carlism in Valle-Inclan's Jardín umbrío (The Shaded Garden). Scripta Mediterranea, 37 (XXIV), 37–48.
9. Efimenko, V. P. (2023). Ispanskij istoricheskij roman: ot realizma k postmodernizmu: ocherki = Spanish Historical Novel: From the Realizm to the Postmodernism. Syktyvkar: Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina.
10. Fesenko, E. Y. (2008). Teoria literatury = The Theory of Literature. Moscow: Akademicheski proekt; Fond "Mir". (In Russ.)
11. Alberca, M. (2015). La espada y la palabra: Vida de Valle-Inclán. Barcelona: Tusquets.
12. Alonso, A. (1928). Estructura de las Sonatas de Valle Inclán. Verbum, 71(21), 7–42.
13. Aldoshina, S. A. (2023). Some trends in the transformation of basic values in modern Spanish linguoculture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 122–128. (In Russ.)
14. Bakhtin, M. M. (1986). Estetika slovesnogo tvorchestva = Aesthetics of Verbal Creativity, Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
15. Moiseenko, L. V. (2022). Variability of syntactic structures (based on the material of attributive phrases in Spanish and Russian).Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 98–103. (In Russ.)
16. Sabatier, A. (1836). Tío Tomas. Souvenirs d´un soldat de Charles V, par Alexis Sabatier, lieutenant-colonel d´infanterie au service d´Espagne, deux fois chevalier de première classe de l´ordre royal et militaire de Saint-Ferdinand. Bordeaux: Chez Granet.
17. Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. (1948). Historia del Tradicionalismo Español. Tomo X. Sevilla: Editorial católica española.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Терещук Андрей Андреевич
доктор по испанской филологии
доцент кафедры романской филологии института иностранных языков
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tereshchuk Andrei Andreevich

PhD in Spanish Philology
Associate Professor at the Department of Romance Philology
Institute of Foreign Languages, Herzen University

Статья поступила в редакцию	29.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	24.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 008

Цифровизация культуры: токен-технологии как новая форма репрезентации искусства

И. А. Купцова[1], Ю. С. Васильева[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*
[1]*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия*
[1]*ia.kupcova@mpgu.su*
[2]*js.vasileva@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена осмыслению цифровой среды и анализу новых культурных форм, в частности токен-технологии, которая предоставляет новые возможности для потребления цифрового искусства и приобщения к нему, делает его более популярным, актуальным, интересным, включенным в культуру. Однако не только технологии влияют на развитие искусства, но и искусство, так или иначе, легитимирует их как культурно приемлемые. В качестве примера приводится цифровая коллекция японского художника Такаси Мураками под названием «Мураками. Цветы» (“Murakami.Flowers”).

Ключевые слова: цифровизация культуры, культурная форма, цифровая среда, цифровые технологии, цифровое искусство, NFT, технология NFT, искусство NFT, культурные индустрии, Такаси Мураками, Мураками.Цветы

Для цитирования: Купцова И. А., Васильева Ю. С. Цифровизация культуры: токен-технологии как новая форма репрезентации искусства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 145–150.

Original article

Digitalization of Culture: Token Technologies as a New Form of Art Representation

Irina A. Kuptsova[1], Yuliya S. Vasileva[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia*
[1]*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPA), Moscow, Russia*
[1]*ia.kupcova@mpgu.su*
[2]*js.vasileva@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the understanding of the digital environment and the analysis of new cultural forms, in particular, token technology, which provides new opportunities for the consumption of digital art, makes it more popular, relevant, interesting, and included in culture. However, not only technologies influence the development of art, but art legitimizes them as culturally acceptable. The digital collection “Murakami.Flowers” by Japanese artist Takashi Murakami is an example.

Keywords: Digitalization of culture, cultural form, digital environment, digital technologies, digital art, NFT, NFT-technology, NFT-art, cultural industries, Takasi Murakami, Murakami.Flowers

For citation: Kuptsova, I. A., Vasileva, Yu. S. (2024). Digitalization of culture: token technologies as a new form of art representation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 145–150.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью жизни современного человека, они играют значимую роль в динамике культуры и искусства. Их распространение оказывает влияние на повседневную жизнь людей, способы взаимодействия друг с другом и миром вокруг, а также на все базовые сферы культуры и систему формирования культурного опыта в целом. Цифровая среда, будучи значимой составляющей жизни современного человека, способна формировать культурные паттерны и конструировать культурные феномены, которые постепенно встраиваются в общество, становясь частью общечеловеческой культуры. Одним из таких феноменов, порожденных цифровой средой, является non-fungible token (*далее* NFT) – невзаимозаменяемый токен, цифровой сертификат на основе технологии блокчейн, подтверждающий право на владение цифровым активом.

Повседневные культурные практики переносятся в цифровое пространство, пытаются отвечать требованиям современных технологических реалий и использовать технологические условия и инструменты, привычные для пользователей. Поскольку цифровая среда стала частью нашей повседневной жизни, появляется необходимость обратиться к культурным формам и практикам, имеющим цифровое происхождение, так как рамка культуры двигается. Возможности технологии NFT на данный момент недостаточно отрефлексированы в академическом сообществе и научной литературе, и поэтому требуют специального анализа. При этом культурологический подход представляется наиболее эвристичным для понимания феномена и выявления его сущностных характеристик, а также оценки возможных перспектив дальнейшего развития.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК НОВАЯ ФОРМА РЕАЛЬНОСТИ

Подходы к исследованию цифровой среды значительно разнятся, включая анализ виртуальной реальности, киберпространства; критическую оценку теории новых медиа; создание междисциплинарного проекта Digital Humanities (цифровая гуманитаристика). Однако трансформации, которые происходят в цифровой культурной среде, до сих пор остаются малоизученными. Стремительность изменений опережает процесс накопления знаний и исследовательскую рефлексию [Соколова, 2012]. Сложность изучения цифровой среды заключается в том, что академическое сообщество не выработало единого подхода к пониманию и определению данного феномена. Исследователи выделяют две тенденции относительно определения цифровизации, которые отражают их ценностные установки: технократическую и гуманитарную.

Изучением цифровизации с точки зрения гуманитарных наук занимаются отечественные исследователи Л. В. Баева, Е. Е. Елькина, Н. Л. Соколова, а также зарубежные – Г. Боллмер, Дж. Бридл, Ю. Хуэй. О цифровой среде и цифровой культуре в рамках культурологической теории пишут исследователи Т. Ф. Кузнецова, О. В. Мороз, Е. Н. Яркова.

Цифровизация – это многогранный феномен, который можно рассматривать с разных позиций, создавая разнообразные объяснительные конструкции. С точки зрения гуманитарных наук, в частности культурологии, цифровизация представляет собой трансформацию системы коммуникаций между членами общества. Цифровая среда – продукт цифровизации – она являет собой возможности, предоставляемые человеку технологическими инструментами для настройки его образа жизни. Цифровая среда позволяет человеку трансформировать реальность по своему усмотрению, поскольку она фиксирует культурные тексты не континуально в виде монолитной массы, а дискретно в виде набора элементов, посредством которых возможна реконфигурация реальности [Яркова, 2021].

Гуманитарный подход направлен на мировоззренческие и онтологические вопросы, которые сопровождаются изменением ценностей, характера и форм коммуникации, паттернов поведения. Одним из прямых ответов на онтологический вопрос о природе цифровой среды является код, последовательность символов, прочитываемых компьютерными алгоритмами. Но этот «код» приобретает человеческое и социально-институциональное значение. Так, цифровая среда может быть определена как новая форма бытия, связанная с технологиями, ставшая продолжением физической реальности и следующая за естественной средой обитания [Баева, 2013].

В цифровом пространстве современный человек осуществляет значительную часть процессов, оно встраивается в мир реальный, становясь его неотъемлемой частью и формируя единое социокультурное пространство на основе интеграции этих двух начал. Многие действия человека в реальном мире отражаются в мире цифровом, а цифровые данные о физической реальности являются доступными в режиме реального времени – сегодня наша жизнь формируется возможностями цифровых технологий для записи и анализа данных, которые мы генерируем в повседневной жизни [Bollmer, 2018]. Нередко цифровая среда замещает реальность настолько, что отменяет разницу между ними.

Сегодня всё меньше представляется возможным разделение между онлайн- и офлайн-средой. Человек погружен в цифровое пространство, виртуальную реальность, пользуясь беспрепятственным и практически повсеместным доступом к сети и шире – цифровым технологиям. Пространственно-временные границы между сетью и пользователем разрушаются; оппозиция онлайн / офлайн стирается – они вместе формируют единое социокультурное пространство. Цифровая среда не воспринимается как отдельная реальность, она стала частью повседневной жизни; она встраивается в культурный код современного общества и «мимикрирует» под новую парадигму существования.

Процесс цифровизации, охвативший все сферы жизни общества, формирует новую культурную парадигму, в которой Интернет рассматривается в качестве универсального средства, позволяющего развивать новые культурные формы. Пребывание в Интернете обеспечивает пользователям возможность порождения новых культурных феноменов и практик, форматов взаимодействия и репрезентации искусства, переосмыслять историческое наследие в зависимости от моральных и этических установок, которые складываются в связи с новым типом коммуникации, формировать новые законы и правила, таким образом реконструируя ценностно-смысловой комплекс культуры. Рассмотрим подробнее одну из ведущих цифровых технологий репрезентации искусства – NFT.

ТОКЕН-ТЕХНОЛОГИИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

NFT (*англ.* non-fungible token – невзаимозаменяемый токен) – цифровой актив, созданный на платформе блокчейна[1], гарантирующий оригинальность цифрового объекта и обеспечивающий право собственности владельца [Шлемин, 2021]. Каждый NFT обладает уникальным идентификатором и дополнительными параметрами, которые позволяют хранить в нем определенную информацию. Именно уникальный идентификатор делает токен невзаимозаменяемым. В блокчейне содержится информация обо всех произведенных транзакциях и их участниках, создателе цифрового объекта, продажах, авторских отчислениях, стоимости и т. д., поэтому можно проследить всю историю владения объектом NFT.

Таким образом, NFT представляет собой единственный в своем роде цифровой объект, который поддается проверке и представляет собой уникальную ценность. По сути, NFT является сертификатом подлинности, и каждый NFT можно отличить по его взаимной незаменяемости. Так, например, изображения в формате jpg можно воспроизводить бесконечное количество раз, в то время как токен – нет. Именно эта его уникальность обеспечивает ценность изображений, позволяя коллекционировать, покупать и продавать их как произведения искусства.

Токен – аналог ценной бумаги в цифровом мире, это цифровое представление актива, которым может быть любая сущность, имеющая распознаваемые и подтверждаемые свойства [Шлемин, 2021].

Возникновение технологии NFT (и связанных с ней блокчейна и криптовалюты) можно соотнести с потребностью человека освоить цифровое пространство, то есть воспроизвести в нем привычные структуры и паттерны. Так, криптовалюта становится частью цифровой экономики, а NFT – сертификатом подлинности в цифровой среде. Это попытка переложить знакомую реальность в новое пространство, попытка протестировать его для того, чтобы впоследствии сохранить эти новые феномены, трансформировать их или совсем от них отказаться. Этот процесс имеет нелинейное направление, это всегда выбор.

Здесь можно проследить эволюционный культурный процесс. Несмотря на то, что криптовалюта и NFT связаны по большей части с экономикой (при этом необходимо помнить, что экономика является частью культуры), данные технологии развиваются в сфере социального взаимодействия. Попытка освоить цифровое пространство привела к поиску альтернативной финансовой системы и системы обмена ценностью. Цифровая среда создала новые форматы развития денежной системы, заменив реальный товарно-денежный обмен на использование «цифровых аналогов» денег и их перевод в электронную форму. Кроме того, цифровые технологии постепенно переносят в свое пространство многие «аналоговые» вещи, удовлетворяя потребности человека в режиме онлайн.

Интересы общества трансформируются на фоне повсеместного распространения цифровых технологий и оцифровки объектов материальной реальности. NFT представляется новой культурной формой, слабо осмысленной академическим сообществом. Под культурной формой понимается совокупность признаков и черт культурного феномена, которые отражают его утилитарные и символические функции и позволяют производить его идентификацию [Флиер, 2020].

Согласно известному российскому культурологу А. Я. Флиеру, «с момента включения новой

[1]Блокчейн (*англ.* blockchain – цепочка блоков) – это база данных, содержащая информацию о транзакциях, которые производят участники системы/

культурной формы в систему норм и стандартов и в комплекс образов идентичности усвоившего эту форму сообщества, она, как правило, утрачивает свое значение как уникальный физический объект <…> и превращается в образец для последующего использования и вариативно интерпретирующего ее воспроизводства, в чем по существу и будет заключаться ее социальная значимость в будущем» [Флиер, 1995, с. 40]. Новая форма включается в систему компонентов образа жизни членов сообщества через последующее воспроизводство в виде культурных объектов. Сегодня мы видим, что технология NFT встраивается во многие сферы деятельности человека, обладает значительным потенциалом для развития.

NFT, по своей сути, является тем, что принято считать креативной индустрией, одним из ее средств и механизмов. Основными критериями, которыми характеризуются как NFT, так и креативные индустрии, являются оригинальность, продвижение, идея, капитализация, ориентация на рынок. NFT неразрывно связан с криптовалютой, а значит, и с рынком. Данная технология позволила художникам, музыкантам, дизайнерам и представителям других сфер креативных индустрий найти новый способ коммерциализации своего продукта, поскольку до появления NFT в цифровой среде установить авторство было достаточно сложно: цифровые объекты, по сути, принадлежали всем пользователям. Авторство возвращает свое значение с ценностью интеллектуальной собственности. С появлением технологии NFT «картинки из Интернета» получили знак подлинности. Сами NFT возникли из-за попытки человека освоить цифровое пространство и закрыть его потребность на получение авторского права в Интернете и при цифровизации искусства.

Наиболее яркие форматы использования технологий NFT относятся к артосфере – сфере современного искусства. NFT привлекают внимание в культурной среде в формате выставок, на которых они являются ключевым средством репрезентации произведений авторов. Одним из проектов является коллекция NFT японского художника Такаси Мураками под названием «Мураками.Цветы» («Murakami.Flowers»), которая включает в себя пиксельные цветочные картины, созданные в авторском стиле «Superflat» и вдохновленные японской графикой видеоигр 1970-х годов. Коллекция встроится вокруг числа 108, связанного с буддийским учением о «108 страстях и желаниях», которые препятствуют человеческому счастью: 108 фонов, 108 цветов, 108 полей. Т. Мураками предполагает, что его улыбающиеся цветы будут напоминать людям о том, что человек может всегда выбирать счастье, несмотря на неудачи. Каждый цветок уникален и создан вручную.

25 ноября 2022 г. – 27 января 2023 г. в Дубае проходила выставка Т. Мураками, на которой были собраны знаковые работы художника, в том числе в отдельном зале были расположены распечатанные на холсте цветы из его коллекции NFT. Данным образом Т. Мураками попытался объединить физическую и цифровую реальности, а также внести свой вклад в адаптацию массового сознания к NFT. Любой посетитель мог сразу же приобрести цветок.

Художник был вдохновлен на изменение способа своего творческого самовыражения, подхода к искусству и создание NFT-коллекции своим ребенком, который играл в онлайн-игру: «Я увидел реальность меняющихся ценностей, когда понял, что дети могут различать красоту в виртуальном мире»[1]. Перед релизом *Murakami.Flowers* автор активно взаимодействовал с подписчиками в социальных сетях и рассказывал о своей философии и творческом процессе, несмотря на уже имеющееся мировое признание. Это было необходимо для того, чтобы представить себя в сообществе NFT, которое, в основном, состоит из молодых людей.

Именно художникам принадлежит особая роль в популяризации NFT в целом, привлечении особого внимания к этой новой форме репрезентации произведений искусства. Поэтому у большинства людей, малознакомых с NFT, данная технология ассоциируется именно с искусством, которое является индикатором культурных трансформаций и процессов, происходящих в обществе, никак не формализованных и не классифицированных; оно является своего рода сигналом, указывающим новые способы приобретения опыта, которые затем встраиваются в официальные институты.

Индустрия изобразительного искусства является одним из немногих рынков, которые считаются наиболее консервативными и оказываются практически неизменными за последние три сотни лет. Однако арт NFT ведет к трансформации данной индустрии, которой приходится отвечать на требования технологических реалий и запросам современных авторов. В течение нескольких лет цифровые технологии внедряются в традиционный рынок изобразительного искусства, который становится всё более восприимчивым и подверженным использованию технологических инноваций. Так, например, многие респектабельные аукционные дома (такие как Christie's, Sotheby's) уже заинтересовались новой

[1]Такаси Мураками продает коллекции NFT на OpenSea. BLOCKCHAIN-24.COM. 30.03.2021. URL: https://www.block-chain24.com/news/novosti-defi/takasi-murakami-prodaet-kollekcii-nft-na-opensea (дата обращения: 05.09.2023).

технологией и имеют отдельные департаменты, занимающиеся NFT.

В целом же арт NFT и блокчейн-технология, на которой он основан, оказывают влияние на изобразительное искусство и арт-рынок, трансформируя установки, сохранявшиеся столетиями и затрудняющие процесс развития арт-индустрии и привлечения инвесторов в данную сферу. Покупка объектов NFT и приобретение сертификатов владения превращается в бизнес. Арт NFT – это просто картинки. Что действительно важно, так это бренд, который стоит за ними. Если бренд развивается и получает отклик, тогда это именно то, во что нужно инвестировать. За более чем 30 лет своей художественной деятельности Т. Мураками уже стал брендом. Заслуга NFT в том, что он создал техническую возможность для потребления цифрового искусства, сделал его более актуальным, интересным и включенным в культуру.

Ажиотаж, начавшийся в сфере искусства, постепенно проникает и в другие сферы деятельности, такие как бизнес, образование, медицина, например, – платформа блокчейна универсальна. Уже создаются экосистемы NFT, в которых владение токеном подтверждает членство в определенном сообществе (ДАО), что представляет собой новую форму организации жизни людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Технология NFT представляет собой пример того, как происходит процесс оцифровки физических активов и как осуществляется взаимодействие с цифровыми активами. По мере развертывания процесса цифровизации потребность в технологии, способной аутентифицировать цифровые активы, будет расти. NFT предоставляет эту возможность и обладает потенциалом для развития. Сегодня общество находится в самом начале развития технологии NFT. Каждый день появляются новые проекты NFT с новыми идеями применения этой технологии. История развития и использования технологии сегодня находится в стадии формирования, что позволяет в режиме реального времени отслеживать трансформации, связанные с внедрением NFT в культуру. Технология NFT (и связанные с ней блокчейн и криптовалюта) представляет собой одну из заметных перспектив для развития цифровой среды по новым коммуникативным, социальным, культурным и экономическим стандартам, а также новым направлением в развитии межкультурной коммуникации, базирующейся на принципах равенства, прозрачности и доверия – новый тип общения, обусловленный криптографическим кодом, отображает современную культуру.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соколова Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). С. 6–10.
2. Яркова Е. Н. Цифровая культура как объект культурологии: к проблеме методологических альтернатив // Вестник Томского государственного университета, Культурология и искусствоведение. 2021. № 41. С. 112–126.
3. Баева Л. В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75–83.
4. Bollmer G. Theorizing Digital Cultures. UK: SAGE, 2018.
5. Шлемин А. А. NFT. Технология, которая изменит мир. Руководство для начинающих и полезная информация для знатоков. М.: Издательские решения, 2021.
6. Флиер А. Я. Феномен культурной формы // Культура культуры. 2020. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kulturnoy-formy (дата обращения: 05.09.2023)
7. Флиер А. Я. Культурогенез. М.: Российский институт культурологии, 1995.

REFERENCES

1. Sokolova, N. L. (2012). Cifrovaya kul'tura ili kul'tura v cifrovuyu epohu? = Digital culture or culture in the digital age? // International Journal of Cultural Research. № 3 (8). P. 6–10. (In Russ.)
2. Yarkova, E. N. (2021). Digital culture as an object of Cultural Studies: the problem of methodological alternatives // Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History. № 41. P. 112–126. (In Russ.)
3. Baeva, L. V. (2013). Elektronnaya kul'tura: opyt filosofskogo analiza = Electronic culture: experience of philosophical analysis // Voprosy filosofii. № 5. P. 75–83. (In Russ.)
4. Bollmer, G. (2018). Theorizing Digital Cultures. UK: SAGE.
5. Shlemin, A. A. (2021). NFT. Tekhnologiya, kotoraya izmenit mir. Rukovodstvo dlya nachinayushchih i poleznaya informaciya dlya znatokov = NFT. Technology that will change the world. A beginner's guide and useful information for connoisseurs. Moscow: Izdatel'skie resheniya. (In Russ.)

6. Flier, A. Ya. (2020). Fenomen kul'turnoj formy = Phenomenon of cultural form. Kul'tura kul'tury № 2. https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kulturnoy-formy (Accessed: 05.09.2023). (In Russ.)
7. Flier, A. Ya. (1995). Kul'turogenez = Cultural genesis. Moscow: The Russian Institute for Cultural Research. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Купцова Ирина Александровна
доктор культурологии, доцент
профессор кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета
заведующий кафедрой медиаобразования Московского педагогического государственного университета
эксперт НОЦ «Гражданское общество и социальные коммуникации» РАНХиГС

Васильева Юлия Сергеевна
аспирант кафедры мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kuptsova Irina Aleksandrovna
Doctor of Culturology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University
Head of Media Education Department, Moscow Pedagogical State University
Expert at Research and Education Centre "Civil Society and Social Communication" of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPA)

Vasileva Yuliya Sergeyevna
Postgraduate Student at the Department of World Culture
Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	29.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 008+7.03

Особенности мотива наказания грешников в европейской готической скульптуре (за пределами Франции)

В. А. Тёмкин

Московский государственный лингвистический университета, Москва, Россия
vitem222@mail.ru

Аннотация. Эта статья – очередной этап в исследовании темы наказания грешников на Страшном Суде, воплощенной в искусстве европейского Средневековья. Большой интерес представляет трактовка темы в готическом искусстве Германии и Испании. Отправляясь от французских образцов, сформировавших своего рода канон, скульпторы этих стран создали свои варианты интерпретации мотива воздаяния за грехи, в которых нашли отражение характерные черты нарождавшихся национальных культур. Вместе с тем некоторые образные решения глубоко индивидуальны, как, например, полный острой экспрессии тимпан собора в Бамберге (Германия) или детально натуралистический архивольт коллегиальной церкви в Торо (Испания).

Ключевые слова: готическая скульптура, мотив наказания грешников на Страшном суде, национальные культурные особенности

Для цитирования: Тёмкин В. А. Особенности мотива наказания грешников в европейской готической скульптуре (за пределами Франции) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 151–156.

Original article

Features of the Motif of Punishment of Sinners in European Gothic Sculpture (outside France)

Victor A. Tyomkin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vitem222@mail.ru

Abstract. The article continues the analysis of the embodiment of the motif of punishing sinners at the Last Judgment in the art of the European Middle Ages. Of great interest are examples of the interpretation of this theme in the Gothic art of Germany and Spain. Starting from the French models, which formed a kind of canon, the sculptors of these countries created their own versions of the interpretation of the motif of retribution for sins, which reflected the characteristic features of the emerging national cultures. At the same time, some figurative solutions are deeply individual, such as, for example, the tympanum of the cathedral in Bamberg (Germany) full of sharp expression or the detailed naturalistic archivolt of the collegiate church in Toro (Spain).

Keywords: Gothic sculpture, the motive of punishment of sinners at the Last Judgment, national cultural characteristics

For citation: Tyomkin, V. A. (2024). Features of the motif of punishment of sinners in European Gothic sculpture (outside France). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 151–156.

ВВЕДЕНИЕ

Мотив наказания грешников на Страшном суде получил импульс к развитию во французской романской, а затем и готической традиции, однако довольно быстро – разумеется, в исторических масштабах – распространился и на другие европейские культуры. Причем мы имеем дело с эволюцией не только стиля, но и самого пластического воплощения идеи. Подробный разбор памятников открывает ряд нюансов, которые для удобства мы назовем типичными для национальных культур в раскрытии темы. При этом следует отметить, что далеко не везде в Европе, в отличие от Франции, она приобрела нормативный характер. Можно найти примеры готических церквей, в декоре которых она не представлена вообще. В данной статье мы остановимся на ряде образцов германской и испанской скульптуры.

СКУЛЬПТУРНЫЙ ЦИКЛ СТРАСБУРГСКОГО СОБОРА

В южном крыле трансепта Страсбургского собора в 1225–1230 гг. был воздвигнут Столп ангелов. В его верхней части можно видеть сравнительно небольшую группу фигур под ногами Христа Судии: она не дифференцирована на «праведные» и «грешные» души, это конгломерат фигур, единый и семиотически, и формально. Однако исторически тот элемент интерьера здания, который мы называем Столпом ангелов, посвящен теме Страшного суда, что явственно следует из его структуры. На нижнем ярусе – четыре евангелиста со свитками Евангелий, на среднем – четыре ангела с трубами, возвещающими наступление Судного дня, на верхнем – фигура Спасителя и три ангела с орудиями Страстей.

Но поскольку средний ярус читается лучше всего при взгляде снизу (общая сохранность может быть признана удовлетворительной), то утвердилось иное, современное название архитектонической детали. В семиотическом плане это, с одной стороны, означает сдвиг смысла с идеи наказания за грехи на идею спасения мира, а с другой – подчеркивает ничтожное по сравнению с общим массивом место тех самых душ, которые жаждут Воскресения.

Немецкий искусствовед Уве Гезе интерпретирует столп (в переводе А. Блейз – колонну) в непосредственной связи с иконографической программой южного портала собора, обусловившей и композицию: «Иконографическая программа этого портала, включающая идею использования церкви как зала суда, дополняется Колонной Ангелов в интерьере южного рукава трансепта. Ее восьмигранный ствол со связанными колоннами украшен статуями, в совокупности составляющими систему персонажей «Страшного Суда». В нижней зоне помещены четыре евангелиста со свитками в руках. Они стоят под балдахинами, опираясь на постаменты, оформленные как капители в виде почек и молодых листьев. В средней зоне трубят в трубы ангелы Страшного Суда. В верхнем ярусе восседает Христос в окружении ангелов, держащих орудия Страстей. Демонстрируя рану на боку, Христос поднимает руку; здесь это не является жестом благословения. Под капителью, на которой стоит его трон, помещены фигурки воскресших людей; они обращаются с молитвой к самому Христу, ибо заступники – Мария и Иоанн – в эту композицию не включены. Отсутствует также сцена отделения праведников от грешников» [Гезе, 2000, с. 336–337]. Столп Ангелов был поставлен в том месте, где епископ вершил церковный суд, и обозначал момент второго пришествия Христа и Судный день.

К концу XIII в. сформировался комплекс западного фасада Страсбургского собора, в том числе и тимпан правого портала со сценами Страшного Суда. Тимпан имеет ярко выраженную ланцетовидную форму, архитектоника которой в расположении скульптур подчеркнута композиционно: непосредственно под острием ланцета расположена фигура Христа, голова которого чуть сдвинута относительно вертикальной оси, что придает изображению в целом живость и непосредственность. Как часто бывало и во Франции, комплекс трехъярусный, а друг от друга ярусы отделяются горизонтальными перемычками, поддержанными растительным (листья аканфа или дуба?) орнаментом. Внизу происходит восстание из мертвых: мы видим гробы, правда, закрытые (вероятно, по мысли создателей тимпана, закрывшиеся после Воскресения), на них полусидят или полустоят люди в разных позах: кто-то еще не окончательно пробудился от смертного сна, кто-то уже погружен в радостную молитву, кто-то пытается заслониться от грядущего и т.д. Налицо типичная ситуация, о которой писал В. Н. Тяжелов: «В образном строе немецкой скульптуры н первый план выступили черты экспрессии и характерности» [Тяжелов, 1981, с. 282]. Интересно, что фигуры ангелов с трубами расположены по краям именно этого яруса, хотя иконографически традиционно их расположение там, где, собственно, и происходит распределение душ в Рай и Ад, т. е. на среднем ярусе. Здесь это, однако, не так.

Средний ярус непосредственно посвящен интересующей нас теме. Явная асимметрия (праведников слева от зрителя всего пять, тогда как грешников семь, к ним добавлены еще два беса) показывает,

что Рая удостоятся немногие. Лица спасенных спокойны, исполнены в некоторых случаях буквально античного достоинства. На лицах грешников явная скорбь, о чем свидетельствуют опущенные книзу уголки губ. У тех, кто находится ближе к адскому пламени, – выражение ужаса. Заслуживает внимание своеобразный диалог двух фигур – наиболее близкого к центру простоволосого праведника и первого грешника. Жест руки спасенного двойствен: он может быть истолкован и как дружеское ласковое прощание, и как отторжение, впрочем, в любом случае лишенное агрессии. Все же хочется остановиться на первой интерпретации, тем более руки короля сложены молитвенно.

Все грешники повязаны по шеям одним толстым канатом, в некоторых случаях даже с двойным обвитием. Вожатый, на шее которого укреплен канат, – бес, волочащий своих пленников в разверстую горящую пасть Левиафана. Мускульное усилие, требующееся от него, подчеркнуто напряжением обнаженного получеловеческого-полукозлиного бедра. Второй бес, трехпалый, с крылышками и бородкой египетских фараонов, менее занят и более эмоционален, на физиономии его читается злорадное ликование.

Верхний ярус традиционен: здесь Христос, открывающий ладони со следами крестных ран, по сторонам от Него ангелы с орудиями страстей, в углах композиции стилизованные полуфигуры ангелов с трубами.

Обращает на себя внимание отсутствие ангелов во втором ярусе. Создается впечатление, будто, вопреки устойчивому выражению «Господь разберет своих», впервые позвучавшему в связи с гонениями на катаров, здесь *своих разбирают* бесы, которым иконографически доверено распределение душ. Такая картина встречается редко, во французской традиции мы с этим не сталкивались. Нет, пожалуй, ее и в самой Германии.

КНЯЖЕСКИЙ ПОРТАЛ БАМБЕРГСКОГО СОБОРА

Княжеский портал собора Санкт Петер унд Георг в Бамберге, выстроенного в романском стиле, был выполнен между 1225 и 1237 гг. Не будет преувеличением сказать, что он уникален. Традиционная романская полукруглая форма тимпана не должна обманывать сходством с французской традицией – это скорее общероманский стилевой принцип, характерный для целого ряда зданий. Готическое декоративное убранство подчинялось архитектонике, в этом случае оставшейся без изменений и споривший со скульптурным наполнением. Первое, что бросается в глаза на тимпане Княжеского портала Бамбергского собора, это отсутствие ярусного членения. Такой композиционный принцип нередок во Франции [Тёмкин, 2023]. Но далее начинается радикальное расхождение с традицией и контекстом.

Начать с того, что за четырьмя исключениями все персонажи тимпана пребывают в приподнятом настроении – спокойны только Христос, коленопреклоненные Богоматерь и Иоанн Креститель, чьи профильные фигуры находятся внизу, у ног Спасителя. Да и бес, чья морда неантропоморфна, не выказывает радостных эмоций. Это подчеркивается его позой — он тащит за собой грешников на цепи, хотя куда, к кому крепится эта цепь, остается неясным. Не случайно пример Княжеского портала послужил видному медиевисту Жаку Ле Гоффу в его обобщении: «Дьяволы проникают и показываются отовсюду, гримасничающие, с их языком, с длинными зубами, широкими ноздрями, большими ушами, рогами» [Le Goff, 2019, с. 175].

Общее веселье охватывает как праведников, так и грешников. Понятно ликование избранных Спасителем: они двигаются в Рай, в жизнь Вечную, в Небесный Иерусалим. При этом вовсе не исключаются прежние, прижизненные человеческие привязанности: так, король, расположенный в непосредственной близости к левому краю, держит за руку простоволосую молодую женщину, чей радостный взгляд обращен на Христа. По мнению В. Н. Тяжелова, «автор “Страшного Суда” – рассказчик, который заостряет образы до гротеска» [Тяжелов, 1981, с. 284]. Представляется не вполне корректным употребление термина «гротеск», введенного в культурный обиход не в романскую эпоху – лишь к концу XVI в. и в совершенно ином значении, а современное наполнение получивший и того позже. Однако общая направленность высказывания исследователя ясна и бесспорна: образы действительно заостряются с помощью мимики праведников и грешников. Вероятно, с наименьшей исторической натяжкой можно говорить об экспрессивности.

Жак Ле Гофф трактует подобное настроение в общем ключе: «Тогда как смех (под запретом в монашеских уставах) считался дьявольским, улыбка становится стереотипным выражением избранных. Экспрессионистская тенденция четко читается на лицах статуй праведников XIII века в Бамбергском соборе» [Le Goff, 2019, с, 174].

Широчайшая палитра эмоций спасенных по-человечески понятна, хотя странна для Средневековья, не вполне узаконившего представления о различии человеческих характеров, об индивидуальности. Но чем объяснить поголовное веселье грешников, которых ждут вечные муки? Напряженный бес ведет непонятно кого непонятно куда – здесь нет ни

Левиафана, ни сковороды. Допустим, перед нами фигура умолчания. Но и это не объясняет характера изображений.

Простоволосый мужчина по левую руку Христа на заднем плане (мы видим только голову и кисти) хохочет так, что вынужден придерживать нижнюю челюсть с обеих сторон. Священнослужитель (скорее всего, судя по головному убору, епископ) рядом с ним смотрит на неизвестный нам объект с умилением, как на что-то милое и трогательное. Ниже находится пара: мужчина со свертком в руке и женщина в головном уборе. Между ними явно происходит взаимодействие, вполне доброжелательное и также на эмоциональном подъеме. Между женщиной и следующей фигурой, речь о которой ниже, чуть склонился мужчина с узелком в руке – рельеф на поверхности узелка свидетельствует, что внутри находятся деньги. Таким образом, перед нами скупец, которому предстоят адские муки, но их он воспринимает с радостной и открытой улыбкой.

У границы правого от зрителя края тимпана стоит та самая фигура, о которой упоминалось выше. Это король, почти симметричный (сдвинут чуть ниже) королю слева. Он уже не просто улыбается, а откровенно смеется.

Разнообразие эмоциональных репрезентаций радости на тимпане Княжеского портала изумляет. Перед нами как будто не сцена Страшного Суда, а зрители на уличном театральном представлении. Ничего не проясняют и две крошечные фигуры восстающих из гробов (одну откинутую крышку мы наблюдаем) внизу в центре, под стилизованной полуколонной, на которой стоит трон Христа со спинкой в виде стилизованной мандорлы. Они тоже веселятся!

ТИМПАН ПОРТАЛА СОБОРА В ТАРРАГОНЕ

Загадка тимпана Бамбергского собора не разрешается на известном нам материале. Но и в других европейских культурных областях перед нами возникают изображения, с трудом поддающиеся интерпретации с точки зрения канона, который условно связан с французской традицией. Например, тимпан центрального (главного) портала собора в Таррагоне, исполненный мастером Бартомеу (с 1277 г.). Перед нами трехъярусная композиция. Внизу развернута многофигурная сцена разнообразнейших адских мук, но лица людей и морды бесов направлены кверху. Средний ярус – восстание из гробов, опять-таки воскрешенные смотрят на Христа. Верхний уровень – Христос в позе адорации, по сторонам от него Солнце, Луна и ангелы с орудиями страстей. Но где же здесь Рай?..

АРХИВОЛЬТ ПОРТАЛА КОЛЛЕГИАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ В ТОРО

В отличие от ярусного устройства романских изображений во Франции и Италии испанская позднероманская, с переходом к готике стилистика допускает нерегламентированную разработку мотива Страшного суда на церковном портале. На тимпане коллегиальной церкви в Торо (конец XIII в.) изображен чисто готический сюжет — Коронование Марии. Здесь Христос предстает как Царь Славы. Сцены Страшного суда занимают крайний верхний архивольт портала, композиционно и по смыслу замыкая общую концепцию. Немецкий специалист по средневековому искусству Пиренейского полуострова Регина Абегг связывает композицию архивольта с местной позднероманской традицией конца XII века [Абегг, 2000].

Центральная фигура архивольта – Христос, одетый в красный гиматий, наброшенный на обнаженное тело с явной раной от копья (рана анатомически в правом боку, чтобы зритель воспринимал его как левый) и следами гвоздей на ладонях. Он держит руки распахнутыми и ладони раскрытыми, как на рельефе романского собора Сен-Лазар в Отене. Композиция построена по принципу симметрии: по обеим сторонам фигуры Христа фронтально расположены ангелы, далее две коленопреклоненные профильные фигуры (предположительно Мария и Иоанн Евангелист), за ними снова ангелы с орудиями Страстей, причем копье находится не по ту сторону, где рана, а по противоположную. И все эти фигуры обращены к Христу ликами, что отчасти опять-таки напоминает деисусную композицию. Далее мы видим двух трубящих ангелов, стоящих спиной к Христу и ликами к уже воскресшим (стоят) и только поднимающимся из гробов душам, представленным в виде обнаженных людей. И лишь после этих двух симметричных и композиционно, и семантически групп можно увидеть отличия. Группировка фигур на рельефе строится по тому же принципу, что и в предыдущих примерах.

Изображения ада и грешников на архивольте в Торо не столь детализированы сюжетно, как, например, на тимпане романской базилики св. Веры в Конке. Здесь есть грешники, бесы и сцены наказания, порой жуткие; отсутствуют какие-либо мотивировки, как конкретные, так и символические. Основная цель создателя скульптурного убранства портала, как часто бывает в испанском искусстве, – не сюжетно-логическое, а остро эмоциональное воздействие на зрителя. И здесь мастер-аноним не скупился на подробности расправы над грешниками. Интересно, что перед нами две группы фигур: для первой, по-видимому, наказание

еще не выбрано, и они несут следы раскраски, хотя полихромия, увы, пострадала от времени. Зато казнимые показаны в ахроматичной манере, их смерть подчеркнута отсутствием цвета, как, например, в сцене Сошествия во ад на романской мозаике западной стены церкви Вознесения Марии на острове Торчелло. Покойники в Торо выглядят еще более мертвыми из-за своих грехов, что подчеркнуто ярким пылающим пламенем жаровни. По обе стороны от нее стоят бесы, специальными опахалами раздувающие и нагнетающие огонь. Два других под руководством более крупного дьявола палками утрамбовывают как можно глубже обреченных адскому костру.

Если в Отене в толпе осужденных мы видели музыканта, то здесь с обескураживающим удивлением обнаруживаем архитектора (с циркулем) и строителя (с молотком). Остается только гадать, кто имелся в виду при составлении богословской программы рельефа, созданной в то время, когда художник еще не продумывал содержание своих работ самостоятельно.

Семантически архивольт в Торо, формально обрамляя портал, на самом деле определяет динамику целостной композиции, ее вертикальное движение от Распятого Христа к Царю Славы или в обратном порядке: здесь, в условиях отсутствия изображения Распятия, чтение возможно как снизу вверх (от Воскресения Иисуса к Коронованию Марии), так и сверху вниз. Нарушение хронологии подчеркивается тем, что сцена Успения Богоматери помещена еще ниже, чем Коронование, – на притолоке. Недаром между этими двумя сюжетами расположены шесть поясов с рельефными фигурами святых.

ТИМПАН ПОРТАЛА СОБОРА В ЛЕОНЕ

В соборе Богоматери в Леоне (скульптура II половины XIII в.), архитектурно и отчасти пластически близком французской манере, на притолоке главного портала непосредственно под тимпаном с деисусом изображена сцена Страшного Суда, интересная своей характерностью. Так, например, в центре мы видим ангела, как бы обнимающего воскресшего человека и одновременно воздевающего лицо к Иисусу Христу на тимпане. Безмолвный вопрос считывается без труда: что делать с этой душой, куда ее распределить? Обращает на себя внимание группа праведников слева от зрителя, по правую руку Спасителя. По словам испанского искусствоведа П. Наваскуэса Паласио, их характеризует «<…> изысканность поз и одеяний, а также присутствие небесной музыки в виде органа. Играющий на нем человек сидит в непринужденной позе спиной к зрителю, зато хорошо виден его помощник, раздувающий мехи. Справа изображены Святой Франциск и Святая Клара, беседующие с королем» [Паласио, 2005, с. 112]. Визуально они соотносятся скорее с горожанами во время городского празднества: стоят группами, ведут беседы, музицируют и при этом неспешно двигаются к Райским вратам, где их встречает святой Петр. Подчеркнут бытовой характер решения сакральной сцены.

Чуть правее со стороны зрителя – архангел Михаил с весами, сразу от него начинается ряд осужденных и наказуемых грешников. Мы видим адские котлы (пламя поддерживается мехами) и три головы адского пса и бесов, осуществляющих наказание. Как уточняет Наваскуэс Паласио, «По контрасту с группой праведников сцена ада производит ужасное впечатление. Зубастые чудовища пожирают осужденных над объятым пламенем миром. Реалистичность и выразительность этих фигур была бы еще больше, если бы сохранилась разноцветная роспись порталов, от которой остались лишь незначительные фрагменты» [там же].

Что касается художественной манеры леонского «Мастера Страшного Суда», то, как полагает Р. Абегг, «Стиль этого рельефа своей подчеркнутой элегантностью далеко превосходит все возможные французские образцы, а изысканной детализировкой напоминает миниатюрные статуэтки из слоновой кости» [Абегг, 2000, с. 374]. С этим суждением можно спорить, припоминая качество рельефов в Бурже или Амьене.

РАЙСКИЙ ПОРТИК СОБОРА В ОРЕНСЕ

Сюжет наказания грешников на Райском портике собора в Оренсе (середина XIII в.) располагается на трех архивольтах справа от зрителя, напротив аналогичной композиции с пророками и ангелами. Архитектурные особенности продиктовали композицию убранства архивольта. Драматизм сцены передан посредством массива фигур, сплетающихся на нижнем и среднем ряду. Лишь на самом верхнем ряду перед нами две фигуры, их казнь персонифицирована: одна изображена в путах, вторая – обнаженная женщина, грудь которой терзают змеи (так изображали Луксурию, олицетворявшую грех похоти). На нижнем ряду обнаруживаем дьявола, грызущего двух безвольных жертв и копытами попирающего третью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разобранных примеров, кажется, достаточно, чтобы сделать некоторые обобщения. Если мы принимаем французскую манеру декорирования

тимпана портала или другой части храмового убранства как некий канон (в достаточной степени условный, так как и внутри этого канона нет единообразия) или хотя бы как основополагающую идею, то бросается в глаза не столько следование образцу в германских и испанских произведениях, сколько многочисленные расхождения, своего рода проявления центростремительной силы. Налицо индивидуализация решения мотива Страшного Суда в рассмотренных случаях. Она свидетельствует, как нам кажется, о недюжинном пластическом воображении не только исполнителей декора, т. е. скульпторов, но и авторов богословских программ, т. е. представителей католического священства.

Тем не менее, представленные примеры позволяют констатировать, что высказанные учеными тезисы о национальном своеобразии европейских культур в эпоху готики имеют под собой определенные основания. Так, немецкая готическая скульптура отличается ярко выраженными чертами характерности и неожиданно острой экспрессивности. Испанская скульптура в большей степени ориентируется на французские образцы, привнося при этом в свои художественные решения, с одной стороны, реалистическую конкретику, а с другой, повышенную эмоциональность. Следует отметить, что указанные особенности будут и в дальнейшем прослеживаться в образном строе искусства рассмотренных национальных культур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гезе У. Готическая скульптура во Франции, Италии, Германии и Англии // Готика: Архитектура. Скульптура. Живопись / Р. Томан, А. Беднорц ; пер. с нем. А. Блейз. Köln: Könemann, 2000. С. 300–371.
2. Тяжелов В. Н. Искусство Средних веков в Западной и Центральной Европе // Малая история искусств. М.: Искусство, 1981.
3. Тёмкин В. А. Мотив наказания грешников в культуре и искусстве французской готики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 7 (875). С. 165–171.
4. Le Goff J. Un Moyen Age en images. Paris: Editions Hazan, 2019.
5. Абегг Р. Готическая скульптура в Испании и Португалии // Готика: Архитектура. Скульптура. Живопись / Р. Томан, А. Беднорц ; пер. с нем. А. Блейз. Köln: Könemann, 2000. С. 372–385.
6. Паласио Педро Наваскуэс. Соборы Испании / пер. с исп. А. Н. Шерстнева. М.: СЛОВО / SLOVO, 2005.

REFERENCES

1. Geese, U. (2000). Goticheskaya skulptura vo Frantsii, Italii, Germanii I Anglii = Gothic Sculpture in France, Italy, Germany and England. In Toman, R., Badnorz, A., Gotika: Arkhitektura. Skulptura. Zhivopis, transl. from German by A. Blejz (pp. 300–371). Köln: Könemann. (In Russ.)
2. Tyazhelov, V. N. (1981). Iskusstvo Srednikh vekov v Zapadnoy i Tsentralnoy Yevrope = Art of the Middle Ages in Western and Central Europe. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
3. Tyomkin, V. A. (2023). The Motive of Punishment of Sinners in the Culture and Art of French Gothic. Vestnik of Moscow State linguistic University. Himasnities, 7(875), 165–171. (In Russ.)
4. Le Goff, J. (2019). Un Moyen Age en images. Paris: Editions Hazan, 2019.
5. Abegg, R. (2000). Goticheskaya skulptura v Ispanii I Portugalii = Gothic Sculpture in Spain and Portugal. In Toman, R., Badnorz, A., Gotika: Arkhitektura. Skulptura. Zhivopis, transl. from German by A. Blejz (pp. 372–385). Köln: Könemann. (In Russ.)
6. Palasio, P. N. (2005). Sobory Ispanii = Cathedrals of Spain. Moscow: SLOVO / SLOVO. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тёмкин Виктор Александрович

кандидат исторических наук
доцент кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tyomkin Victor Aleksandrovich

PhD (History)
Associate Professor at the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	28.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	24.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 1 (882)

Ответственный редактор выпуска
А. О. Манухина
кандидат филологических наук, доцент

Редакторы: М. М. Сингал, Н. Г. Павлова
Верстка: А. В. Алымов, Ю. Л. Герасимова
Разработка макета: А. Алымов

Подписано в печать 28.02.2024
Усл. печ. л. 19.
Формат 60x90/8
Заказ № 14/24

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

Network electronic scientific publication

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University
Humanities
Issue 1 (882)

Executive editor
Alla O. Manuhina
PhD (Philology), Associate Professor

Editors: M. M. Singal, N. G. Pavlova
Layout: A. V. Alymov, Yu. L. Guerassimova
Layout design: A. Alymov

Signed for print: 28.02.2024
Conventional printed sheets: 19.
Layout format 60x90/8
Order 14/24

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© FSBEI HE MSLU, 2024

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (ROSKOMNADZOR)

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».